

Джим Бишоп Голгофа - Последний день Иисуса Христа

Аннотация

Джим Бишоп - американский журналист послевоенного времени. Его книга "Последний день Иисуса Христа", изданная в 1957 году, интересна не только захватывающим сюжетом о сложных хитросплетениях коварных замыслов и неблагоприятных деяний первосвященника Иерусалимского храма Каиафы, прокуратора Иудеи Понтия Пилата, царя Ирода, предателя Иуды, направленных против Иисуса. Автору удалось живо описать бытовавшие в то время нравы, обычаи и обряды, связанные с религиозными представлениями древних обитателей Палестины.

Бишоп Джим Голгофа - Последний день Иисуса Христа

Предисловие переводчика

Экземпляр этой книги на английском языке я купил осенью 1986 года у бородатого духанщика на Опиум-стрит в осажденном Кабуле. Чтение было единственным развлечением долгими вечерами, и, открыв первую страницу, я уже не мог оторваться от описываемых в книге евангельских событий.

Я был знаком с библейскими сюжетами, однако художественное повествование Дж. Бишопа увлекало авторским видением драмы последнего дня жизни Иисуса Христа и новыми деталями, которые упоминаются в Новом Завете вскользь или вообще отсутствуют. Пониманию скрытых пружин непримиримой закулисной борьбы священников Иерусалимского храма против "еретика" Иисуса способствуют главы-отступления, описывающие историю Палестины и Рима, их быт и нравы во времена Иисуса Христа. В этом плане книга несомненно имеет познавательную ценность.

Глава "Иисус" является по сути изложением Четвероевангелия и знакомит читателя с новозаветной частью Библии. Необходимо отметить, что автор отобрал важнейшие евангельские сюжеты, но расположил их в иной последовательности, нежели в Новом Завете. Справедливости ради следует сказать, что и у четырех евангелистов последовательность отдельных эпизодов не полностью совпадает.

Глава "Иисус" знакомит читателя с вехами жизни и учением Христа, которое должен знать каждый человек; с деяниями Мессии, Нагорной проповедью, ставшими хрестоматийными чудесами; интригами служителей Иерусалимского храма и др.

Замысел перевести эту книгу на русский язык возник сразу. В наши дни пробудился большой интерес к Священному Писанию - не только источнику религиозных фактов и исторических сведений, но и литературно-художественному памятнику. Однако далеко не каждому читателю под силу понимание Библии. Причин несколько: одна из них - недостаточная образованность в области древней истории и богословия, другая - в кажущейся архаичности слога Библии. К тому же эта Книга далеко не всем еще доступна.

В последнее время в нашем обществе вырабатывается новый взгляд на историческую роль и значение христианской Церкви в современном мире. Дефицит доброты, милосердия, взаимопонимания между людьми приводит к мысли, что спасение нашей человечности в немалой степени зависит от воспитания молодого поколения на высоких нравственных принципах. Многие в этом плане дает христианское учение, нравственные устои которого по сути своей являются общечеловеческими.

В книге Дж. Бишопа Иисус предстает положительным героем, на чьей стороне неизменно находятся симпатии сопереживающего читателя. Книга учит добру, любви к ближнему, готовности к лишениям ради

других, осуждает лицемерие, алчность, предательство.

Книга написана верующим человеком, и многое в ней может вызвать у нехристианина несогласие и сомнения, но сомневающийся читатель всегда может прийти к истине, если у него пробудится подлинный интерес к духовной стороне бытия.

Автор книги пользовался многими источниками. Основой его повествования послужил Новый Завет в переводе на современный английский язык Дж. Кляйста и Дж. Лилли. Адаптированный текст делает книгу доступной для массового читателя. Высказывания персонажей приведены, однако, в неизменном виде, как евангельские цитаты.

Пользование различными источниками, в том числе историческими повествованиями разных эпох, объясняет отчасти стилистическую неоднородность авторского изложения, которую переводчик не стремился привести к единообразию.

В русском переводе высказывания героев книги воспроизведены по дореволюционному синодальному изданию Библии (мы использовали переиздание Московской Патриархии 1956 года). Язык этого издания несколько отличается от современного, не представляя, однако, какой-либо серьезной трудности для понимания, он сохраняет дух канонического текста и придает исторический колорит речам евангельских героев.

Мы полагаем, что русский перевод "Голгофы" Дж. Бишопы вызовет большой интерес у широкого читателя и не только познакомит с евангельскими событиями двухтысячелетней давности, но и заставит задуматься над образом Иисуса Христа, посеет в душе немало добрых зерен...

Книга представляется актуальной в связи с приближающимся двухтысячелетием христианской веры, которое будет ознаменовано интересными научными публикациями и новыми религиозными изданиями.

Книга рассчитана на верующих и неверующих.

А. И. Литвиненко

Кабул - Харьков

1986-1990

Предисловие автора

Эта книга о самом драматическом дне в истории человечества, когда взшел на крест Иисус из Назарета. День этот начинался в четверг в шесть часов пополудни, когда Иисус и десять апостолов собрались в Иерусалиме на Тайную вечерю. А закончился он в четыре часа в пятницу, когда Иисуса сняли с креста.

Эта книга в гораздо большей степени, чем иные мои труды, является продуктом интеллектуального творчества других. Фундаментальные исследования были проведены давным-давно четырьмя прекрасными летописцами: Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Остальное накапливалось на протяжении столетий по воспоминаниям и фрагментам знаний многих мужей: Кирилла Иерусалимского, Иосифа Флавия, Эдершайма, Гамалиэля, Дэнби, Уильяма, Риччиотти, Лагранжа, Кугельмана, Хенига Бенуа, Барбета Прата. Они и многие другие собрали материал, изложенный на страницах этой книги.

Мне кажется, что я нашел практический подход к описанию событий того дня, подход скорее журналиста-историка, чем теолога. И более всего мне хотелось видеть Иисуса человеком, когда Он избрал человеческие страдания. И я хотел показать Его в окружении тех людей, кто любил Его как Сына Божьего, и тех немногих из храма, кто презирал Его как обманщика. Попутно я хотел рассказать, насколько это возможно, о тех двенадцати, кого Иисус избрал, чтобы они несли Его слово миру, а также тех, кто следовал за Ним по всей стране. Я хотел понять, почему старый Анна и Каиафа так желали убийства Галилеянина. Я хотел исследовать добровольные ограничения Иисуса, Который явился как Человек.

Главы книги описывают события каждого часа последних суток жизни Иисуса Христа. Три главы служат историческим фоном повествования: "Иудеи", "Иисус" - история Иисуса и Его семьи, и "Римляне". Из них самой важной кажется мне глава "Иудеи", ибо не представляя, какой была Палестина и ее народ две тысячи лет назад, читатель не сможет осмыслить событий того дня. Важно помнить, что в Иисуса верило такое множество евреев, что старейшины храма были вынуждены организовать заговор против Него, иначе, как полагали священники, "Он уведет народ из храма".

Этот день принес и любовь, и ненависть. Он изменил ход истории, оказал влияние на миллионы судеб. Однако, когда близкие сняли Иисуса с креста, Палестина и мир не придали этому событию особого значения. В Иерусалиме, в Галилее, в маленьких деревушках многие, верившие, что Иисус - Мессия, были разочарованы. По их понятию, Иисусу следовало бы призвать воинство ангелов и поразить римлян и священников, предающих Его смерти. Он должен был воссесть на облаке с апостолами по обе руки и провозгласить новое царство. То, что Он этого не сделал, а избрал смерть во избавление грехов человечества, по их мнению, было признаком Его несостоятельности. Казнь через распятие считалась столь позорной, что долгое время спустя даже апостолы избегали разговоров о ней.

Для меня было чрезвычайно важно расставить акценты на событиях того дня, воодушевляясь прочной верой в то, что Иисус-Бог и второе Лицо Троицы. Этому способствовал и мой интерес к этому периоду Священной истории, а также вера в то, что Иисус искренне любил всех и доказал это.

В своих исследованиях я часто оказывался на распутье и был волен пойти в ту или иную сторону. Например, был ли римский прокуратор Понтий Пилат в этот день в крепости Антонии или в другом конце города, во дворце Ирода? (Существуют данные в пользу обоих предположений.) В подобных случаях я изучал все материалы и выбирал то, что казалось мне более логичным.

В этой книге ничто не противоречит Библии. Тот, кто верит в истинность Евангелия, должен признать, что книге не хватает объективности. Но я журналист, и полагал, что мой труд прежде всего должен быть самостоятельным. Знакомясь с материалом для написания этой книги, я совершил путешествие в Иерусалим со своей двенадцатилетней дочерью Гейл, которой я благодарен за бесконечные вопросы, беседы и теплую заботу обо мне.

В Иерусалиме - древней части города, обнесенной стенами, а не современном, красивом, построенном западнее, - все еще можно пройти Крестным путем, стать на колени в Гефсимании, постоять на вершине горы Елеонской и вообразить Священный город, каким он был в те времена, взойти на Голгофу, где стоял Крест, и пройти к месту погребения Иисуса. Писатель может встретить там археологов различных вероисповеданий и конфессий - католиков, иудеев, баптистов, методистов, лютеран - и все они готовы ему помочь, готовы добавить новый штрих к общей картине.

В заливом солнце Иерусалиме меня водил по узким тенистым улочкам бородатый отец Симон Бонавентур, то и дело сообщая: "Вот здесь Он стоял, когда Понтий Пилат сказал: "Посмотрите на этого Человека!"... А вот на этом повороте Он упал... А вот там, повыше, плакали иерусалимские жены".

Хранитель иерусалимского музея мусульманин Иосиф Саад за чашечкой турецкого кофе любезно представил не только себя, но и экспонаты еврейского быта первого века н.э.: ложку, урну и другие реликвии городской утвари времен Иисуса. Мне оказал помощь один из виднейших ученых - преподобный Пьер Бенуа из "Эколь Библик" в Иерусалиме. Этот человек может восстановить последний день жизни Иисуса до мельчайших подробностей, и Он предстает перед вами как на экране.

Мать-настоятельница нотр-дамских сестер Сиона показала мне Лифострогон, где бичевали Иисуса и глубокие тайники крепости Антонии, где Понтий Пилат хранил воду.

Я считаю большой заслугой нашего просвещенного времени, что два выдающихся человека разных вер работали над списками книг, которые я должен был прочитать по возвращении из Иерусалима. Первый из них - это отец Ральф Горман, редактор журнала "The Sign", без чьей поддержки и помощи я не смог бы написать эту книгу; второй - доктор Сидней Б. Хениг, профессор университета Ешвива, ученый-иудей, который не согласен со многим, о чем я написал в книге. Они сэкономили мне бесценное время, обеспечив литературой, необходимой, чтобы понять Иисуса и его эпоху.

Отец Рихард Кугельман, специалист по описываемой мной эпохе, будучи серьезно больным, находил в себе силы для консультаций, а подчас и резкой критики того, что я написал.

Его Святейшество Папа Римский Пий XII знал о том, что я пишу книгу, а когда я сказал ему, что это будет не научный труд, а популярная книга для широкого круга читателей, он, улыбнувшись, сказал: "Это очень хорошо". Такие слова воодушевляют, особенно, когда вдохновение писателя иссякает, и он начинает терзать себя вопросами, достоин ли он вникать в жизнь Спасителя.

Однажды, когда я интервьюировал президента Эйзенхауэра, он спросил: "Не было ли у вас чувства, когда вы посещали Святую Землю, что все казалось уменьшенным, все было меньшим, чем вы ожидали?"

Действительно, у меня было такое ощущение, но я пытался доказать себе, что оно ошибочно. Но все же обнесенный стенами Иерусалим, гора Елеонская, Вифлеем, Гефсиманский сад, Вифания, Голгофа - все находилось в пределах пяти миль друг от друга. Президент Эйзенхауэр, увидев все это впервые, имел аналогичное впечатление.

Когда я приступил к работе над книгой, передо мной было 1200 страниц материала, и все это было результатом труда других людей: Мириам Линг, Джейн Джиллиленд, Флоранны Уолтер, Вирджинии Ли Фрешет. Каждая выдержка и цитата были кодированы, так что можно было узнать название работы, откуда она взята, номера томов и страниц. Первоначально я планировал сделать в тексте книги так, чтобы любой, кто захочет, мог проверить ссылки или изучить материал глубже. Однако предпочтение было отдано прямому повествованию. Черновики моей рукописи рецензировали известные религиозные деятели нескольких вероисповеданий.

Книга получилась далеко не такой, какой я хотел ее видеть. Она не отвечает на все вопросы, ибо многое из того, что произошло в тот последний день, затеряно в глубине веков. Свободного обращения с фактами не было, за исключением, может быть, малозначительных случаев ради непрерывности или логичности повествования, и то с позиции наибольшей вероятности. Такими примерами могут быть первая встреча Иуды Искарота с первосвященником Каиафой и налет храмовой стражи и римлян на дом, где происходила Тайная вечеря. По этому поводу Евангелия от Матфея и Луки приводят несколько фактов. Во втором же случае присутствие в Гефсиманском саду молодого Марка в ночной рубашке почти бесспорно указывает на то, что налет был совершен на дом его отца, где и была Тайная вечеря.

Если эта книга поможет хотя бы одному-единственному человеку лучше понять Иисуса и Его миссию, тогда время мое не было потеряно напрасно.

Я обязан книгам и советам многих ученых и теологов, но в особенности Новому Завету в переводе Джеймса А. Кляйста и Джозефа Л. Лилли (издание "Брюс Пабблишинг Компани", Милуоки), так как я неизменно прибегал к его современной форме изложения, когда требовалось цитирование признанных библейских источников. Из всех известных изданий Нового Завета этот был написан языком, который более всего отвечал моей цели - рассказать современной неверующей публике о самом драматическом дне в истории.

Наибольшую поддержку в этом труде я получил от матери. Это более, чем личная признательность, так как ее рассказы об Иисусе, Его всемогуществе, всепрощении, любви и страхе пред Ним начались, когда мне не было еще и трех лет, и не прекращались до того времени, когда нас разлучила моя женитьба. И этой книгой я мог бы заслужить ее одобрение, но к сожалению, пока я писал эту книгу, она ослепла.

Джим Бишоп Си Брайт, Нью Джерси

ПОВЕСТВОВАНИЕ 6 АПРЕЛЯ 30 ГОДА Н. Э.

Вечер. 6 часов

Они медленно двигались по ущелью и, казалось, не радовались, что путешествие подходило к концу. Их было одиннадцать, в белых одеяниях с потемневшими от пыли краями, в запорошенных серым дорожным прахом сандалиях. Лица путников выглядели озабоченными. Эти мужи были частью последнего ручейка людей, стекающих в обнесенный стенами Иерусалим на празднование Пасхи.

Было 6 часов вечера четырнадцатого дня месяца нисана года 3790. Солнце освещало город всего несколько мгновений назад. Из ущелья между горой Елеонской и горой Обиды все еще желтел его круг, как бы зацепившись между золотыми шпилями Великого храма.

У края ущелья высокий человек, шедший впереди группы, остановился. Спутники окружили Его, ожидая услышать что-то важное, но Он молча смотрел на другую сторону небольшой долины. Взгляд Его темных глаз был прикован к Иерусалиму. Город лежал перед Ним, как белый драгоценный камень, сверкая зубчатыми стенами. Иерусалим гордо возвышался над зелеными долинами и холмами, усыпанными сегодня полосатыми шатрами тысяч паломников.

Иисус созерцал Иерусалим с любовью и тоской. Он относился к Священному городу с состраданием, а Иерусалим осмелял Его, усомнился в Его благосклонности, и ныне малая, но влиятельная часть жителей города

боялась Иисуса и замышляла Его гибель.

Вечерний ветер шевелил одежды Иисуса. Десять апостолов вглядывались в Его лицо, пытаясь прочесть на нем что-либо иное, кроме печали. Его лицо не было милостивым. В древности писали, что такое лицо было неприятно тем, кто не верил в Него, и прекрасно для тех, кто верил. Говорили, что Он был похож на мать.

Он пошел по тропе вниз, в долину Кедрова, и десять спутников долго и медленно спускались за Ним вслед. Они шли среди множества шатров, откуда доносился плач детей, запах жареного мяса, зычные голоса мужчин, говоривших на арамейском языке. Они шли по горбатым улочкам Силоама, и некоторые из тех, кто видел Его, отворачивались, а иные показывали на Него пальцем и перешептывались, прикрывая рот ладонью, отводя глаза в сторону, потому что у евреев не подобало смотреть незнакомцу прямо в глаза.

Об Иисусе-проповеднике шла громкая молва. Многие слышали, что Он исцелял больных, воскрешал мертвых, давал зрение слепым и призывал возлюбить ближних. В Палестине было тогда три миллиона евреев. Они, их отцы и праотцы на протяжении веков со страстью ожидали прихода Мессии. Большинство из них никогда не видели Иисуса. Почти для всех, кто слышал о Нем, Он был то ли пророком, то ли лжеучителем, или магом, или служителем Вельзевула, или бродячим фанатиком. Лишь немногие верили, что Иисус - Господь и Сын Божий, Мессия.

Путники перешли ручей Кедрон по каменному мосту и вошли в Иерусалим через Ворота Фонтана. Там они пробивались сквозь толпу людей, возвращающихся к своим шатрам после третьего жертвоприношения в храме. Многие из толпы несли на плечах, как красные пушистые воротники, убиенных ягнят. Некоторые держали их за ноги, перекинув на спину.

У пруда Иисус поднялся по широкой белой Римской лестнице, которая вела к центру города. Он сказал несколько слов тем, кто был рядом и стал еще серьезнее. В тот момент Иисус говорил на обычном арамейском языке, хотя и с мягкой небрежностью галилеянина. Иногда Он говорил на иврите, языке ученых того времени, Он мог изъясняться и на греческом - языке образованных людей.

Иисус направился вверх по Римской дороге, высокий и стройный, Его выющиеся волосы с пробором посредине, как и приличествовало, ниспадали на плечи; считалось признаком суетности, если еврей украшал волосы, подрезал их настолько, что открывались уши, или ухаживал за ними иным образом, кроме поддержания необходимой длины.

Вечером идти было приятно. Высокие и прямые кипарисы стояли на склоне холма, и в меркнувшем свете заката гроздь диких цветов были разбросаны небольшими желтыми и красными пятнами на фоне пыльных виноградников. Далеко внизу апостолы видели паломников, снующих через Ворота Фонтана, словно серые муравьи у муравейника. Кроме паломников, накануне храмовых праздников и по субботам мало кто уходил из города, поэтому вечером в такие дни движение всегда было навстречу заходящему солнцу. Весь день Иерусалим был наполнен сдержанным волнением. Внутри городских стен и за их пределами сотни тысяч людей готовились благодарить Бога Ягве за благополучное избавление от египетского рабства. Ягве указал пророку Моисею вывести свой народ, Его избранный народ, из горечи плена у фараона через Красное море к спасению на земле обетованной. В пути Ягве чрез пророка Моисея достиг соглашения с этим народом, давшим обет чтить и исполнять законы Божьи. В этот вечер и в течение последующей недели евреи будут праздновать праздник Исхода - Пасху.

На вершине холма путники шли по улицам города уже в сумерках. Они двигались по южной части Иерусалима с востока на запад. Здесь проживали богатые семейства. Проходя по узким, вымощенным камнем улицам, Иисус видел, как слуги зажигали светильники во дворах.

Сами улицы не освещались, так как жители Палестины с наступлением темноты обычно оставались дома. Они опасались ночных дорог, а банды разбойников только усиливали этот страх. Даже в нескольких верстах от дома купец предпочитал остановиться на ночлег на постоялом дворе, нежели продолжать путешествие.

Дороги были отменными. Во всех провинциях империи их строили римляне, которые сначала использовали труд рабов, а затем облагали население налогами за пользование дорогами. Строили их в три слоя. Основание составлял щебень со связующим раствором. Второй слой состоял из мелкого гравия и отходов гончарного дела, а верхний укладывался из булыжника, тесаного со всех сторон, так что камни с тонкой прослойкой песка между ними хорошо прилегали друг к другу. Дорога была достаточно выпуклой, чтобы ливневая вода стекала в канавы, Хорошие дороги обычно использовались в военных целях, сокращая время

передвижения легионов Цезаря. Строились они, чтобы соединить завоеванные территории с Римом и ускорить перевозки товаров, но были задуманы таким образом, чтобы никогда не соединять более двух провинций.

В Иерусалиме была небольшая долина, пролегающая с севера на юг и разветвляющаяся в виде трезубца. Путники пересекли долину и вззошли на небольшой холм у западной стены города. Некоторые остановились, чтобы посмотреть назад, и с этой возвышенности они могли видеть шипы на крыше храма, установленные там, чтобы избежать осквернения храма птицами. Последний свет уходящего дня уже слил воедино глинобитные крыши домов Иерусалима, а вдали, слева, они могли видеть белоснежный дворец Ирода.

В великолепном мраморном храме первосвященник Каиафа читал двенадцатую главу Исхода. Было рассчитано так, что когда последний красный луч солнца исчез, раздались заключительные слова: "И все верующие Израиля должны убить его". На слове "убить" три левита, стоящие над тремя агнцами, одним движением острых ножей перерезали животным горло. По ритуалу убиение должно производиться одним ударом, и жертва не должна издать крика.

Паломники созерцали это с безмолвной радостью. Кровь каждого агнца была собрана в золотую чашу, и ее передавали от священника к священнику, а последний из них, стоящий у большого жертвенного камня, взял чашу в руки и выплеснул кровь на камень. Она стекала вниз, находя себе путь по бугоркам и трещинам, и попадала в слив в нижней части алтаря. Там она исчезала в темноте под храмом.

Закланных ягнят полили теплой водой, подвесили и освеживали. Шкуру снимали осторожно, потому что в сушилку брали только непорезанные шкуры. После свежевания туши осматривались другими священниками, которые искали изъяны. Если они находили родинки, жировики или изменение цвета, жертвы отвергались. Три священника подтверждали, что жертвы приемлемы, и во мгновение ока левиты вспарывали животы висящих агнцев ударом ножа сверху вниз. Они удаляли внутренний жир, почки и "большой сальник над печенкой".

Это приношение укладывалось на огненный алтарь и оставалось гореть на древесных углях до конца. Каиафа, как и подобало главному служителю Синедриона, величественно стоял в своем священном облачении. Он видел, как левиты натирают солью мясо агнцев, отрезают правую переднюю ногу и часть головы каждого животного для подношения священникам храма - закон гласил, что это причитается им от народа.

Последнее жертвоприношение дня было совершено, и во дворах храма приступила к своим обязанностям стража. Когда священник, стоя на самой высокой башне, кричал вниз, что видит три звезды на востоке, вечернее небо сотрясал троекратный рев серебряных труб. Это извещало о начале нового дня в Израиле, и 240 левитов выходили нести стражу. В храме было двадцать четыре входа, на каждом из которых находилось по десять стражников. Начальник стражи храма непрерывно совершал обход этих дозоров, убеждаясь, что на каждом из них все в порядке. Когда ночная стража приступила к дежурству, из Великого храма был виден только красный отблеск сжигаемых на алтаре приношений.

Услышав звук трубы, апостолы поняли, что Пасха началась. То был торжественный, и вместе с тем, веселый праздник, потому что, невзирая на зависимость Иудеи от Рима, евреи свободно поклонялись Ягве. Они были вольны жить по собственным законам, если те не противоречили интересам Римской империи.

Желание апостолов приобщиться ко всеобщему веселью сдерживалось молчаливостью Иисуса на всем протяжении пути из Вифании; Он шел в раздумьях. Еще в начале дня, в Вифании, Он, сообщая матери и сестрам Марфе и Марии, а также другим, кто следовал за Ним из Еффраима, о Своем предстоящем пути в Иерусалим с двенадцатью учениками, казался почти оживленным. Он хотел, чтобы Его поняли так, что все другие, кроме этих двенадцати, не должны следовать за Ним. Он будет совершать Пасху с теми, кто понесет Его слово в мир, когда Его не станет. Мать понимала важность Его постоянного союза с двенадцатью иногда казалось, как будто Он не успеет научить их многим истинам, необходимым для апостольства - и вероятно, она испытывала грусть оттого, что Сын не будет рядом с ней вечером и не разделит с ней четыре ритуальных кубка вина. Но нежность прощания с ней в какой-то мере возместила Его отсутствие.

Утром Иисус направил в Иерусалим Петра и Иоанна, чтобы они все приготовили к празднику. Он сказал, чтобы они вошли в город через Ворота Фонтана и поджидали там человека, несущего воду. Надлежало последовать за водоносом в его дом, в большую горницу наверху. Ее предстояло приготовить для празднества, пойти на базар, купить ягненка и отнести его в храм для пожертвования.

Задание оказалось несложным. Петр, крупный, вспыльчивый мужчина, носивший короткий римский меч

на поясе, отправился с молодым Иоанном в Иерусалим, за две с половиной версты. Войдя в город, они без труда нашли нужного человека, так как в Иудее мужчины редко носили воду (носить воду в высоких узких кувшинах на голове было обязанностью женщин). Хотя Иисус не назвал имени водоноса, но оба апостола узнали в нем отца молодого ученика Марка.

Тот повел их через город по большой Римской лестнице к своему дому, провел через двор, а затем наверх по наружной лестнице в горницу, занимавшую весь второй этаж. Там уже стояла жаровня и посуда для трапезы на тринадцать человек.

Петр и Иоанн отправились в город, где купили ягненка, зелень, пряности и хлеб. Затем они пошли в храм и совершили жертвоприношение. Город был полон евреев со всех концов цивилизованного мира; по закону, ни один еврей не должен был жить дальше, чем в девяносто дней пути от Иерусалимского храма. Полагалось совершать паломничество к Великому храму ежегодно. Все евреи знали, что обиталище Бога было в Святой Святыни внутри великого храма в Иерусалиме. Евреи могли посещать служения в синагогах где-либо - в Антиохии, Риме, Александрии - но эти служения лишь напоминали о том, что они теряли, не будучи с Богом в Иерусалиме.

Петр и Иоанн вернулись в большую горницу по кратчайшему пути, выйдя из западных ворот храма. Они прошли мимо большого римского гимнасиума и, как добропорядочные евреи, опустили головы и отвели глаза в сторону. Гимнасиум был сооружен 150 лет назад по указанию императора Антиоха, и здесь римляне занимались спортом и жестокими играми, а также содержали публичные бани. Иудеев всегда возмущала нагота, в играх и состязательной атлетике они не видели никакого удовольствия.

Ныне город был полон римских солдат. Прокуратор всегда вызывал дополнительные войска с побережья в дни еврейских религиозных праздников. Если бы евреи замыслили мятеж, то выступление против завоевателей, вероятнее всего, произошло бы в один из таких праздников и началось бы во дворе храма на паперти язычников. Вот почему прокуратор находился сегодня в Иерусалиме, хотя его официальная резиденция была в Кесарии на средиземноморском побережье. К своим обязанностям губернатора Понтий Пилат относился формально. Он был человеком неглупым, но в то же время злобным и жестоким, и никогда не упускал возможности поиздеваться над своими подданными словесно или телесно.

Приезжая в Иерусалим, Понтий Пилат имел возможность выбирать резиденцию. Чаще всего он останавливался во дворце Ирода около западных ворот города, потому что дворец этот был просторен и великолепен, с залами, красиво отделанными алебастром. Дворец находился в самой роскошной части Иерусалима, рядом с богатыми домами первосвященника Каиафы и его тестя Анны - предшественника Каиафы на этом посту.

Дворец Ирода некогда принадлежал царю Ироду Великому. Нынешний Ирод по имени Антипа по приезду в Иерусалим обитал в другом, Хасмонейском дворце, на склоне западного холма, недалеко от входа в храм. Деловых общений между Пилатом и Иродом Антипой было мало, ибо царь имел основания для недовольства. Прокуратор приказал казнить нескольких галилеян, а Ирод как царь возмущился узурпацией власти римлянами, но был бессилен что-либо изменить и мог только злобствовать.

При желании Понтий Пилат мог бы отобрать дом Ирода для своих коротких остановок в Иерусалиме, но воздержался от этого и, по слухам, искал случая восстановить добрые отношения с царем. Другой резиденцией Пилата являлась грозная крепость Антония, которая как огромная скала прилегала к храму. В крепости, в изысканно украшенном сундуке хранилось облачение первосвященника; прокуратор вынимал его утром перед первопрестольными праздниками и давал Каиафе, который должен был вернуть облачение в течение восьми дней.

На этот раз Пилат с женой остановился в крепости.

Петр и Иоанн пробивались сквозь толпу в предвечернем городе. Иерусалим был переполнен горожанами и пришельцами: провинциальными евреями в грубой одежде, галилеянами с их медлительной речью, язычниками-греками, которые одевались элегантно и выглядели, как богатые путешественники, крепкими сирийцами, пришедшими с караванами с севера для работы здесь или службы в армии Цезаря, богатыми евреями из Египта в белоснежных одеждах с лиловыми краями.

Иерусалимские евреи были высокомерны и заносчивы не только по отношению к людям остального мира, но и к другим евреям тоже. К евреям, отрицающим Писание, они относились, как к нечистым язычникам.

Оба апостола заметили, что город был уже убран: выбоины на дорогах после зимних дождей сглажены, каменные мосты укреплены, гробницы недавно побелены. С улиц, а также с пристроек для скота убрали навоз, храм, как всегда, поражал своим ослепительным великолепием. Он не нуждался в особой уборке, ежедневно семь тысяч священников и сотни левитов не давали осесть даже пыли на огромных гроздьях винограда из чистого золота на восточной стене храма.

Когда двое мужчин снова добрались до большой горницы, солнце уже садилось за соседний холм, и они поспешно начали разводить огонь, чтобы зажарить ягненка. Запрещалось ломать кости животного, так как оно символизировало Израиль, целый и неделимый. Петр и Иоанн разделили обязанности - в то время, как более опытный Петр насаживал ягненка на вертел и размещал его в очаге из кирпича, чтобы туша нигде не прикасалась к стенкам, Иоанн ломал круглый, тонкий пресный хлеб на маленькие кусочки. Это была маца, ритуальный хлеб, названный так в честь Моисея потому, что евреи питались мацой, следуя за Моисеем из Египта. Хлеб этот назывался еще хлебом скорби, ибо израильтяне покидали Египет в такой спешке, что у женщин не осталось времени заквасить тесто.

Петр и Иоанн приготовили также салат из пяти горьких растений, в память о горечи египетского рабства. Затем наполнили уксусом чашу, в которую следовательно обмакивать горькие листья. Красное вино уже было готово. Бедняки могли купить его в храме за умеренную плату, затем вино слегка, на одну пятаю, разбавлялось водой. И, наконец, Петр и Иоанн приготовили блюдо из миндаля, фиг, фиников, вина и корицы. После тщательного перемешивания оно приобрело цвет обожженного кирпича.

Апостолы все еще готовили трапезу, когда в комнату поднялся Иисус. Они приветствовали друг друга приглушенными голосами. Иисус внимательно осмотрел горницу. Для Него это было важное место, значительная ночь. Он не делился своими переживаниями, апостолам Он казался всецело погруженным в Себя. Они ожидали выражения отчаяния или даже душевного подъема, что направило бы их чувства. Так бывает, когда сверкают молнии и грохочет гром, и овцы смотрят на пастуха, а не на небо.

Все двенадцать казались спокойными, но в комнате чувствовалась напряженность. Приветствия произносились шепотом. То были бородатые мужчины в возрасте около тридцати лет, люди разного роста и цвета волос, простолюдины, время от времени сознававшие, что находятся в присутствии Сына Божьего; временами, однако, ими овладевал страх, и эта вера колебалась. Хотя им и раньше не раз приходилось выносить испытания, то был час особого напряжения. Они слышали, как Иисус говорил о приближающейся смерти с явной печалью. И никто не решался задать вопрос, который хотели задать все: "Неужели Ты не можешь призвать ангелов Отца Твоего и разрушить город и весь мир, а затем сесть с нами чинить суд над душами людскими?" Но они стояли по двое и по трое у колонн, подпирающих крышу, и глядели на Него, и шептались, и удивлялись, и беспокоились. Отец Марка прислал двух слуг готовить праздничный стол, и над их головами витал и колыхался при каждом движении голубой дым от жареной баранины.

Слуги поставили стол в форме подковы посреди комнаты. Открытая часть подковы была ближе к выходу из комнаты - вершине наружной лестницы. На протяжении веков евреи принимали пищу как им заблагорассудится, но греки считали, что только свободным людям надлежит сидеть за трапезой, а слуги должны стоять. Евреи восприняли этот обычай от своих завоевателей, римлян.

Ложа, на которых восседали Иисус и Его двенадцать сотрапезников, назывались триклиниями. Они были различных размеров, от семи до двенадцати стоп длиной. Изогнутая часть подковы стола считалась у евреев местом особым. Там было поставлено три ложа. Как Учитель, Иисус должен сидеть в середине. На почетном месте слева от Него сядет Петр. Это место, согласно церемонии еврейской трапезы, считалось почетнее, чем с другой стороны. Вот почему Петр полагал, что ему надлежит быть слева от Иисуса, позади Него. Это лучше, чем быть перед Ним, но справа. Вторым по значению являлось место справа от Иисуса, и обычно оно отводилось казначею Иуде, но в тот вечер оно будет занято молодым Иоанном. Все трое будут вкушать с одного низкого ложа, передняя часть которого была на высоте блюд, а задняя находилась ниже и была открыта. Сотрапезник возлегал на ложе, укладывал поудобнее три небольшие подушки, затем облакачивался на левый локоть, оставив правую руку свободной.

Апостолы сотрапезничали с Иисусом и в богатых домах, и на склонах холмов под открытым небом. Некоторые относились с ревностью к тому, какое место им будет определено по отношению к Учителю,

поэтому, когда усаживались Иисус, Петр и Иуда, остальные десять стремились на лучшее место. Они не устраивали ссор, опасаясь гнева Мессии, но, перешептываясь и толкаясь, все же старались занять ложе как можно ближе к Иисусу.

А в этот вечер, ожидая сигнала к началу празднеств, они стояли по двое и по трое. Иисус стоял один.

* * *

Искренняя любовь покрывает другие чувства подобно тому, как туман закрывает местность. Иисус любил всех, и в ожидании, когда ягненок будет готов, Он, вероятно, думал об Иуде. Прежде чем трапеза закончится, Иисус обвинит одного из Своих учеников в предательстве, и Он уже знал кого. Знал Он также, почему.

Иуда всегда был чужим. Все остальные были галилеянами, а он - выходец из Иудеи. Он хорошо разбирался в торговых делах и иногда настолько увлекался добыванием денег для апостолов и раздачей милостыни, что у него оставалось мало времени внимать поучениям Иисуса, которым внимали другие ученики. Иуда относился к другим свысока, имея более обширный опыт. Иногда он взывал прямо к Богу, чтобы вразумить остальных не совершать того, что он считал неразумным.

Разногласия между Иудой и другими в последние месяцы усилились, когда некоторые состоятельные жены, поддерживающие дело Иисуса подаяниями, обвинили казначея в краже. Доказательств, однако, не было, и, по-видимому, Иисус не стал вникать в это. И хотя Учитель защитил Иуду, казначей должно быть знал, что никогда не сможет восстановить полное доверие Учителя.

Он продолжал собирать деньги, как того желал Иисус, продолжал оплачивать расходы, раздавать милостыню и хранить казну, как будто его и не обвиняли в воровстве. Иуда никогда не впадал в немилость Учителя и, если бы он верил, что Иисус - Господь, он бы знал, что мягкий галилеянин может читать у него в душе. В таком случае, невысокий смуглый человек, высокомерно относящийся к другим, должен был бы объяснить свои действия и просить прощения.

Нет никаких подтверждений, что Иуда обращался к Иисусу с личными трудностями. Отпущение грехов ждало его, ибо Иисус говорил об этом неоднократно. Однажды, когда в споре между учениками Петр спросил, достаточно ли прощать брата до семи раз, Иисус, улыбнувшись сказал: "До седмижды семидесяти раз и прости снова". По мнению Иисуса, совершающего ошибки следует прощать и далее. Поэтому Иуда не верил, что Иисус - Сын Божий.

Лукавый и своекорыстный, Иуда не попросил прощения, так как полагал, что Иисус был жертвой самообмана. Увидев, что кража не вызвала порицания, Иуда решил предать своего Учителя.

В этот вечер Иисус относился к Иуде с жалостью и всепрощением. Предсказывали, что Его кто-то предаст. Уж не лучше ли, если это сделает человек, который не верит ни во что, кроме денег?

Было почти семь часов, время пасхальной вечера.

7 часов

Когда приготовленного ягненка осторожно вынули из печи, Иисус и двенадцать апостолов воскликнули: "Нет Бога, кроме Единого!"

Апостолы были обычными представителями рода человеческого, который Иисус пришел спасти. Они были набожными людьми в возрасте, когда обычно все становятся набожными. Они не могли похвастаться особым умом или хорошим образованием, кое-кто вряд ли умел читать и писать, но каждый получил надлежащее воспитание в детстве от своих родителей. Им не были чужды человеческие страсти, и в то же время они руководствовались разумом, а в спорах любили отвечать на вопрос вопросом. Апостолы не отличались внешне от других палестинцев, только Петр был крупнее других. Они носили простые белые одежды, и лишь у двоих или троих одежды были с лиловыми краями. Все они носили бороды и нестриженные волосы в соответствии с законом иудейским. Те, кто были рыбаками и гордились этим занятием в Галилее, стыдились этого в Иерусалиме, потому что жители священного города поговаривали, что одежды рыбаков пахнут рыбьим жиром и озерной водой.

Перед трапезой они столпились, совершая обряд омовения рук. Когда их не собирало вокруг Иисуса нечто важное, они обычно делились на три-четыре группы. Сейчас Петр и Иоанн занимались ягненком, и запах его был особенно приятен этим людям, которые ели мясо только по праздникам.

Почти у всех учеников было по два имени, вторым из которых их назвал Иисус. Иногда это приводило к путанице, потому что второе имя кого-нибудь из них совпадало с первым именем другого. В их сообществе

было два Симона, два Иуды, два Иакова.

Из всех двенадцати апостолов трое пользовались глубочайшим доверием Иисуса. Это были Петр и братья Иоанн и Иаков, о которых будет сказано позже.

Апостол Андрей был коренастым мужчиной низкого роста с темными волосами. Он был родом из города Капернаума. Петр был его старшим братом, и, когда Иисус выделил Петра среди апостолов, Андрей стал называть его отец Петр. Андрей был немногословен, и апостолы шутили, что если Андрей и откроет рот, то лишь затем, чтобы что-то спросить. Он славился среди рыбаков в Галилее своим мужеством во время непогоды. Его вера была беспредельна, и до того, как он встретил Иисуса, он был учеником пророка Иоанна Крестителя. Никто не знает точно, когда Андрей умер, но спустя много времени после этой ночи он будет распят на кресте. (В 60 г. поР. Х. в г. Патрах, Греция).

Варфоломей был высоким, стройным, красивым, а его одежды были изысканней, чем у других. Говорили, что даже его нижняя одежда была окаймлена царским лиловым шелком. Ниспадающие черные волнистые волосы и светлая борода только придавали ему важности. Он родился в Кане, и отец назвал его Нафанаилом. Варфоломей был виноградарем. Он был наивным человеком, легко верил в разные печальные истории и слухи, вызывающие у него слезы. Его лучшим другом был Филипп. Через несколько лет Варфоломей станет проповедовать христианство в Персии и других странах Востока, и наступит время, когда люди сдерут с него живого кожу.

Филипп жил в Вифсаиде, в Галилее, где остались его жена, трое детей и сестра Марианна. Как и другие ученики он был прост и доверчив. Он отличался остроумием и общительным характером, а свой длинный путь к Царству Небесному считал вереницей интересных приключений.

У каменной колонны стоял Иаков Алфеев, не сводивший глаз с Иисуса. Впоследствии его будут называть Иаковом Меньшим или Иаковом Справедливым. Этот ученик был чрезвычайно застенчив и всегда говорил тихим голосом. Его отца звали Алфеем, а мать, согласно преданию, была сестрой матери Иисуса. Иисус всегда обращался к Иакову Алфееву не иначе, как "брат мой". Иаков очень любил Иисуса, но ему верилось с трудом, что Тот - Мессия. Он был старше Иисуса и знал Его с малолетства.

Все евреи строго соблюдали законы, а у Иакова Алфеева это доходило до фанатизма. Он никогда не притрагивался к вину или мясу (кроме случаев, когда это разрешалось Писанием); он не помазывал себе голову, а молился на коленях так часто, что колени у него огрубели, как у верблюда. Иаков видел многие чудеса, которые сотворил Иисус в последние два года, и временами признавал, что Иисус действительно Мессия, но спустя несколько дней или недель его вера слабела.

За этим пасхальным ужином у Иисуса был еще один двоюродный брат. Это был Иуда. Он мало чем отличался от других апостолов, и о нем мало что известно. Некоторые считают, что он был братом Иакова Алфеева, хотя есть и утверждения, что он был сыном Иакова. И называли его по-разному: Иуда, Иуда Иаков, что значит сын Иакова. Подобно Иакову это был тихий, погруженный в себя человек, но несмотря на это в последующие годы он будет страстно проповедовать заветы Иисуса в Аравии, Месопотамии, Персии и Сирии, где и будет убит.

О Симоне Зилоте, которого иногда называют Симоном Кананитом, известно мало. В писаниях не сказано, какое место он занимал среди других апостолов. Предполагают, что он проповедовал христианство в Персии и Египте. (По сведениям древнегрузинских летописей "Картлис Цховреба", апостол Симон Кананит проповедовал в Абхазии, где и претерпел мученическую кончину; могила его в Новом Афоне, в храме во имя св. ап. Симона Кананита). Многие апостолы были на несколько лет моложе Иисуса, Симон был Его ровесником. Это значит, что он прожил долгую жизнь, так как известно, что он был убит в Египте в 107 году после Рождества Христова.

Фома был человеком вечно сомневающимся. Он считал, что в жизни лишь немного случается к лучшему. Фома менее других удивился, когда Иисус заявил, что Его Царство не на этой земле, и что им не следует надеяться на то, что они воссядут с Ним чинить суд над двенадцатью племенами Иудеи. Фома воодушевлялся в минуты опасности. Однажды, когда Иисус начал собираться в Иерусалим, где Его поджидали заговорщики, Фома восторженно сказал: "Пойдем и мы, чтобы умереть с Ним!"

Фома был близнецом и его называли греческим именем Дидим, что значит близнец. Он плотничал в Галилее и иногда по вечерам вел с Иисусом разговор о том, как строить дом или изготавливать мебель. Его

преданность Иисусу была безгранична.

Матфей был самым обаятельным среди учеников. Он был мытарем, сборщиком податей, и одноплеменники считали его грешником и нечистым, ибо он служил Цезарю. Первоначально, когда он служил в таможене неподалеку от Капернаума на берегу Галилейского моря, его имя было Левий. Там он собирал пошлину за любой товар, привезенный на берег - от изделий из железа, купленных за морем, до пойманной в сети рыбы. Проходя мимо, Иисус посмотрел на Левия и сказал: "Иди за Мной". Сборщик податей оставил свое дело и стал апостолом.

Мессия дал ему имя Матфей - дар Ягве. Новоявленный Матфей с ровно подстриженной бородой, напомаженными волосами, безупречно одетый, был обаятельным и образованным собеседником, который знал язык иврит и прошел обучение в лучших раввинских школах. Перед уходом из Капернаума он предложил устроить обед в честь своего нового Учителя. Иисус дал согласие и обедал со многими грешниками и мытарями. Галилейские фарисеи обратили это против Него и заявили, что Иисус не был разборчив в Своих сотрапезниках. Матфею было нелегко оставить пожитки, расстаться с свободой, к которой он привык. Но он пошел на это. Матфей мог по просьбе кого-либо цитировать Писание, увлекался генеалогией, любил проследить судьбу имен и дат.

Самым суетливым из всех - даже сейчас он указывал слугам, как прислуживать за столом - был Иуда Искариот. Он был невысоким, смуглым, с ниспадающими темными кольцами волосами. Его точное имя - Иуда иш Кариоф Иуда из Кариофа. Отца его звали Симон иш Кариоф. Под верхней одеждой из белой ткани Иуда носил кожаный передник с двумя большими карманами, в коих держал казну. Подмышкой он носил небольшой сундучок. Обязанности казначея сделали его грубым и скупым. Он вечно донимал апостолов расспросами о деньгах, пожертвованных им, но сам не спешил отчитываться за поступления в казну или расходы. И хотя Иуда был выходцем из гористой Иудеи, и его род не признавал Закона, он изображал из себя старшего над галилеянами.

Среди многих состоятельных жен, жертвующих на пастырство Иисуса, была Саломея из Вифсаиды. Она столь сильно верила в Мессию, что отдала Ему в ученичество двух сыновей - Иакова и его меньшего брата Иоанна, и сама часто присоединялась к Иисусу в Его пеших странствиях. Ее муж Зебедей, богатый галилейский рыбак, имел большой дом с многочисленной прислугой, а также несколько лодок для ловли рыбы. Его знали и почитали даже в Иерусалиме. Его гневный нрав был слишком известен, знакомые старались его не тревожить. Когда Иисус впервые позвал Иакова и Иоанна, те с отцом ловили рыбу, но тотчас бросили сети и последовали за Ним. Это вызвало у Зебедея поток брани.

Иисус больше любил Иоанна, относился к нему, как к сыну, позволял ему то, в чем отказывал другим. Иоанн неизменно вызывал у Него любящую отеческую улыбку. Оба брата, а также Петр были самыми приближенными Иисуса.

Иоанн унаследовал ярость отца, и однажды, когда одна деревня в Самарии надменно отказалась принять Иисуса, Иоанн предложил вызвать огонь небесный и сжечь ее дотла.

Иаков, старший брат, был способным учеником. Говорил он редко и немногословно. Его выдающейся добродетелью была справедливость. Ему было суждено умереть первым из всех апостолов и единственному из всех в том же городе, где и Мессия - в Иерусалиме. С этой вечера Иакову было отведено двенадцать лет жизни для исполнения воли Иисуса.

Петр, главный из апостолов, был крупным, сильным рыбаком, с густым басом и любящим сердцем. Не всегда он был, однако, внимательным и чутким. Порой Петр говорил, не подумав как следует. Он был безудержный, и не единожды Иисус останавливал его словами: "Что с тобой?" Однажды, когда Петр увидел Иисуса, идущего по воде, то выпрыгнул из лодки тоже пошел по воде до тех пор, пока не усомнился, по какому праву совершается чудо; тогда он мгновенно стал тонуть, взывая о помощи.

Петра также называли Симоном, Симоном Петром, Кифой и Симеоном. Вероятно, Иисус назвал его арамейским именем Кифа, означающим то же, что и греческое Петр - камень. А первоначально его звали Симон Иона, сын Ионы. Петр был женат и жил в состоятельном доме в Капернауме с женой, братом Андреем, тоже рыбаком, и тещей. Андрей присоединился к Иисусу незадолго до своего брата Петра. Будучи учеником Иоанна Крестителя, он видел крещение Иисуса и сразу последовал за Ним.

Иисус наделил Петра чрезвычайными полномочиями, почти безграничной властью, сказав: "И дам тебе

ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах". В грядущие годы Петр трижды попадет в темницу. Он будет проповедовать учение Иисуса в дальних странах, станет старым и немощным. По некоторым сведениям он будет распят на кресте головой вниз.

Известно его великое изречение, чудо веры и преклонения: "Ты знаешь все, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя".

Апостолы подошли к столу. На нем уже стояли блюда с травами. Слуги суетились, расставляя ритуальные блюда и металлические кубки или потиры для тринадцати сотрапезников,

В комнате уже чувствовалась вечерняя прохлада, и слуги разожгли огонь. Поджаренного, с румяной корочкой, пышущего жаром ягненка на большом блюде поставили на белую скатерть на низком столе. Там же поставили фрукты, пряности и дикие травы, а также чаши с уксусом. Апостолы обратили свои взоры к Иисусу, и Он оглядев их, сказал: "Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания; ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божиим".

Ученики переглянулись, пытаясь понять смысл слов Иисуса, как это делали и раньше. Для них Его слова значили, что Он любит их глубоко и хочет разделить эту трапезу с ними и что Он не станет есть Пасху впредь до тех пор, пока отвергшая Его Иудея не признает Его Богом. Более двух лет Он проповедовал в Иудее, пытаясь приобщить ее к Своему Царству, но это Ему не удалось. А сейчас Он был готов, не нарушая преемственности старого договора людей с Богом, добавить к нему новое с новым ритуалом вероисповедания.

Когда все сели за стол, Иисус наполнил большой кубок вином из кувшина. Он держал чашу в левой руке, привстав на ложе, а правую руку держал над чашей ладонью вниз. "Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего".

И апостолы поняли эти слова. Он поднимал первый ритуальный кубок вина в ознаменование Пасхи и не совершит этого впредь до дня, когда все люди не станут учениками Его Отца. Апостолы отпивали вино и передавали кубок по кругу. Их взгляды не могли утаить ревности, так как каждый считал себя ближе к Учителю. Их тихие слова становились громче, и многие похвалялись личными заслугами и добродетельными поступками, считая на пальцах важные события, пережитые с Иисусом.

Сидя слева от Иисуса, Петр не приобщался к этому неподобающему спору. Как известно, в этот вечер справа от Иисуса находился юный Иоанн, хотя это было не его место. Будучи моложе и проворнее других, Иоанн быстро устроился на подушках рядом с Иисусом, и вначале все промолчали.

Среди учеников были и такие, кто не осмеливался даже задавать вопросы Иисусу, и они завидовали юноше, который не только сидел рядом с Учителем, но даже склонил голову к Его груди.

Иисус иногда по-отечески подшучивал над Иоанном и Иаковом, называя их сыновьями грома. И не потому, что они шумели больше других, а из-за взрыва ярости их отца Зебедея, когда тот увидел, что они побросали свои сети и последовали за Иисусом.

Иаков в этот час возлежал у края стола. Сильный и широкоплечий, он был скромным человеком и всегда опускал глаза, когда к нему обращался Иисус. Он любил поспать и нередко раздражал других, подремывая в самых неподходящих и даже опасных ситуациях. Иаков не включился в спор за лучшее место. Он, вероятно, и не сел бы рядом с Иисусом, даже если бы ему это и предложили.

Примечательно, что сидящие за столом апостолы были простыми людьми. Многие из них пропахли рыбой, им недоставало светскости, образования и воспитания. Они были во многом непохожи, объединяла же их любовь к Иисусу.

Ученики жили и странствовали с Иисусом уже в течение двух лет. Мессия проповедовал в разных концах страны, и число Его последователей возрастало с каждым днем. Все больше людей верило, что Он был послан Богом, чтобы спасти Израиль, что Он действительно был Мессией, хотя не все ясно осознавали значение Его появления. Многие верили в предрекаемый Им конец света. Некоторые из следовавших за Иисусом покидали Его, но число уверовавших в Него умножалось, и через год из числа Своих последователей Мессия отобрал семьдесят двух человек и разослал их по двое проповедовать Его учение.

Иисус проповедовал и в зной, и в дождь, и в холод; Его слово звучало на горах и в долинах, в пустыне и на берегах озер, в маленьких селениях и в больших городах Иерусалиме и Иерихоне. Он прибегал к притчам, аллегориям, молитвам. Больше всего Он говорил о любви - любви человека к Богу и любви человека к

человеку. Многие были свидетелями чудес, которые Он сотворил.

За Ним шло все больше людей. Богатые женщины покидали дома и жертвовали деньги на нужды верующих, мужчины переворачивали лемехи в поле и, бросая их там, следовали за Христом, грешники и праведные шествовали за Ним в белой дорожной пыли; апостолы, казалось, были более озабочены не распространением Его слова, а тем, чтобы растолкать толпу и быть ближе к Нему. В самом деле, кто будет слушать их, если тут Сам Иисус?

Первыми увидели восходящую луну стражники Шушанских ворот храма. Она висела, как большой апельсин, над горами Моаб. Первый день Пасхи начинался в полнолуние, и когда ночное небо было пасмурным, священники спорили, достигла ли луна полноты.

Стражники видели объявление на стенах внешнего двора храма, предписывающее всем иудеям мужского пола, проживающим в пределах пятнадцати верст от Иерусалима, прийти в храм. Каждый обязан принести здорового годовалого ягненка.

Говорили, что в этот день в жертву приносилось до двухсот тысяч ягнят. Стражники знали происхождение ритуала жертвоприношения. В спешке покидая Египет, женщины выпекли пресный хлеб, а глава каждого семейства заклал ягненка и окропил кровью - как знаком охраны - дверные косяки и пороги своего жилища, чтобы Ангел Смерти прошел мимо. Моисей приказал ежегодно отмечать это событие.

И с тех пор его завет соблюдался, но со временем святоши и инакомыслящие стали истолковывать закон по-своему, в церемонию жертвоприношения были внесены изменения. Первоначально ягненка убивали в любом святилище, а ныне жертвоприношения можно было совершить лишь в главном храме Иерусалима.

Спор между апостолами угас. Иоанн остался рядом с Иисусом, а Иуда ерзал на ложе у края стола. Может быть, Иоанн занял место казначея сегодня потому, что у него был повод: по традиции на Пасху самый молодой из всех задавал сидящему во главе трапезы ритуальный вопрос: "Чем эта ночь отличается от остальных?" А Иоанну это будет легче сделать, находясь ближе к Иисусу. А затем Учитель перескажет древнюю историю об избавлении еврейского народа от рабства.

Иоанн воспользовался преимуществом своего возраста, а апостолы вскоре забыли свою обиду, так как произошло нечто новое и более важное: Мессия не стал придерживаться предписанных правил. Слуга должен был разнести им кубки с вином, но вместо этого Иисус наполнил одну чашу вином с водой и передал ее по кругу, сказав, что желает вкушать пасху с ними, и не станет этого делать впредь до тех пор, пока мир не будет спасен.

Когда все отпили вина, включая Иакова Справедливого, не находившего в том никакого утешения, второй слуга подошел к столу с большой чашей и кувшином. По ритуалу каждый должен был держать руки над чашей, а слуга поливать их водой. После омовения обычно подавалась замоченная в уксусе петрушка. А затем Иисус должен был преломить хлеб на блюде.

Апостолы, хорошо знавшие пасхальный ритуал, сознавали, что впервые галилеянин не соблюдал его, но промолчали. Помимо законов у евреев строго соблюдались приличия. Гость не должен был ни в чем перечить хозяину, даже если что-то и было ему не по нраву.

Противиться желаниям хозяина - значит сильно обидеть его. А когда хозяин предлагает выпить, гостю подобает не спешить, немного подержать кубок в руке. Выпить вино сразу - это все равно, что собрать крошки хлеба на столе: как будто хозяин не насытил гостей.

До этого вечера Иисус придерживался закона, хотя Он все чаще порицал показную религиозность. Нередко за формальным отношением священников и особенно книжников к предписаниям закона скрывалась алчность, ревность и всего лишь подобие веры в Бога, давшего этот закон. В искажении закона Своего Отца Иисус обвинял прежде всего религиозных вождей.

Слуга принес чашу для омовения и остановился позади Иисуса. Иисус встал и вместо того, чтобы поднять руки над чашей, взял чашу, воду и полотенце из рук удивленного слуги. Апостолы застыли в изумлении. Второй слуга в это время возвращал шкуру ягненка хозяину дома, как требовалось по традиции.

Иисус поставил сосуды для омовения на пол и снял верхнюю одежду. Он строго оглядел всех и повязал полотенце вокруг бедер. Затем Иисус взял чашу и ковш и вместо слуги подошел к ученику занимавшему наименее почетное место. Опустился на колени и стал омывая ему не руки, а ноги. Учитель молча снял с него сандалии и омыл ноги теплой водой. Затем, не проронив ни слова, снял полотенце с бедер, вытер ноги своего

изумленного последователя и перешел к следующему. Он переходил от одного к другому, омыл и вытер ноги Иуде, Иоанну и подошел к Петру.

К этому времени мужчины снова обрели дар речи, и подобно тому, как они спорили за первенство полчаса назад, так они доказывали сейчас, что их Господину и Учителю негоже становиться на колени и омывть их ноги. Горячо любящий Иисуса Петр не позволил Ему мыть свои ноги и пытался спрятать их под себя.

Мессия посмотрел на него с укоризной, а Петр, ища поддержки у товарищей, робко проронил: "Господи, Тебе ли умывть мои ноги?" Иисус стал снимать с него сандалии и сказал: "Что Я делаю теперь, ты не знаешь, но уразумеешь после".

Старший из учеников, немного оправившись, заявил: "Не умоешь ног моих вовек!" Он совершил ошибку. Для этих людей Иисус был Богом. И как Бог Он не мог ошибаться, и если Он решил омыть ноги Своим ученикам, за этим должна стоять первопричина, и она была очевидна - дать понять этим людям, что смирение - это добродетель, которую следует воспитывать в себе, и лучше всего ее привить, если Бог Сам покажет, что Он может снизойти до омовения запыленных ног Своих слуг.

"Если Я не умою тебя, - тихо промолвил Иисус, - не имеешь части со Мною".

У Петра не оставалось выбора. Если он будет противиться воле Иисуса, то не сможет быть Его последователем. Светлородый апостол умел не только отстаивать свои убеждения, но был способен сдаваться полностью и окончательно.

"Господи, - воскликнул он, вскинув руки и пригладив редующие волосы, не только ноги, но и руки, и голову тоже".

В другое время это вызвало бы улыбку Иисуса, но Ему еще так много нужно было поведать ученикам, а времени для этого оставалось немногим более шести часов. Иисус омыл ноги Петра, оставив без внимания его готовность к омовению рук и головы, и перешел к другим на левой стороне стола. Они перестали роптать, увидев, что протесты Петра ни к чему не привели.

Все ждали с нетерпением, когда заговорит Иисус. Он дошел до края стола и сказал: "Омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь". Они посмотрели друг на друга и закивали головами в знак согласия. Человек, который уже умылся, должен только помыть ноги после небольшого путешествия. "И вы чисты, - все еще стоя, сказал Иисус, - но не все".

Апостолы были озадачены. Эти слова указывали на то, что некоторые или один из них не были чисты. Настоящий смысл сказанного не дошел до них, понятно было лишь одно: быть нечистым значило быть грешным. Ученики ждали от Иисуса дальнейшего разъяснения, а Он умыл руки, вытер их полотенцем, вернулся на Свое место в середине стола и надел верхнюю одежду.

Он возлег на ложе и увидел, что некоторые уже приступили к жареному мясу, с недоумением поглядывая на Него. Все они выкупались утром в Вифании, и Иисус знал это. Теперь Он омыл их ноги и в то же время утверждал, что они не все чисты. "Знаете ли, что Я сделал вам?" - спросил Он. Ученики стали поглядывать друг на друга в надежде, что кто-то ответит, а затем отрицательно покачали головами. Иисус решил сделать урок понятным для них.

"Вы называете Меня Учителем и Господом, - начал Иисус, оперевшись на локоть и жестикулируя правой рукой, - и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл вам ноги, то и вы должны умывть ноги друг другу". Это звучало приемлемо, возможно непривычно, но приемлемо, и все двенадцать кивнули в знак согласия.

"Ибо Я дал вам пример, - продолжал Иисус, подчеркивая слово "пример", чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам". Чтобы придать значение сказанному, Иисус часто предварял Свои изречения словами "Аминь, сказываю Я вам" или "Истинно вам говорю". И сейчас Он сказал: "Истинно говорю вам; раб не больше своего господина, и посланник не больше пославшего его". (Ев. от Иоан. гл. 13.)

Его речь имела глубокий смысл. Апостолы поняли, что Он имеет в виду их, что они, слуги Господа, не могут быть выше Того, Кто снизошел до омовения ног. Слова о посланном и пославшем Его относятся к Иисусу и Богу-Отцу.

Апостолы были согласны с Ним, но Он хотел удостовериться в этом, пытливо посмотрев в глаза каждого. "Если вы знаете, блаженны вы, когда исполняете". Ученики неспешно ели мясо с приправой из горьких трав.

Сознавать свою незначительность еще недостаточно, нужно пройти через унижение, желательно при всех, как Он это сделал.

Они снова завязали разговор между собой: Матфей с Иудой, Филипп с Иоанном, Иуда с Иаковом. Вечеря шла своим чередом. Слуга поправил угли в жаровне, и тепло распространилось по всей комнате. Иисус тоже поел немного, слушая, что говорил Ему время от времени Иоанн.

Небо, усыпанное крупными звездами, серебрилось над Иерусалимом, и во всех концах города люди вечеряли Пасху. По улицам бродили небольшие отряды римских солдат, но ничто их не настораживало.

Луна становилась ярче, а когда она поднимется над горой Елеонской, город будет залит белым сиянием. Всего через две улицы от дома, где вечерял Иисус, за пасхальным столом возлежал первосвященник Каиафа со своим всемогущим тестем Анной и семейством. Несколькими кварталами дальше скучал царь Ирод Антипа в прекрасном Хасмонеиском дворце, пренебрегая еврейскими обычаями, которых лицемерно придерживался. А еще дальше на север проживал Понтий Пилат с женой, будучи одним из немногих прокураторов, кому позволялось привозить супругу в провинцию империи. Все они встретятся через несколько часов. В это время никто, кроме Каиафы, даже не предполагал, что такая встреча состоится и какие последствия она будет иметь.

"Не о всех вас говорю, - промолвил Иисус, догадываясь, что ученики будут озадачены Его словами. - Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание". Повысив голос, Иисус процитировал: "Ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пядь свою".

Все перестали есть. Не ослышались ли они? Каждый из них был воспитан правоверно, и каждому эти древние слова были так же хорошо знакомы, как черты материнского лица. Эти слова значили, что друг предал Иисуса. В последний год Мессия не раз обращался к ветхозаветному Писанию, чтобы подтвердить, что события Его жизни предсказаны давно.

Сейчас Он изрек, что один из них замышлял против своего Господа. Нередко Он призывал их верить вещам, в которые было трудно поверить, но так как это говорил Господь, они воспринимали Его слова как великую истину и сохраняли в сердцах.

Кто? Апостолы не осмеливались посмотреть друг другу в глаза. Кто же? Они переглядывались и отводили взгляд в сторону. Конечно, Он не мог иметь в виду заговор первосвященника против Него; они уже неделю знали об этом и ужасались самой мысли, что находятся в Иерусалиме недалеко от дома Каиафы. Но Каиафа не был "идущим хлеб со Мною".

ИУДЕИ **(из истории)**

Палестина, где проповедовал Иисус, была в сущности миром иудеев, центром которого являлся священный город Иерусалим. Евреи, населявшие Палестину, отличались миролюбием. Они поклонялись Единому Богу Ягве. Во времена Тайной Вечери Палестина входила в состав Римской империи. Иерусалимом и еврейским народом, помимо прокуратора Понтия Пилата, назначенного Римом, управляли вожди иудейской теократии - первосвященник Каиафа и его тесть Анна, а также царь Ирод. И когда Иисус вошел в Иерусалим, и когда Он восседал на Тайной Вечере, Он хорошо знал, что на этих людей вместе с Иудой ляжет особая тяжесть ответственности за неправый суд, за Его муки и смерть. Палестина - крошечная страна в песках Средиземноморья. Расстояние от Кесарии Филипповой на севере до Аммона на юге не превышало тысячи стадий, а от побережья до восточных пределов страны было всего пятьсот стадий. Страна была столь малой, что Рим подчинил ее другой своей провинции - Сирии. И все же, в пределах палестинских границ проживали потомки двенадцати иудейских племен, говоривших на нескольких диалектах; более того, Палестина делилась на провинции - Иудею, Самарию, Галилею, насчитывала несколько больших и малых городов, и население ее достигало трех миллионов человек.

То была земля земледельцев и скотоводов. В горной части страны у Иерусалима и Вифлеема климат был сравнительно умеренным, а в Иерихоне, всего в тридцати верстах, стояла настоящая жара.

Дождливый сезон продолжался с конца ноября по апрель. Затем зеленеющие холмы и долины постепенно увядали под палящим солнцем, травы жухли, ручьи пересыхали. И снова низвергались ливни с сильными грозами, потоки мутной воды прорезали глубокие ущелья в склонах холмов, а в долинах бушевали

целые реки. Грунтовые воды лежали глубоко, и отдельным крестьянам было не по плечу копать колодцы. Их сооружали общими усилиями в больших поселениях. С раннего утра приходили женщины за водой, с кувшинами на головах; они стирали одежду у колодцев, ударяя ее о камни, и сплетничали между делом.

Обычно днем стояла жара, а ночью было довольно свежо. В середине лета с южных пустынь налетал хамсин и продувал всю страну горячим песком. Бичом становился не холод, а жара. Люди начинали работу еще до восхода солнца, а с полудня устраивали перерыв на три часа. После отдыха работа продолжалась до захода солнца.

Лесов в Палестине не было. Встречались там и тут деревья - кипарисы, кедры, маслины, абрикосы, сливы и сосны, но они стояли крошечными островками в безбрежном море пустыни и считались скорее утешением для глаз, нежели источником выгоды для людей. Дерево было столь редким, что обычным ругательством евреев было "дровосек и сын дровосека".

Дома, стены, мосты - все сооружалось из известняка. Этот камень можно было повсеместно найти сразу же под тонким слоем почвы. Пастухи вырубали свои жилища прямо в скалах, а перед входом устанавливали большой валун, который защищал от непогоды и указывал на местонахождение жилища.

Злаки возделывались в долинах и на склонах холмов, а фрукты росли всюду и были превосходны. Жители Рима охотно переплачивали за привезенные из Палестины виноград, маслины, финики, фиги и сладкие каштаны. Странники часто питались упавшими плодами. Люди разводили овец и коз, держали ослов и собак, а в горах и в пустыне встречались медведи, львы, гиены, лисицы, шакалы и горные козлы. Евреи не любили собак и не стали бы их держать, если бы те не сторожили стада овец и не охраняли жилища. В Иерусалиме редко можно было увидеть собаку, так как имелись жестокие указы относительно бродячих собак.

Коз было немного - ведь они считались утлыми животными. А козье молоко очень ценилось и было весьма дорого. Молоко коров оставляли телятам. Куры появились в этих землях не так давно и пользовались спросом, во многих дворах уже можно было видеть уток и гусей. Израильтяне были большими любителями голубей и разводили их не одно столетие. Голубей продавали в храме для жертвоприношений по сходной цене, и их мог купить даже самый бедный иудей.

Земледелие в Палестине было более передовым, чем в Греции или Египте. Письменные предписания отсутствовали, но каждый молодой крестьянин получал наставления от отца или родственников.

Землю пахали парой быков. К ярму цеплялась толстая ветвь дерева, на другом конце которой был деревянный лемех, взрыхлявший и переворачивавший землю. Пахарь погонял быков длинной палкой.

Он сеял, набирая зерно из сумки на плече. Жнецами становились все - и жены, и дети, орудуя железными или кремневыми серпами. Молотили и веяли на общинном току у дороги. Иные предпочитали провеивать зерно не спеша, на плоских крышах своих жилищ.

Вспашка и сев приходились на октябрь и начало ноября. Декабрь приносил дожди, и холмы покрывались свежей зеленью, а в долинах буйно поднимались посевы. В начале апреля, к пасхальным праздникам подходили сроки жатвы. Сначала созревали бобы и чечевица, после них ячмень и другие злаки.

В эту пору земледелец каждое утро озабоченно поглядывал на небо: сильный ливень мог погубить полурожая. С ноября до весны страшились засухи, восточных ветров, сорняков, саранчи; проливной дождь в одночасье мог свести на нет все сельскохозяйственные труды; и поэтому общая тревога выражалась пословицей: "Лучше убрать урожай на два дня раньше, чем на два дня позже". В своей беспомощности перед силами природы пахарь обращался к Ягве в храме, взывал к милосердию Бога и жертвовал Ему первые плоды. Случалось и так, что, благополучно убрав урожай с поля, земледелец скупился на пожертвования, а если и вынужден был их делать, то изливал всю злость на священников, которые, по его мнению, требовали слишком многого от бедняка.

Где бы еврей ни находился, он был чист, совестлив и независим. Он мог торговать с язычниками, но среди них не заводил приятелей. Странствуя в дальних странах, еврей всегда считал свою разлуку с Иерусалимом временной, независимо от того, сколь долгой она была.

И всегда, находясь вдали от дома, он тосковал, как бы хорошо не шли его дела. Он был привержен своему роду, был хорошим семьянином, чутким, жалостливым, обидчивым, понимал и использовал искусство речи лучше, чем другие, мгновенно приходил в восторг при виде ребенка. Он не стал бы сражаться в армии, которая воюет по субботам, но он не боялся смерти и мог скорее подставить шею под меч, чем подчиниться приказу,

идушему вразрез с его законами.

Иерусалимский храм занимал важное место в жизни евреев, и этому храму они платили основной налог в полшекеля в год. В ходу были различные шекели: иерусалимский, отлитый из серебра, весил 220 гранов. На одной стороне монеты было слово "Священный Иерусалим" и изображение чаши, которую называли горшком с манной. На обратной стороне была лилия и надпись: "Я буду словно роса, пока будет Израиль, а он будет возрастать, словно лилия".

Римляне пустили в обращение свои монеты, намереваясь вытеснить иерусалимский шекель. Их монеты отливались из золота весом 120 гран, но очень набожные евреи боялись даже прикоснуться к ним, потому что на них было изображение Цезаря Августа и надпись "Цезарь Август, сын Бога, отец страны". Одна из важнейших заповедей гласила, что евреи не должны поклоняться фальшивым богам и даже самое безобидное их изображение считалось нарушением заповеди. А еще ранее евреи подняли мятеж из-за того, что двенадцатый легион вошел в Иерусалим под боевыми знаменами с изображением Цезаря.

Если учесть, что почти три миллиона евреев уплачивали храму подать, которая весьма приблизительно соответствует 25 нынешним центам с человека, то в храме набиралась сумма почти в 750 тыс. долларов. К этому прибавлялись ягнята в день пасхального заклания, ежедневные приношения для избавления от греха, подаяния богатых семейств, выручка от продажи жертвенных животных и птиц и, таким образом, в казну храма поступал весьма внушительный доход, в нынешнем исчислении превышающий миллион долларов.

В Палестине царила теократия и, следовательно, Иерусалимский храм являлся центром поклонения, царским дворцом и верховным судом страны. Люди исполняли многочисленные законы, главными из которых были обрезание и соблюдение покоя в день субботы. Обрезание считалось знаком приобщения мужчин к вере праотца Авраама. Оно давало им право участвовать в договоре, который Авраам заключил с Ягве. Обрезание сына на восьмой день всегда было радостным событием в Иудее.

Еврею было нелегко оставаться правоверным. Вероучение существовало в устной форме, что приводило к разногласиям между учителями, которые ради справедливости цитировали не только свой закон, но и "толкование" этого закона соперничающими школами раввинской мысли. Казалось, что закон зиждился на разночтениях.

Существовали законы, обычаи, правила на все случаи повседневной и семейной жизни. По субботам, например, женщина не могла выходить из дома в шерстяном или льняном пояске, с лентами в волосах, с бусами или серьгой в носу, или с перстнем без печати, или с иглой без ушка. А если она и исполняла эти предписания, ей не полагалось совершать жертвоприношения в храме во искупление греха. А мужчине, в свою очередь, возбранялось покидать дом в сандалиях, подбитых гвоздями, в одной сандалии, если у него не болела нога, в металлическом нагруднике или шлеме. Женщина не могла уйти из дома с коробочкой пряностей или флаконом благовоний, а если она и решалась на это, то обязательно в знак искупления своей "вины" совершала жертвоприношение. Некоторые раввинские учения позволяли женщине появляться на людях со вставным или позолоченным зубом, хотя "мудрецы запрещали это".

Считалось, что если мужчина выходит из дома с яйцом саранчи или зубом шакала, а еще лучше с ногтем распятого на кресте, то это охраняет от заразы. Однако мудрецы запрещали такие средства.

Если болит поясница, ее нельзя растирать вином или уксусом, а только маслом, но ни в коем случае не розовым. А царским детям разрешалось врачевать раны розовым маслом, так как они использовали его и в обычные дни.

Отец семейства мог позвать повивалку в субботу и осквернить этот день ради роженицы и перевязать пуповину. Если случалось кому умереть в субботу, то в законе предусмотрено было и это: можно приготовить все необходимое для усопшего, забальзамировать и омыть его тело, при этом не двигая его членов. Из-под него позволялось вытащить постель и оставить тело на песке для дальнейшего сохранения; можно было подвязать подбородок, чтобы он не западал. В субботу нельзя было закрывать глаза покойника, это возбранялось и в другие дни и часы, когда душа еще не рассталась с телом.

"Расстояние субботнего дня" было в пределах шести стадий от дома, и если еврей предусмотрительно положил еду на этом расстоянии, он мог идти еще шесть стадий. Если случалось уснуть в пути под субботу и проснуться в этот день, разрешалось двигаться еще шесть стадий в любом направлении. А мудрецы говорили: "Всего четыре шага".

Иногда складывалось впечатление, что ученые раввины были преисполнены решимости довести казуистику до крайнего предела человеческого долготерпения, хотя некоторые использовали возможности различного толкования закона, чтобы в какой-то мере облегчить жизнь людей.

Правила субботнего дня преподавались детям уже с пятилетнего возраста, до того как они научились складывать или вычитать. Существовали наставления как завязывать или развязывать узлы, гасить лампу, писать подряд две буквы алфавита, разжигать огонь и многое другое.

Фарисеи толковали закон до последних мелочей, в которых тоже находили дальнейшие подробности. Первоначально закон о десятинах требовал пожертвования крестьянами одной десятой доли урожая от каждой культуры, а фарисеи распространили его на вино и дрова, хотя вино делалось из продукта, с которого уже была взята десятина, а дрова были привозные и стоили дорого. Закон о мытье горшков и прочей кухонной утвари был столь подробен, что его запись на древнееврейском языке составила целую книгу.

Евреи полагали, что все должно быть единственным. Им нужен был один Бог, один народ, одно племя, одна семья, и верили они во все это беззаветно, что и привело к одному символу союза с Богом: Ковчегу Завета, который Моисей принял от Бога. Ковчег состоял из двух каменных скрижалей с десятью заповедями.

Они хранились в раме из дерева акации, а знаки сияли позолотой. В верхней части скрижалей были два золотых херувима. Для евреев не было большей святости в мире, ибо ее передал человеку Сам Бог. Скрижали воплощали договор с Богом, изложенный в десяти заповедях и ради своего спасения человек должен исполнять их.

Ковчег был установлен в первом великом храме, но после разрушительных войн и зыбких перемирий он бесследно исчез. Никто не знает ни дня, ни часа его исчезновения. Пропажа была тяжким горем для евреев, и они утешали себя мыслью, что у них осталось место, где обитал Ягве. С Ковчегом Завета или без него храм был единственным обиталищем Бога на земле.

История храма начинается с царя Давида. Он жил за десять веков до Иисуса, и в то время евреи все еще были новичками в Земле Обетованной. Разрозненными родами правили судьи, но потом народ пожелал иметь царя. Им стал Саул, не подчинившийся судебским законам и смещенный вскоре Давидом.

Давид понимал, что без столицы нет единого государства. В качестве столицы он облюбовал Иерусалим, который предстояло еще завоевать. Город был обнесен стенами и взять его без кровопролития казалось невозможным. Царь пообещал назначить воеводой любого, кто сможет добиться сдачи города. Некий Иоав разведка, что от Целомудренного источника за пределами городских стен в самый центр города ведет подземный ход. Город был взят. Иоав получил командование войсками, а Давид новую столицу. Ковчег нашел свое место, а Давид обрел дворец. Царь выиграл много сражений, и границы его царства простирались от Египта до реки Евфрат. Давид заявил, что эта земля вовеки будет священной для детей Израиля.

С годами Давид стал все чаще обращаться к Богу. Он желал построить великий храм. Однажды, взглянув на холм Мориа в Иерусалиме, Давид увидел ангела мести с мечом. Давид взмолился об отпущении грехов. Безотлагательно он купил каменный ток у Орнана на холме Мориа и построил там на скале жертвенный алтарь Богу. А храм был построен при Соломоне, сыне Давида. На строительство храма ушло семь лет, и он долгое время оставался самым величественным творением человека, изумляя молящихся своей красотой. Евреи верили, что храм был истинным обиталищем Бога на земле, и если они сооружали молитвенные дома, называемые синагогами, то понимали, что сравниться с храмом они никак не могут.

Давид царствовал сорок лет. Такое же время правил и Соломон. Помимо благочестивых деяний он предавался утехам с женщинами и для этой цели на небольшом холме к востоку от Иерусалима воздвиг дворец, в котором держал пятьсот наложниц. Но умер Соломон так же, как и Давид, с раскаянием в своих грехах.

После его смерти Израиль разделился на две части - Иудею и Израиль, постоянно воевавшие между собой. В ослабевшую страну вторглись вавилоняне и в 6 веке до Рождества Христова покорили Иерусалим.

Вавилоняне снесли городские стены, разрушили храм и захватили в плен всех евреев, "кроме самых бедных". В опустошенные земли пришли халдеи и мидийцы. Позже, когда Вавилон был побежден Персией, и пленникам разрешили вернуться на родину, сорок две тысячи евреев смогли преодолеть обратный путь.

Огонь свободы не угас в сердцах вернувшихся пленников и "самых бедных", все еще проживающих на земле предков. Они пришли в негодование, узнав, что самаритяне частично приняли иудейскую веру. Правверные иудеи презирали новообращенных самаритян и отвергли их помощь в сооружении нового храма.

В то время, когда шло восстановление храма Соломона, самаритяне возводили свой храм на горе Гаризим. Со временем евреи умерили гордыню, и их женщины стали выходить замуж за язычников. Их дети говорили на многих диалектах, и вскоре язык соседей - арамейский, вытеснил древнееврейский язык - иврит.

С четвертого века до Рождества Христова правление Палестиной перешло в руки первосвященников, имевших мирскую и религиозную власть. Иерусалим становился игрушкой в руках любого деспота, способного захватить и удержать власть. Он пал перед Александром Македонским, Птолемеем, сирийцами, египетскими фараонами и, наконец, перед Цезарем. Каждый из них по достоинству оценил нрав подданных и, что самое главное, позволял иудеям исповедовать свою веру. Местная власть оставалась в руках первосвященников, которым помогал совет старейшин или Синедрион.

Ироды начали царствовать за сорок лет до рождения Иисуса. Ирода Великого назначил Рим и посадил на престол с помощью легионеров. Жестокий и честолюбивый, Ирод возводил великолепные дворцы, красивые города и, хотя он называл себя иудеем и жертвовал щедрые подношения храму, он ничтоже сумняшеся преклонял свои колена перед Римом.

Ирод взял в жены Марианну, дочь первосвященника, и когда у нее родилось двое сыновей, он велел убить ее и детей. Ирод Великий женился 10 раз. Известно, что он убил несколько членов своей семьи. Цезарь Август по этому поводу говорил, что безопаснее быть свиньей Ирода, чем его сыном.

При Ироде был перестроен храм и крепость Антония, а храм стал памятником, широко известным впоследствии всем любителям истории. Царь призвал на работу десять тысяч каменщиков. Из них одна тысяча были священниками и левитами, которые прошли обучение ремеслу строителя, чтобы наиболее святые места храма возводились их чистыми руками. Работа растянулась на годы, и в это время храм занимал почти всю восточную часть Иерусалима. В лучах восходящего солнца алебастровые шпильки отливали розовым цветом, а восточную стену храма украшала громадная виноградная гроздь из чистого золота.

Из крепости Антония, примыкающей к храму с севера, римские прокураторы свысока наблюдали за происходившим. Восточная сторона храма называлась портиком Соломона, а южная, выходящая на долину Хинном, - царским портиком. Часть храма, обращенная к Елеонской горе, возвышалась над массивной городской стеной и была окаймлена четырьмя рядами колонн с коринфскими капителями.

Внешняя галерея называлась Папертью язычников, дальше нее неверные не могли ступить. Внутри этого двора проходила мраморная балюстрада, на которой висели предупреждения на греческом, латинском и древнееврейском языках, предостерегавшие, что любого необрезанного, преступившего эту черту, ждет смерть.

Внутри балюстрады к северу располагался двор Израиля. Он был открыт всем иудеям, а его восточная часть предназначалась для женщин. Еще дальше в глубине храма был двор священников с жертвенным очагом в алтаре. С этого места собственно и начинался храм, состоящий из просторного предпокоя и двух залов. Первый назывался святилищем, а второй - Святая Святых. Перед святилищем висела тяжелая завеса, на которой были искусно вышиты все известные цветы и плоды земли, но не животные.

В святилище стоял семисвечник, стол для хлебов предложения и кафельный алтарь. Ранее в Святой Святых находился Ковчег Завета со скрижалями, но сейчас он был пуст. Между святилищем и Святой Святых висела еще одна громадная завеса, предохранявшая Святой Святых от посторонних взоров. Только в дни первопрестольных праздников туда для молитвы мог заходить первосвященник и избранные им священники. Первосвященник совершал богослужение только в один день - день Очищения. Эта завеса, тоже богато украшенная, была натянута между пятью массивными колоннами и висела на гигантских золотых кольцах. Поверх каждой завесы свисала более легкая штора, защищавшая ее от пыли. Ее можно было оттянуть в сторону за веревки.

Ирод перестроил основные части храма за семь лет, а на их отделку и украшение ушло сорок шесть лет, и при жизни Иисуса эта работа еще продолжалась. Для Иродов религия была лишь традицией, которой они придерживались из-за страха и лишь настолько, что перестраивая Иерусалимский храм, царь в то же время воздвигал языческие святилища для римлян в Кесарии.

Перед смертью Ирод приказал казнить еще одного сына, Ирода Антипатра. Уже на смертном одре Ирод узнал от мудрецов, что в Палестине родился Мессия. Он издал приказ умертвить всех мальчиков до двухлетнего возраста, и вскоре испустил дух. Престол унаследовал его сын Ирод Антипа, ставший тетрархом (четверовластником) Галилеи и Перее. Он был хитрым и коварным политиком.

В то время в Риме правил Тиберий, и Ирод Антипа стал его верным доносчиком. Император страдал чрезмерной подозрительностью к своим подчиненным, а Ирод исправно направлял в Рим сведения о поведении римских прокураторов и легатов на Ближнем Востоке, чем завоевал расположение Тиберия. Выслуживаясь, Ирод построил новый город у Галилейского моря и назвал его Тиберией.

Евангельские события происходили при прокураторе Палестины Понтии Пилате, честолюбивом человеке среднего возраста. До нас не дошло никаких сведений о его деятельности до 26 года после Рождества Христова, когда он прибыл в Кесарию в качестве нового прокуратора. До этого он мог быть торговцем или мелким служащим. Держался Пилат царственно и ревниво охранял свои полномочия. Поговаривали, что это назначение он получил благодаря связям своей жены Клавдии Прокулы с римским тронем, и что она была внучкой Цезаря Августа. Однако ее родословная тут была не при чем, протекция исходила от Сеяна, советника Тиберия, который не только убедил Тиберия назначить губернатором иудеев Понтия Пилата, но и добился редкой привилегии для Клавдии Прокулы уехать с мужем в провинцию.

Тщеславная Клавдия устраивала светские увеселения во дворцах прокуратора в Кесарии, Иерусалиме и в Самарии. Она была суеверной женщиной, поклонялась множеству богов в пантеоне Империи, в том числе самому обожествленному Тиберию, и боялась вмешиваться в дела других культов.

Этого нельзя сказать о ее муже. Пилат был безбожником, лишь внешне преклонявшимся перед римскими богами, ставшими таким же неотъемлемым атрибутом империи, как тога или напудренный парик. Император наделил его правом *ius gladii* - правом выносить смертный приговор, и имея в своем подчинении три легиона на восточных рубежах Палестины, он ни в чем больше не нуждался. Пилат презирал евреев. Он пользовался *ius gladii* необузданно и всегда путешествовал по своим владениям в сопровождении целой когорты войск - не менее пятисот легионеров, которые по его велению могли избивать или убивать мятежных иудеев. Он был придиричив и язвителен, обладал острым умом и красноречием.

Пилат сменил Валерия Грата, отозванного в Рим из-за бесконечных свар с первосвященниками. Не успевал тот назначать первосвященников, как они сразу противились его правлению. При Валерии Грате сменились Анна Ишмаэль, Елизар и Симон. Перед самым отбытием Валерий Грат назначил первосвященником Иосифа, которого иудеи называли Каиафой.

По прибытии в Иерусалим Пилат принял Каиафу, прельстившего его своим подобострастием, и решил оставить его в покое. Прокуратор почувствовал, что делами высшего священничества заправлял старый Анна, который не только сам был некогда первосвященником, но и четверо его сыновей. Каиафа был зятем старца, и Понтий Пилат понимал, что обсуждая мирские и религиозные дела с Каиафой, можно быть уверенным, что обо всем узнает Анна. Но до тех пор, пока в провинции все было спокойно, прокуратор смирялся с этим.

Перед отбытием Пилата в Палестину Рим решил, что он должен предоставлять отчет о своей службе легату в Сирии, своему новому начальнику.

Обосновавшись в своем замке в Кесарии, прокуратор довольно быстро освоился с местными порядками. Он узнал, что все евреи освобождались от службы в римских легионах. Палестина была единственной провинцией, где подданные Рима не были обязаны вставать на защиту империи. По субботам еврея нельзя было вызывать в суд. Римские солдаты не должны были носить знамен с изображением императора, а римские монеты чеканились по-особому и имели скорее символы, чем изображение Цезаря.

Довольно скоро Понтий Пилат понял, что царь Ирод Антипа не станет заискивать перед ним. Пилат не пропускал ни малейшей возможности показать царю и его подданным, что настоящим правителем является он, прокуратор, но это только увеличивало разрыв между этими жестокими людьми. Пилат надеялся, что Ирод Антипа со временем взмолится о мире, но царь был горд и не делал ни шагу для улучшения их отношений. Душевное равновесие Пилата еще более нарушилось, когда он узнал, что царь со злорадством писал Цезарю Тиберию о грехах и административных ошибках римских губернаторов.

Казалось, Пилат упрямо настаивал лишь на ошибочных решениях. К примеру, иерусалимляне на протяжении веков довольствовались водой из Девственного источника и Силоамского пруда. В летние месяцы эти водоемы истощались, но люди приспособились к нехватке воды и не желали платить за дополнительную воду.

В 28 году, не пробыв в Палестине еще и двух лет, Пилат решил, что этих источников питья недостаточно и, не посоветовавшись с народом, первосвященниками и старейшинами, приказал построить акведук от

Соломонова пруда у Вифлеема до Иерусалима. Евреи воспротивились этому, и, как всегда, их волнения проходили во внешнем дворе храма.

Дабы показать свое презрение, прокуратор взял деньги на новый акведук из корбана, казны храма. Эта новость передавалась из уст в уста, и к Пасхе евреи готовили гневный протест против Пилата, а он готовился к подавлению мятежа.

По приказу Пилата в толпу мятежников во дворе храма влился отряд легионеров в одежде иудеев. И когда евреи с воплями устремились к крепости Антония, переодетые вытащили припрятанные дубинки и стали колотить направо и налево, оставив много мертвых на Паперти язычников.

Пилат узнал, но слишком поздно, что убитые были не иерусалимлянами, а паломниками из Галилеи, которой правил Ирод. Легионеры убили не тех, кого хотели, но гордость не позволяла прокуратору признать ошибку. Холодок в отношениях между Пилатом и Иродом перерос во вражду.

Слева от алтаря находилось пустое квадратное помещение, где собирался Синедрион. Здесь совещались старейшины и через первосвященника управляли Иудеей. Они собрались, чтобы обсудить гибель галилейских паломников, но ни к чему не пришли. Хотя убийство в храме было столь ужасным преступлением, которое едва ли можно представить, Синедрион оказался бессилем наказать прокуратора. В то же время старейшины недолго любили Ирода, погрязшего, по их мнению, в еще более тяжких грехах, ибо он, называя себя иудеем, в то же время строил храмы языческим богам.

Великий Синедрион возник за несколько столетий до появления Иисуса и был высшим судом Палестины и одновременно законодательным органом. Он состоял, в основном, из священников, книжников и старейшин - лучших умов Палестины. В других городах тоже были Синедрионы, но принимаемые ими решения и законы утверждались Великим Синедрионом Иерусалима. Случалось изредка, что власть имущие в Иерусалиме замечали одаренного человека из провинциального совета и приглашали его в высший орган страны.

Ирод Великий существенно ослабил Великий Синедрион, приказав в день своей смерти казнить ряд его членов, Римляне, овладевшие искусством управлять покоренными народами, возвышали престиж Синедриона и расширяли его полномочия. Синедрион получил полную власть в религиозных и значительную власть в мирских делах.

Синедрион имел право вводить законы, касающиеся внутренних дел Палестины, внешние вопросы были прерогативой Рима. Синедрион мог выносить смертные приговоры иудеям и даже язычникам - неримлянам, но они подлежали рассмотрению и утверждению римским прокуратором.

Для удобства при голосовании в Синедрионе число его членов было нечетным и составляло семьдесят один вместе с первосвященником. Они делились на три сословия. Самыми влиятельными были представители первосвященства и выходцы из влиятельных священнических семейств. То была самая богатая и консервативная часть иудейского общества. Священники тяготели к саддукеям, отрицавшим устную традицию и признававшим лишь писанные законы.

Вторую группу составляли старейшины, почтенные старцы, снискавшие известность миряне, которых назначали в высший суд в знак признания их авторитета. Среди них тоже было много саддукеев.

К третьей, самой динамичной группе совета, относились книжники или законоучители, отличавшиеся остротой ума и пылкостью. Часть из них состояла из саддукеев, но в большинстве это были фарисеи, считавшие необходимым соблюдение не только всех правил и постановлений Закона Моисея, но также и всех предписаний книжников, с их неисчислимым количеством невероятных подробностей, истолковывающих и переистолковывающих этот Закон.

Фарисеи уже давно одержали верх над священниками-саддукеями, добившись признания ими того, что в писаном Законе Моисея содержится далеко не все, и что большая часть закона существует в устных преданиях и пространных наставлениях. А когда устная часть закона была признана дополнением писанных заповедей, то при неослабевающем давлении со стороны фарисеев главенство устного закона над писанным оставалось лишь вопросом времени.

Добившись своего, фарисеи могли устанавливать нужное им количество законов и создавать новые, на все случаи жизни. Это обеспечило им неограниченные возможности в толковании закона. Саддукеи, провозгласив себя истинными последователями закона, неистово отвергали толкования ортодоксальных фарисеев. Сложилась парадоксальная ситуация: саддукеи, представляющие консервативную элиту, все шире

общались с язычниками и стали менее строги в соблюдении закона, а фарисеи, люди незнатного происхождения и радикалы, были столь строги к букве закона, что их последователям буквально приходилось быть "духовными канатоходцами".

Среди книжников, таким образом, были и саддукеи, и фарисеи. Толпа охотно верила всему, чему учили фарисеи, даже если это и противоречило словам священников - саддукеев. Глубочайшим уважением пользовались фарисеи среди женщин Палестины, и хотя женщины не играли главную роль в семейных и религиозных делах, их поддержку нельзя сбрасывать со счетов, ибо они пылко поддерживали фарисеев в уличных спорах.

Священники, старейшины и книжники в Великом Синедрионе были под началом первосвященника, который мог созвать совет в любое время. При слабом священнике Синедрион имел силу, при сильном он превращался в его послушное орудие. Каиафа был силен и опирался на поддержку своего тестя Анны. Синедрион шел за ним.

Синедриону подчинялись семь тысяч священников великого храма, а также стража, раввины и мирские власти Иудеи. О разборе преступных случаев в Синедрионе судили по афоризму: "Опрометчив Синедрион, выносящий более одного смертного приговора в семь лет".

Совет созывался по необходимости в палате Тесаного камня в юго-западной части внутреннего двора храма, хотя нередко он собирался и в доме Каиафы по его повелению.

Правила заседания Синедриона были записаны спустя столетия, но с достаточной уверенностью можно утверждать, что судьи располагались полукругом, дабы видеть друг друга. Первосвященник восседал в центре со старейшинами по правую и левую руку.

Писцы сидели впереди, один слева, другой справа. При вынесении приговора за содеянные преступления писцы произносили имена членов совета, причем начинали с самых молодых, дабы не приводить их в смущение, если их мнение отличалось от мнения старших. Один писец подсчитывал голоса за освобождение, второй - за осуждение.

Синедрион мог вершить суд, если присутствовало не менее двадцати трех членов. Если кто-то хотел покинуть заседание, он должен был сначала сосчитать членов, и если без него было двадцать три или более, он мог уйти. Суд заседал от утреннего до вечернего жертвоприношения. Суды редко продолжались более одного дня. Гражданские дела рассматривались днем, и к вечеру принималось решение. По уголовным же делам решение принималось на следующий день, а если суд не находил подсудимого виновным, он освобождался в тот же день. Если же преступление было доказано, приговор не выносили до утра, чтобы коллективное мнение суда было взвешенным. По этой причине считалось нарушением закона начинать уголовный процесс перед субботой или накануне праздников, так как в эти дни приговоры не выносились.

Обычно уголовные процессы открывались в полдень, и после зачтения обвинения сразу начинался опрос свидетелей. Показания обвиняемых, как правило, игнорировались, и заключенный, зная, что придется отвечать на каверзные вопросы членов Синедриона, редко отваживался выступать в свою защиту.

Обвинения предъявлялись на основе показаний свидетелей, которые сначала должны были ответить по семи пунктам закона: "В какой субботний цикл?", "В каком году?", "В каком месяце?", "В какой день недели?", "В каком месте?", "Кто еще видел?" Когда все показания были получены, судьи разделялись по двое, скромно обедали без вина, а уже после ужина собирались одни в своей палате и обсуждали показания. Иногда это длилось несколько часов, а иногда для принятия решения требовалась вся ночь.

В случае, если мнения разделялись поровну, первосвященник посылал еще за двумя членами Синедриона до тех пор, пока решение не принималось большинством.

В политическом смысле Синедрион поддерживал равновесие двух партий: саддукеев и фарисеев, верующих в писанный закон и верующих в устный закон. Будучи приверженцами устного закона, фарисеи были горластее и многословнее, а их поведение внешне более праведным, чем у саддукеев. Они утверждали, что иудаизм будет обречен, если их устные толкования закона Божьего не станут законом всей Иудеи.

Несмотря на некое политическое равновесие, фарисеи имели более сильные позиции в Синедрионе при первосвященнике Каиафе. Он был саддукеем и имел поддержку другого саддукея - Анны, но в Высшем суде все чаще были слышны голоса фарисеев, выступавших с позиций попрачного благочестия. Голосов у них было не больше, чем у саддукеев, возможно даже меньше, так как первосвященник был саддукеем, но они чутко

реагировали на настроения людей.

Власть саддукеев слабела на протяжении последних столетий. Они, ведущие народ к Богу, снизили до следования за крикливыми фарисеями. Система пополнения Синедриона была таковой, что более сильная партия при желании всегда могла удержаться у власти. Членство в Синедрионе было пожизненным.

Зарождение христианства совпало с расцветом политической власти Синедриона. Народ уповал на первосвященника в противостоянии Ирода и римлянам, и в тот период первосвященник был больше, чем вождем Синедриона. Он был по сути главой страны, и Высшему суду приходилось повиноваться его диктату.

Синедрион имел свои законы, из которых интересно, ибо это связано с Иисусом, отметить один: "Племя, лжепророк и первосвященник могут осуждаться только судом семидесяти одного". Спасителя возьмут под стражу и учинят над ним суд как над лжепророком, именно по этому закону. Суд не приступал к рассмотрению дел без свидетелей, так как судейское право основывалось на показаниях кого угодно, кроме обвиняемого. Судьи были и обвинителями и защитниками и кассационным судом.

Все приговоры по уголовным делам были суровы. Тюрем не существовало, и самым легким наказанием было изгнание. Обычным приговором была казнь путем избиения камнями, сожжения, обезглавливания или удушения. Чаще всего применяли первое. Для этого сгонялась толпа, а осужденного сталкивали со скалы. Если он был еще жив после падения, его добивали камнями.

Каждый смертный приговор до его исполнения подавался на рассмотрение прокуратору. Как правило, он утверждал его, не вникая в суть дела. А если ему вздумывалось самому разобраться в деле или кто-то лично ходатайствовал об обвиняемом, прокуратор мог вызвать подозреваемого в преступлении, истцов и выслушать дело как судья. Если он отменял приговор и признавал осужденного невиновным, Синедрион был бессилён что-либо изменить. Довольно часто, утверждая приговор, губернатор предписывал римскую форму казни: распятие на кресте.

Кроме саддукеев и фарисеев в Палестине были и другие партии, отколовшиеся секты. Зилоты превзошли даже фарисеев в своих националистических призывах. Они не признавали никакой власти, кроме Бога, и соблюдали этот принцип с такой твердостью, что шли на жестокие наказания и смерть, но не преклоняли колени ни перед кем.

Ессеи жили обособленными общинами в сельской местности по всей Палестине, но больше всего их было у побережья Мертвого моря. Ессеи вели аскетический образ жизни и управляли своими делами, как монахи. Их было около четырех тысяч. Чтобы войти в общину ессеев, иудею нужно было год быть послушником, пройти двухлетний испытательный срок, и лишь после этого у нового члена секты принималась торжественная клятва. У ессеев отсутствовала частная собственность на товары и орудия труда, не было денег. Браки в среде ессеев возбранялись. Они работали на земле, а свободное от работы время посвящали молитве. Высоко почиталось у них молчание. Ессеи строго следовали закону пророка Моисея и по субботам воздерживались даже от непотребных телодвижений.

В Иерусалиме проживало не более ста тысяч человек. В западной части города возвышались дворцы и богатые дома состоятельных граждан. Основная же часть населения ютилась вокруг Силоамской купели в восточной части города.

Иерусалим располагался на значительном возвышении, и поэтому воздух в городе был чист и прохладен. Дома были сложены из бурого известняка, который вырубали на окружающих холмах. Улицы были узкие и горбатые, по ним семенили многочисленные ослы с поклажей, совершенно безразличные к длинным палкам владельцев, тащившихся сзади.

По тесным улочкам бесконечным потоком толкались люди в полосатых одеждах; они шли то через залитые солнцем открытые пространства, то погружались в синюю прохладу тени. Слышались возгласы слуг, требующих дать дорогу паланкину богача, несомому рабами. А через пустыри была проторена дорога, по которой верблюды тащили на волокушах камни для строительства.

Из лавок со скукой выгладывали обувщики, держа множество мелких гвоздей в зубах. У стены расположился писец, который мог написать письмо неграмотному. Богатая женщина покупала парчу. На одной чаше весов лежала парча, и зеваки наблюдали, как покупательница опускала золотые монеты на другую - когда весы уравновесятся, торг состоится.

Узкие лавки вдоль улиц были открыты, как соты. Горшечники держались вместе, образовав целую улицу

из кувшинов, блюд, ваз. За ними располагались мясники, зеленщики, виноторговцы и ювелиры, лекари и плотники, цирюльники и корзинщики, рыбаки, каменщики, кузнецы и чеканщики, портные, бондари, повивалки, аптекари, сапожники, маляры, мельники, пекари. Взад и вперед сновали носильщики и рабы с опознавательными знаками на шеях.

Ежедневно в городе было не менее ста тысяч паломников, пришедших поклониться Ягве в его обители. Многие, как предписывал иудеям закон, пришли из диаспоры, дальних концов мира. Они прибывали морем в Иоппу, а оттуда шли в Иерусалим пешком.

Их ошеломляли величина и великолепие храма, а также семь знаменитых базаров, которыми славился город. Были базары, где торговали исключительно железной утварью, скотом, шерстью, одеждой, деревом, хлебом, овощами и фруктами. Понедельник и четверг были базарными днями, в эти же дни чинили суд и читали Тору.

Цены на все товары устанавливались властями Иерусалима, их с одобрения прокуратора назначал первосвященник. Отцы города постоянно регулировали цены, дабы купцы могли выгодно сбывать свой товар, при этом не получая бешеных барышей. В городе процветали харчевни, в которых можно было отведать острую рыбу, горячие овощи, жареную саранчу, пироги; тут же можно было утолить жажду молодым вином или египетским тростниковым пивом.

Закон разрешал ростовщикам взимать до 8 процентов в год за любые ссуды и займы. С раннего утра они располагались со своими сундуками в наружном дворе храма. Пожалуй, больше они наживались на обмене денег, чем на займах. Подаяния в храме принимались только в иерусалимских шекелях, в обмен на которые менялы охотно брали греческую, римскую и египетскую монету. Хотя это занятие и сулило большие прибыли, не так много иудеев приобщались к нему, ибо закон не одобрял ростовщичества.

Сыновья из богатых семейств стремились заняться заморской торговлей или страхованием караванов. Из Палестины вывозили пшеницу, оливковое масло, бальзам, мед, вяленые фрукты. Обрато корабли и караваны доставляли дерево, металл, критские яблоки, сыр, вино, индийское и египетское пиво, индийские ткани, сандал, посуду.

Если кого-либо обсчитывали, и он мог это доказать, он был вправе потребовать разницу и привлечь мошенника к ответу. Строго возбранялось разбавлять вино для продажи. Любой член Синедриона мог выругать торговца за мелочные подарки детям с целью привлечь покупателей.

Ну, а случись женщине занять полбуханки хлеба у соседки, она должна была в тот же час оговорить его стоимость, так как внезапное подорожание муки могло поднять цену хлеба. Арендуя землю, благоразумно было уплатить сразу наличными, поскольку ловкий землевладелец мог повысить плату, если цены на продукты на рынке подскакивали.

Ремесленники объединялись в гильдии, членство в которых было весьма почетным. Чтобы создать союз, требовалось получить разрешение самого римского императора, и если его советники усматривали в объединении мятежные помыслы, разрешения не давалось. Гильдии устанавливали часы работы для различных ремесел, рабочие дни, обсуждали вопросы повышения заработка, страховали своих членов от падежа ослов и пропажи орудий труда.

В окрестностях Иерусалима, как и по всей стране, пастухи редко погоняли стада овец. Они вели их. У каждого пастуха была своя дудочка, на зов которой овцы тотчас же сбегались. Когда пастухи увлекались беседой, их овцы смешивались так, что и Соломон со своей мудростью не мог бы разделить их справедливо. А когда пастухи расходились, одному из них стоило негромко загудеть, и его овцы отделялись от остальных и послушно следовали за ним.

Пастух мог принудить овец ждать у водопоя, как бы их ни мучила жажда. А когда нужно было уступить водопой другому стаду, пастух мог особой командой прервать водопой, и овцы повиновались. На ночь овцы загонялись в каменные ограждения с узким проходом, и пастух, сидя на корточках на стене, без особого труда подсчитывал свою паству.

Друзья показывали свое уважение и любовь друг к другу, если они ходили, взявшись за руки. Иудеи не спали в темноте, в опочивальне всегда горел масляный светильник. Хлеб не резали, он разламывался на куски, которые вместо ложек обмакивали в различные блюда.

Спокойствие и красоту храма нарушали торговые ряды Анны. Весь день слышны были крики торговцев,

которые зазывали паломников и громко спорили о ценах. Тут же храпели и блеяли животные, воздух осквернялся испарениями навоза. В обычный день бедняк мог купить для жертвоприношения пару голубей, но их цена многократно повышалась в пасхальные дни. Люди с горечью называли это место "базаром сыновей Анны".

Задолго до нашей эры евреи поняли, что со временем число умерших превысит число живых, и места захоронения станут серьезной проблемой. Выход нашли старейшины. Первым делом объявили, что захоронение в пределах города или другого поселения было нечистым. Затем было узаконено совершать семейные захоронения. У каждой семьи была своя каменная гробница на кладбище. Считалось, что через некоторое время от умершего в склепе остаются только кости, и (обычно через 7 лет) останки вынимались из гробницы и помещались в небольшую каменную урну. Урну устанавливали рядом с семейной гробницей, и с течением времени в ней находили пристанище все члены рода.

А для живых жилье не было проблемой. Бедные строили каменные или глинобитные дома. Кто побогаче, устраивал плоские крыши на деревянных балках. Многие крестьяне обитали в пещерах, вырубая их в известковых холмах. При этом они выбирали место, защищенное от постоянных ветров. Как и глинобитные дома, пещеры представляли собой одно большое помещение с возвышением для сна в левом отдаленном углу. Под ложем был камин, обогревавший жилище в зимние ночи. Вся семья располагалась на одном ложе. У бедняков не было кроватей. Они спали на циновках из соломы и укрывались общим одеялом.

Богатые сооружали дома из камня или обожженного кирпича с внутренними двориками, освещавшимися по ночам жировыми светильниками. Строительный раствор не был крепким, и сильные ливни вымывали его из кирпичей, а дома из тесаного камня стояли не менее пятисот лет. Окон делали мало и располагали их высоко над землей. Обычно в них вставляли решетки и прикрывали шторами. Пол служила утрамбованная земля. На плоскую крышу дома можно было подняться по наружной каменной лестнице. Крыша служила многим целям. Хозяин дома торговал на крыше своим нехитрым товаром - одеждой, обувью, кожаной утварью. На крышах обычно веяли зерно, сушили кишмиш, оставляли для созревания фрукты, а в душные летние ночи все предпочитали спать под звездами.

Городская беднота держала скот при своих жилищах. К дому пристраивался навес для осла, овец, кормов. На крыше навеса хранились запасы сыра, хлеба, вино и глиняная посуда для праздника.

У богатых горожан были кушетки на четырех ножках со спинкой. Матрас и подушки набивали камышом или перьями, а чехлы предпочитали красить в пурпурный цвет, который считался царским.

В домах бедняков без окон по ночам горели сальные свечи с камышинкой внутри. Огонь высекали из кремня, но чаще занимали его у соседей и несли домой на клочке хлопка. У богачей ярко горели дровяные жаровни. Слуги разжигали в них хворост во дворе, а когда он переставал дымить, и раскалялись угли, жаровни вносили в дом.

Хотя достоверно известно, что многие преступления, включая кражу, карались смертью, в некоторых случаях, согласно "Исходу", вор должен был возместить убыток пострадавшему вдвойне. Если он убил или продал скот, он должен был возместить ущерб в четырехкратном размере, а если это был бык - в пятикратном.

Если же вор не имел средств для уплаты, он становился рабом человека, которому содеял зло.

Если кто-то держал в доме яд без необходимости, он подвергался смертной казни, "чтобы другим было неповадно". Если кого-то покартели, суд выносил решение, по которому у пострадавшего был выбор либо получить денежный выкуп от обидчика, либо нанести ему такие же увечья.

Закон в своей мудрости не обошел даже будущих матерей. Беременной женщине запрещалось принимать горячие ванны, чтобы избежать преждевременных родов. Она должна была воздерживаться от зеленых овощей, соленой пищи и жира, и потреблять много рыбы и горчицы. Новорожденных купали в теплой воде, растирали солью и пеленали. Мальчиков обрезали на восьмой день. Детей обычно кормили грудью до двухлетнего, а иногда и трехлетнего возраста.

Обучение в Палестине было обязательным. В каждом городе была школа, в которой начинали учиться с шести лет. До этого каждая мать должна была научить ребенка выполнять поручения по дому, правилам поведения и дать необходимые религиозные наставления.

Фарисеи считали, что жить в деревне без школы было отступлением от закона. Многие школы размещались в синагогах. Ученики слушали уроки стоя, если учитель не предлагал им сесть в тени дерева в

жаркую погоду. Все обучались основам религиозного знания, чтению и письму, а девочкам считалось достаточным лишь научиться читать и писать. Дети усердно изучали Писание (по сути то, что сейчас мы называем Ветхим Заветом) до десяти лет, после чего им преподавали Закон или толкование Закона. В возрасте пятнадцати лет отрок мог при желании участвовать в богословских прениях в синагогах после субботнего служения. В таком случае он попадал в плотное кольцо подмигивающих глаз и добродушных вопросов. Если он запинался или останавливался, то получал более чем достаточную поддержку.

В те времена многие образованные люди в странах Средиземноморья неплохо разбирались в точных науках и стремились расширить свои знания. Среди евреев было почетно заниматься наукой, многие знали основы математики, механики и вот уже в течение пятнадцати веков успешно применяли свои знания. В Месопотамии изучать астрономию начали еще две тысячи лет назад и сведения из этой области знания передавались евреям, римлянам, египтянам. За шестьсот лет до начала новой эры были определены фазы Луны, Солнца и большинства звезд первой величины.

Евреи были достаточно строги в вопросах гигиены. Они считали грязь источником заболеваний. Для провинциального города Иерусалим был довольно чист, хотя не мог сравниться с Римом.

Все улицы Священного города и канавы имели уклон к долине Кедрова, примыкающей к его восточной стене. По закону все емкости с водой должны были закрываться. Кладбища запрещалось располагать ближе, чем за восемьдесят семь стоп от городских стен, а сырмятни ни в коем случае нельзя было строить внутри города. Запрещалось открывать пекарни и красильни на первых этажах, если на вторых кто-то проживал.

Прокаженных не допускали в города под угрозой смерти, и они обитали в самых отдаленных местах. Не разрешалось, чтобы окна домов выходили в чужой, соседский двор. Все крыши, как бы плоски они ни были, должны были иметь уклон не менее двух градусов для стока дождевой воды. Нарушением закона считался открытый колодец, ненакрытая яма, шаткая лестница и беспокойная собака.

Устный закон подробно излагал, как должны одеваться мужчины и женщины. Мужчины носили неглубокие хлопчатные шапочки. Верхняя одежда состояла из талиса и накидки для молитвы. Под ними носили свободную белую рубашку без рукавов, покрывавшую тело до пят. В дальнюю дорогу или в торжественных случаях надевали сандалии, повседневно обходясь без них. Омовение ног было столь же важным, как и омовение рук.

Женщины носили кольбур, подобие юбки до половины бедер, а поверх надевали баяинаджу, длинное платье из льняного полотна и шаль; талию повязывали полосатым кушаком с цветами своего племени. Шаль покрывала всю голову и часть лица, как того требовало приличие. Концы платка забрасывались за спину, словно две косы.

Дома мужчины носили короткие туники в рукавами, сшитые из цельного куска ткани, который продавался без прорези для головы, чтобы подтвердить, что он не ношенный. После приобретения материи в ней вырезалась клиновидная дыра для головы. Иногда женщины зашивали и нижнюю часть, оставив две прорези для ног. Работая в поле, мужчины обычно затыкали полы верхней одежды за пояс.

Почти все евреи были верующими. Всех еретиков и безбожников называли амейхаарец. У всех верующих было развито чувство самоотречения. Обособленность иудеев проявлялась сильнее, когда они находились в таких языческих городах как Рим, Афины или Александрия, что приводило к антагонизму между евреями и язычниками, при этом последние нередко клеветали на религиозные убеждения иудеев и их деловую сообразительность. Евреев оскорбляли, избивали, обманывали, убивали. Такая жестокость только усиливала их подозрительность к другим и утверждала в мысли, что они были особыми. В чужих землях они сразу же выясняли свои права и, естественно, были склонны к изучению законов.

Жители Палестины ели два раза в день - в полдень и после захода солнца. По утрам некоторые пили отвар из трав с хлебом. Скучная диета дополнялась финиками, фигами, маслинами и арбузами.

Маслины являлись самым распространенным продуктом. Оливковые рощи росли повсеместно. Даже у беднейшего дома стояло масличное дерево, неказистое и искореженное наростами. Каждое дерево давало до десяти кувшинов оливкового масла. Сбором маслин занимались женщины, которые вместе с ребятами трясли деревья или сбивали ягоды палками, а затем собирали их на земле.

Законом запрещался повторный сбор маслин с дерева, чтобы оставалось что-то для нищих. Почти весь урожай шел на масло, которое выдавливали под мощным прессом, а часть маслин солили в кувшинах. Свежее

масло отстаивалось, сливалось в кувшины и отвозилось из гефсиманы (маслобойни) в каменные хранилища. По ритуалу самые первые плоды помещались во власяную сумку, и по ним ступали женщины семейств, которым выпала честь выдавливать первое масло сезона.

Виноградники разбивались на горных склонах. Первые июньские ягоды, зеленые и терпкие, применяли как слабительное. А настоящий урожай поспевал в июле, и его сбор превращался в веселый праздник, время смеха, время любви.

Палестина была далеко не отсталой страной. Ее жители во многом преуспели и, не колеблясь, ввозили из языческого мира один товар - знания. Что касается медицины, всем врачам полагалось иметь хирургические навыки. Лекари знали, что при заражениях ампутация неизбежна и умели закрывать артерии. При операциях применялись успокоительные средства и лекарства, вызывающие апатию и одурманивание.

Медицинская наука Месопотамии имела двухтысячелетнюю историю. Планы Греции ввести государственное здравоохранение не удалось. А в Риме, где лекарей считали шарлатанами и предпочитали домашние средства, врачеванию обучали рабов, которые брали с богачей непомерную плату, а бедняков лечили бесплатно.

Палестинские врачи пользовались ланцетами и другими редкими инструментами уникальной формы. В Египте в это время делали операции на головном мозге и совершали трахеотомию. Во всех странах Средиземноморья использовали иглы для наложения швов, всевозможные щипцы, захваты, ножницы для удаления больных участков женских органов и устройства для растяжения.

Давным-давно Синедрион ввел в действие закон, по которому в каждом городе должен быть лекарь-хирург. При храме тоже держали лекаря для врачевания священников. Известно, что палестинские врачи первыми сделали операцию по удалению катаракты на глазу человека.

Ко временам описываемых событий вставные зубы были в ходу уже пятьсот лет. Их изготавливали из зубов умерших или животных. Евреи тщательно следили за зубами и чистили их пастой из толченых костей и ракушек, смешанных с медом. При зубной боли применяли уксус или мирру, селитру и нашатырь.

В области механики евреи многое переняли у других. Широко использовалась энергия воды, и мастера научились управлять мельничными колесами с такой точностью, что крошили маслины, не разбивая косточек, которые загрязняли масло. Все чаще использовались сложные рычаги и шестерни. Первую конструкцию они заимствовали у римлян, называвших это подобие крана *machina tractoria*.

У римлян переняли также счетчики, которые устанавливались на экипажах. После определенного числа вращений колеса из счетчика выпадал камешек в пустой коробок. В конце пути пассажир считал камешки и расплачивался с извозчиком.

Система отсчета времени в провинции была очень устарелой. Начало дня у евреев приходилось на закат солнца, время которого, естественно, изменялось с каждым днем, что и вызывало неточности. Ночь делилась на три стражи вечернюю, ночную и стражу первых петухов.

Люди знали о существовании устройств для измерения времени, но не пользовались ими. У них не было приспособлений для деления часа на меньшие части, и поэтому назначаемое время встреч не могло пунктуально соблюдаться.

Римляне пользовались солнечными часами лет триста, и убедившись, что они бесполезны в пасмурные дни и по ночам, перешли на водяные часы. Вода капала с большей точностью, чем сыпался песок, и когда римляне завезли часы в Палестину, они думали, что евреи с радостью будут использовать это изобретение. Но этого не случилось. Хранителем времени у них был Бог, и любая хронологическая система без использования сотворенных Господом Солнца, Луны или звезд считалась языческой. Месяцы определялись фазами луны. Они были неравномерны, и первый месяц года, нисан, начинался из года в год в разное время, приходясь на конец марта и начало апреля.

Но самым важным было то, что иудеи жили в ожидании Мессии. Его приход был вожделенным для всей нации. Ожидание это казалось счастливым экстазом, необъяснимой радостью, бальзамом для уставшего тела крестьянина, единственной и последней надеждой стариков; тем, что пытался разглядеть ребенок в причудливых очертаниях облаков; оно было надеждой грядущего дня.

Мессия, на древнееврейском Машиах, - помазанник Божий. Каждый иудей знал, что до воскресения из мертвых каждого человека должно произойти два события: приход Мессии и конец света. Иногда эти события

смешивались в головах людей и говорили, что конец света наступит одновременно с приходом Мессии.

Эти предположения были предметом постоянных дискуссий мудрецов, цитировавших слова пророков и Писание своего народа. Обсуждали благоговейно и с сокрытою радостью, без усталости.

И сколь бы людей ни рождалось, вырастало, старело и умирало, каждое новое поколение верило, что оба события произойдут при их жизни, и чем больше они узнавали, что их предшественники тоже жили подобными надеждами, тем более они веровали, что приближалось свершение. Пророки вещали, что Избранник придет от Самого Бога и освободит колена Израилевы. Если народ Палестины будет достойным, Он уничтожит его врагов. Израиль станет править всеми языческими народами мира и приведет их к одному истинному Богу - Ягве. Это будет его полным триумфом.

Мудрецы единодушно считали, что Мессия будет из рода Давидова, а назовут его Сыном Человеческим. Люди читали книгу Даниила, псалмы и другие части Писания и все более убеждались, что время Его пришествия совсем недалеко, ибо многие слова древних пророков уже исполнялись.

Писание сказывало, что Мессия явится как опора справедливости, свет нации, пред которым падут ниц все народы. "В Нем живет дух мудрости и дух разума, дух знания и силы. Он станет судить все народы, карая тех, кто угнетал праведных. С Его пришествием воскреснут мертвые, преобразятся земля и небо, и праведники станут ангелами небесными". В псалмах предсказывалось, что Мессия явится в облике Царя, разящего врагов Израиля и очищающего Иерусалим. После этого Он станет править Палестиной в мире и справедливости, и со всех концов мира придут язычники, чтобы подивиться славе Иерусалима.

Предсказаний о пришествии Мессии было много в предшествующих веках. Еще Исайя говорил, что на землю явится Мессия. У всех пророков предсказания чем-то отличались, но сходились в одном - рождение Мессии останется незамеченным для многих. Он явится неожиданно, начнет дело спасения Израиля и исчезнет, вероятно, на сорок пять дней, а затем вернется и поразит грешные силы мира.

И к этому времени все люди Израиля возвратятся со всех концов мира и будут жить на своей земле, если они только раскаются в своих грехах. Мертвые воскреснут и прекратятся мучения грешников в геенне, корчившихся в страшном огне. Иудеи, захороненные в других частях мира, чудом Мессии перенесутся под землей до Иерусалима и воскреснут. Всеобщее воскресение мертвых настанет, когда протрубит большая труба. Многие мудрецы говорили, что если все свершится, город Иерусалим воссияет, а "расстояние субботнего дня" будет отмечено жемчугом и драгоценными камнями. Город вместе со стенами возвысится до облаков, а Мессия создаст новый храм.

В учениях о приходе Мессии было много неясного и запутанного. Пророки с презрением отвергали то, о чем мечтали мудрецы: идею расширения мессианской доктрины. Начав детальное изучение предсказаний, старейшины увязли в теологической трясине. Одни настаивали, что после возрождения храма, естественно, возродятся и древние ритуалы Моисея. Это было убедительно для многих, ибо трудно представить, чтобы учения Мессии шли вразрез с наставлениями Моисея.

Если это так, возражали другие, как же должны поклоняться побежденные язычники? Предлагали научить их Закону Моисея, и тут же раздавались возгласы, что язычники недостойны этого. Третья школа задавалась вопросом, не благоразумно ли полагать, что Мессия явится со своими идеями поклонения Богу. Это ввергало все другие богословские течения в полный хаос, а когда страсти утихали, появлялись новые вопросы. Наконец пришли к соглашению, что новый Закон будет для Израиля, а язычникам Мессия дарует тридцать заповедей.

Все верили, что наступит время праздной радости, всепрощения, мира. Не станет врагов и угнетателей. Иудеи старались перешеголять друг друга экстравагантностью воображаемых картин грядущей жизни: Ангелы Божьи украсят городские ворота Иерусалима громадными драгоценными камнями; все окна и двери будут из самоцветов, серебряные и золотые стены тоже будут инкрустированы драгоценными камнями; городские улицы будут усыпаны самоцветами, которые может брать любой иудей. Священный Иерусалим будет велик, как вся Палестина, а Палестина разрастется до размеров всего мира.

В мгновение ока земля станет плодородной, и злаки будут высоки, словно пальмы. Ветер будет заносить зерна на горные вершины и, измельчив их, позволит муке осесть в долинах. Фрукты вырастут даже на тех деревьях, которые не плодоносят. Исчезнут с лица земли болезни и недуги, а по приказу Мессии смерть отступит от праведных. Язычники же будут умирать в возрасте ста лет, впад в детство.

Место четвертой (римской) мировой монархии займет пятая со столицей в Иерусалиме, доме Мессии.

Когда падут десять языческих государств, наступит Страшный суд. Ягве будет восседать в долине Иосафат в окружении Небесного Синедриона старейшин Израиля. Языческие народы будут просить помилования, но не получат его и на них падет кара.

Когда это свершится, небеса и земля превратятся в Царствие вечного счастья, исчезнет тьма и неблагоприятные соблазны. Но, однако, так и не был решен вопрос о жизненных функциях человеческого тела.

Большинство мудрецов соглашались с пророчеством Баруха, что после воскресения все люди будут выглядеть так же, как при прежней жизни, чтобы быть признанными родственниками и друзьями, и чтобы все уверовали в воскрешение. Когда Ягве призовет добро, и зло будет наказано, праведные превратятся в прекрасных ангелов, а грешники исчезнут.

Это была заманчивая перспектива для всех иудеев, которая соответствовала их представлениям о Боге, справедливости, вознаграждении и наказании, и перекликалась со словами древних пророков. Этим и жили возможно сие совершится при их жизни, возможно при жизни их сыновей и внуков, и не столь важно когда, главное - что объединятся любящие друг друга люди.

Если и было уязвимое место в пророчествах о Мессии, так это вопрос, как Его узнать во время пришествия. Об этом сказывалось мало и смутно: Он будет из рода Давидова, Его рождение пройдет незамеченным для современников, Израиль в это время будет под чужеземным игом.

Род Давидов исчислялся тысячами, дети в этом роду рождались исправно, еврейский народ болезненно чувствовал гнет неверных римлян. Благочестивые иудеи были в замешательстве; они ждали, но не знали, откуда и в какой час. Сбивали с толку и лжемессии, время от времени появляющиеся в Иерусалиме в окружении амейхаарец, восклицавших: "Осанна Сыну человеческому!" и усыпавших путь странника цветами и пальмовыми ветвями. Самозванцы были двух родов: шарлатаны и умалишенные.

Развязка всегда была одинаковой. Священники храма улюлюкали, а фарисеи засыпали лжемессий вопросами, чтобы "вывести их на чистую воду" или загнать в ловушку, а народ требовал чуда для доказательства божественности. Лжемессию скоро изобличали, и Иерусалим возвращался к обычной жизни, полный решимости больше не поддаваться на обман.

В вопросе выявления настоящего Мессии народ уповал на первосвященника. Как толкователь Закона, Каиафа мог настоять, чтобы любого, назвавшего себя Мессией, привели к нему на испытание. И если бы Каиафа искренне желал узнать Мессию, он бы первым упал на колени пред истинным Мессией.

Мнение Каиафы проявлялось в действиях левитов, священников и фарисеев, которые зависели от его благосклонности. Они единодушно доказывали, что никакого Мессии еще нет, что любой объявившийся "Мессия" просто "египетский маг", заслуживающий смерти за богохульство. Вина самозванцев усугублялась еще и тем, что их ложь заставляла иудеев в недоверие относиться к появлению истинного Мессии.

Каиафа был заинтересован только в сохранении своей должности первосвященника и поддержании сложившегося духовного и экономического статуса храма. И ничто не должно этому угрожать. В прежние времена первосвященников избирали на всю жизнь, но с приходом Иродов и железной власти Рима первосвященники уподобились марионеткам, быстро и бесцеремонно выводившимся из игры, если они не устраивали своих земных хозяев.

Каиафа был пятнадцатым первосвященником за последние шестьдесят лет. Стоило на ступенях храма случиться каким-то беспорядкам, которые прогневили бы Рим, как тут же назначался новый первосвященник. Каиафу такая перспектива не устраивала, потому что он был последним из клана Анны в руководстве храмом, и новый первосвященник был бы из другого священнического семейства. И в этом случае, несмотря на огромное политическое влияние Анны, менялы и торговцы были бы подотчетны уже не ему.

Ни один человек во всей Иудее не знал так хорошо, как Каиафа и его тесть, что даже риза первосвященника хранилась в римском сундуке в глубине крепости Антония.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

8 часов

Весть о неминуемой гибели Иисуса очень опечалила апостолов. Христос уже несколько раз говорил о ней, но ученики по-детски верили, втайне надеясь, что в час испытания Иисус призовет войско ангелов -

мстителей, которые истребят врагов, сметут римские армии, испепелят мир, а Он воссядет с ними на золотых скамьях в облаках над долиной Кедрова, и они станут чинить суд над живыми и мертвыми. Всего несколько недель назад мать сыновей Зеведеевых с наивной верой упрасивала Иисуса, чтобы ее сыновья сели один по левую, другой по правую сторону Его трона.

Иисус увидел, как опечалились ученики, и Он сказал почти виновато: "Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я".

Он любил их, и Ему было нелегко видеть их горе, но эти слова намекали на неустойчивость их веры в то, что Он - Мессия. Он знал, что до Своей смерти их еще нужно во многом убедить, и чтобы пояснить им, что Он и они едины в своей миссии освобождения человечества, Христос добавил: "Принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня, принимает Пославшего Меня".

Иисус склонил голову и опустил руки на подушку. Его мучило какое-то внутреннее беспокойство, тайная и ужасная мысль. Некоторое время Он находился в раздумье, затем произнес: "Истинно вам говорю, что один из вас предаст Меня".

Его красивая голова склонилась еще ниже, а пальцы нервно сплелись, как будто бы Он устыдился того, что один из них совершит. Апостолы, не в силах поверить этим словам, переглянулись. Он постепенно готовил их к этому важному сообщению. И все же они были в замешательстве, сердито оглядывали друг друга, а некоторые даже привстали, как будто приготовились бежать. Каждый из учеников стал бить себя в грудь и спрашивать: "Не я ли, Господи?"

Иисус не отвечал. Вечеря, длившаяся около часа, прервалась. Слуги отступили от стола, размышляя, не сообщить ли хозяину, что завершение праздника было не к чести гостей. Петр, рассеянно поглаживая бороду, порывался спросить прямо, кто предатель, но так и не осмелился. Он уже попал в неловкое положение полчаса назад, и даже если он никогда не узнает имени предателя, он не рискнет снова попасть впросак.

Посмотрев за спиной Иисуса на юного Иоанна, припавшего к Иисусу, и перехватив его взгляд, Петр кивком спросил: "О ком Он говорит?" Любящее сердце Иоанна еще не научилось бояться, и он, посмотрев в глаза Учителю, прямо спросил: "Господи, кто это?"

Иисус поднял полные страдания глаза и тихо промолвил: "Опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня".

Иуда перестал есть и был изумлен не менее других. Он также спрашивал с неискренним изумлением: "Не я ли, Господи?", и подобно другим не получил ответа. Он испытывал внутреннюю дрожь и лишь предполагал, что несомненно кто-то из свиты первосвященника проболтался на улице о заговоре или сообщил кому-то из последователей Иисуса, что один из его учеников выдаст Его Каиафе глубокой ночью. Но знал ли Иисус, кто этот человек? Иуда сомневался в этом.

Иисус взял кусочек лакомства, обмакнул его в чаше с вином и затем передал кусочек Иуде. Казначей не слышал ни вопроса Иоанна, ни тихого ответа и с довольным видом подставил рот угощению, расценивая это как жест расположения к себе.

Самодовольный и чувствующий себя вне подозрений, Иуда снова спросил, на этот раз уже не в хоре с другими: "Не я ли, Господи?" Назорей тихо ответил: "Ты сказал". На разговорном арамейском языке такой ответ значил - "да". И не только "да", но и "ты сказал это, а не я". Христос еще раз скажет эту фразу перед Своей смертью.

Никто, кроме Иоанна и Петра, не понял драматизм ситуации. Остальные были встревожены и обсуждали, как убедить Иисуса вернуться в Вифанию или даже в Ефраим, где ни один заговорщик не осмелился бы арестовать Его. Они не противоречили воле Иисуса умереть за грехи человеческие, но надеялись, что Его смерть станет чудесным событием, достойным Бога. Им хотелось, чтобы Он вознесся на огненном облаке на небеса к Отцу Своему, а некоторые полагали, что Он возьмет их с Собой. Более всего они ужасались, что Христа постигнет позорная смерть, какой кончают уголовники, а находясь этой ночью в Иерусалиме, Он подвергался этому риску.

Иуда проглотил слюну и посмотрел на Человека, Которого представлял как Мессию множеству людей. Иисус невозмутимо, без тени злобы, смотрел на него и затем сказал: "Что делаешь, делай скорее". Иуда все понял. Некоторые ученики слышали эти слова и подумали, что Учитель просто посылает Иуду закупить необходимое для праздника, который будет продолжаться еще целую неделю.

Иуда откинулся на низком ложе, затем встал. Окинув взглядом друзей, поднялся из-за стола, не попрощался и, спустившись вниз по лестнице, вышел в ночь. Только трое в этой комнате: Иоанн, Петр и Сам Иисус, знали, что он предаст Спасителя.

Конечно, Иуду можно было задержать в комнате. Стоило Иисусу только сказать: "Вот предатель!" и апостолы сразу схватили бы его и, возможно, избили. То, что Петр и Иоанн знали личность вероотступника и не подняли тревоги, когда тот уходил, свидетельствует о том, что Иисус не позволил им этого. В этом случае, как и во многих других, Божественная природа Иисуса переборола Его человеческую натуру. Как Бог Он знал, что должен умереть, испытал мучительные страдания за грехи людей. А как человеку, Ему хотелось задержать Иуду и вместе с учениками бежать из Иерусалима. Он произнес: "Впрочем, Сын Человеческий идет, как написано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться".

Лишенному веры человеку, каким был Иуда, необходимо было что-то иное в жизни, и многие, существующие без Бога, хвастались практической стороной своей жизни. Иуда был корыстолюбив. И подвизался он в ученичестве у Иисуса до тех пор, пока это сулило выгоды. Должность казначея при Мессии обеспечивала ему безбедное существование, ибо сотни, а затем тысячи уверовали, что Иисус был Тем, Кого по преданию Ягве пошлет в Иерусалим. И богатые последователи Иисуса не только преклонялись перед Ним, плакали, каялись в грехах, целовали запыленные края одежды, но и радовались тому, что жертвовали свое богатство для поддержки Мессии.

Временами, будучи свидетелем чудес, одним из которых было воскрешение Лазаря на четвертый день после смерти, Иуда должно быть верил в Иисуса. Но практическая натура казначея убеждала его, что такие штуки проделывали и египетские маги, и Иуда считал, что между Иисусом и Лазарем был тайный сговор, что Иисус сговаривался и с другими "облагодетельствованными" Его чудесами. Пока такие махинации удавались, в них можно было участвовать.

В последние недели, когда Иисус с печалью говорил о неминуемой смерти, Иуда стал задумываться о том, что и его доходам наступит конец. Когда он узнал о язвительных насмешках фарисеев над Мессией, он понял, что конец близок, ибо они были сильны и многочисленны, а Иисус был один и незащищен. А когда из Иерусалима в Ефраим поспешно прибыли последователи Иисуса, чтобы предупредить о замыслах первосвященника Каиафы арестовать и судить Его за богохульство, Иуда понял, что именно это и есть конец.

Ему следовало принять практическое решение: как из всего этого выбраться и при этом погреть руки? Иуда мог скрыться из окрестностей Иерусалима и не появляться до тех пор, пока об Иисусе не забудут. Он мог оставаться с Учителем и нажать еще несколько шекелей, но в этом случае его могут арестовать как одного из последователей Мессии. Однако риск был частью его корыстолюбивой натуры. Разумнее всего было бы пойти к Каиафе и выдать ему Иисуса. Этим он добился бы союза с первосвященником и устранил риск быть схваченным со всеми апостолами. Каиафа вознаградил бы его, так как пока первосвященнику не удавалось схватить Иисуса из-за многочисленных последователей Мессии. Иуда мог назначить и цену за выдачу Иисуса, он мог сделаться героем храма, человеком, послужившим Ягве, выдав богохульника. А если он будет в милости у первосвященника, то сможет попросить у него концессию в храме - хотя бы торговать голубями. И наконец, способствуя поимке богохульника, он сможет забрать казну у уже объявленного преступника, и никто не обвинит его в краже.

Его рассуждения были логичны. Это был наилучший выход из ухудшающегося час от часу положения. И только одно могло опровергнуть ошибочность этого решения - если Иисус Назорей окажется настоящим Мессией, Сыном Божьим. В таком случае Иуда, и он это сознавал, станет презреннейшим предателем в истории, и над этой стороной дела он должно быть тоже призадумывался, ведь он сам провозглашал Иисуса Мессией перед толпами народа в каждом городе.

Практичный ум Иуды сделал вывод, что Иисус был заблуждающимся религиозным фанатиком. Иуда не допускал мысли, что Иисус был мошенником, так как убедился, что Он полностью посвятил Себя людям - одинаково иудеям и язычникам - и Себе ничего не искал. Иуда, сам мошенник, хорошо в этом разбирался. По его мнению, Иисус, должно быть, был наивным религиозным человеком, из-за помрачения ума уверовавшим, что Он - Бог. А чудеса Иисуса можно было свести к тому, что одни называют магией, а другие делами Вельзевула.

Иуда поспешно вышел на улицу и направился к дому Каиафы. Об этом не сказывали апостолы, да и не напишут впоследствии, но Иуда должен был заработать обещанные Каиафой тридцать серебрянников. Это была цена раба. Первосвященник принял предложение при условии, что Иуда устроит арест Иисуса в час, когда с Ним не будет множества Его последователей.

Это был час, о котором можно было только мечтать, ведь Иисус был в самом городе. У общих ворот дворов Каиафы и его тестя привратник при свете факела увидел блестящее от пота лицо Иуды и велел ему подождать. Иуда ждал, дрожа от волнения: он не только заработает деньги, но и завоюет расположение самого могущественного человека иудейской веры. Иуду не беспокоило, что человек, покупавший предательство другого человека, был недостойн звания первосвященника веры, ставившего превыше всего слово Божье, справедливость и беспристрастность по отношению к человеку.

Приближался один из наиболее драматических моментов истории - встреча корыстолюбивого предателя Иуды с деловым религиозным вождем. Будь они порядочней и честнее, все сложилось бы по-иному. Иуда не допускал и мысли, что Иисус заслужит наказание меньше смерти, так как хорошо знал суровость иудейского закона. Богохульник считался более ужасным преступником, чем убийца. Он хорошо знал, какое наказание ждало Иисуса. Знал это и Каиафа.

Шел уже третий час ночной стражи, когда вышел Каиафа. Первосвященник был лысеющим человеком с изысканными манерами и в богатых одеждах. В любом другом случае Иуда для него не значил бы ничего. А сейчас он снизошел до встречи с жадным предателем из Иудеи только из-за вероятности, что тот выдаст ему Назорея.

Каиафа бесцеремонно спросил, по какому праву Иуда добивается аудиенции в такой час. Вероотступник сказал, что принес хорошие вести, что Иисус и Его ученики в этот час сидят за пасхальной вечерей всего в трех расстояниях брошенного камня от места, где стоит первосвященник.

Каиафа был доволен и не мог скрыть этого. Иисус всячески досаждал ему, и раз от разу все неприятнее и сильнее. Назорей появился ниоткуда, объявил Себя пророком, ведет Себя как пророк, а амейхаарец толпами сбегались на Его слова, как будто Он и в самом деле был пророком. У первосвященника был уже значительный опыт борьбы с теми, кто объявлял себя посланником Бога казалось, что Иерусалим притягивал самозванцев. Но по истечению небольшого времени Лжемессии падали под непосильной ношей, которую сами взвалили на себя. Они обещали восстановить Ковчег Завета в храме, появление Бога на огненном облаке, вернуть зрение слепым, исцелить прокаженных, и люди, которые вначале уверовали и шли за ними, потом, когда чудес не происходило, побивали их камнями.

Только Иисус был не таким. Он даже не придерживался предписаний Закона. Он сотрапезничал с мытарями и иногда не соблюдал ритуал омовения рук. Он творил чудеса, а фарисеи и левиты, следовавшие за Ним, чтобы осмеять Его, возвращались в храм в ужасе и потрясении и заявляли, что видели все собственными глазами. Более того, Иисус обличал священников, осуждал их внешнюю набожность, проповедовал любовь к Богу и к людям. Он явился в храм и опрокинул столы менял, осудил торговлю жертвенными животными в храме. Его действия заставили Анну спросить у своего зятя, долго ли тот намерен терпеть такое положение и хватит ли у него мужества что-то предпринять прежде, чем Иисус отвратит народ от храма, что даст повод римлянам прибрать храм к своим языческим рукам.

Каиафа вместе с членами Синедриона замыслил арестовать Иисуса в начале недели, но некоторые предлагали подождать, пока закончится Пасха, чтобы не тревожить народ в начале праздника. О заговоре стало известно Иисусу и апостолам, хотя самым неожиданным было то, что выдать Мессию при первом удобном случае вызвался Его второй по старшинству ученик.

Каиафа был доволен, он даже не ожидал, что возможность схватить этого самозванца настанет так скоро. Правда, еще надо подготовиться. Храмовую стражу можно поднять через десять минут, но в таком мероприятии как это, разумнее заручиться поддержкой римлян. А для этого надо ознакомить Понтия Пилата с делом и добиться его приказа и подкрепления стражи легионерами.

Первосвященник озабоченно ходил по двору, ему не давала покоя еще одна проблема. Во всей Палестине только один человек был сильнее его - Анна. Его тесть был вершителем судеб, личностью столь великой, что из-за одного его хмурого взгляда царь Ирод Антипа и даже Пилат проводили бессонные ночи. Его звали Анной, хотя настоящее имя было Хананья. Он был низкого роста, сухой, педантичный и аккуратный. Римский

легат в Сирии Публий Сульпиций назначил Анну первосвященником, когда Иисусу было одиннадцать лет. Анна умножил свои богатства, а его влияние распространилось за пределы страны. Он был искусным интриганом, и даже власть предрержащие побаивались его. Анну сместили через десять лет. Римский губернатор Иудеи Валерий Грат сумел отстранить Анну от руководства, но тот сохранил у себя в подчинении торговлю в храме, и каждый, кто покупал жертвенных животных и голубей, уплачивал Анне, ибо во дворе храма торговали его люди. Не кто иной, как Анна усадил менял на Паперти язычников, а пожертвования, как известно, принимались лишь в храмовых шекелях и за обмен денег взималась плата.

Анна использовал первосвященство как свою вотчину. Один за другим пятеро его сыновей побывали первосвященниками, а сейчас власть была в руках его зятя Каиафы. Каиафа без ведома Анны не предпринимал никаких действий вне ритуальных прерогатив первосвященства. Когда Каиафа впервые услышал о галилейском смутьяне Иисусе, он сразу же доложил о нем Анне, но тот не придавал этому никакого значения. Он уже видел нескольких "Мессий", и хотя поначалу они привлекали небольшую толпу поверивших, через некоторое время их разоблачали. Поэтому Анна посоветовал: "Пусть Он будет. Ты же в течение двенадцати лет своего первосвященства насмотрелся на этих "Мессий", входящих в Иерусалим с помпой, а покидающих его с ослиным навозом в бородах! Если же Ему удастся привлечь слишком много людей, подошли фарисеев, которые поймут Его в ловушку своими вопросами. Сделай Галилеянина посмешищем в глазах Его же последователей".

Каиафа так и поступил, но Иисус отвечал на вопросы столь умно, что многие фарисеи вернулись в храм, бормоча: "Этот не таков. Он говорит как великий судья. Он говорит голосом Моисея и Исаяи". А что, если этот Иисус настоящий Мессия?

Все это не давало покоя первосвященнику. Он встревожился еще больше, когда Иисус имел смелость прийти в храм для проповеди Своих крамольных учений. А когда Галилеянин принародно осудил фарисеев и их дела, опрокинул столы менял в храме, Каиафа был в панике.

Он поспешил к тестю с сообщением, и тогда Анна понял, что недооценил Иисуса. Этот на самом деле был иным. Дай ему несколько лет, и Он наберет столько силы, что сможет разрушить стены храма и, наверняка, узурпирует власть саддукеев. И тут Анна велел зятю с большой осторожностью сделать все возможное, чтобы уличить Иисуса в святотатстве, как оскорбившего Ягве.

... Теперь Он не уйдет. Каиафа спросил Иуду, где находится преступник и получил точный адрес дома. Первосвященник немало удивился, ибо знал отца Марка как состоятельного и добропорядочного гражданина Иерусалима, имеющего значительное влияние в храме. Кто же знал, где искать сторонников Иисуса?

Каиафа велел Иуде подождать во дворе, а сам, приподняв подол богатых одежд, поспешил через двор, чтобы сообщить новость Анне и получить его совет. Если бы Иуда заметил радость на лице первосвященника, он сразу бы понял, что продешевил. Знай он, сколь важен этот высокий Галилеянин для надменных иерусалимских саддукеев, он бы запросил в сто раз больше обещанных ему тридцати серебрянников. Когда Иуде сказали, что ему по праву причитается стоимость раба, он сразу согласился.

Иуда оглядел двор и заметил, что на внутренней стороне ограды висят светильники. Он с удивлением рассматривал большие плиты из цветного камня, восхищался великолепием дома Каиафы, на балконе которого сушили слуги, разжигавшие жаровни для обогрева комнат в эту ясную ночь. Иуде не пришлось ждать долго. Вернувшись, Каиафа был собран и решителен. Он послал за начальником стражи, который не замедлил прибыть с группой стражников. Вместе с Иудой они будут дожидаться подкрепления из римских легионеров, пока Каиафа лично встретится с прокуратором Пилатом и попросит его выделить центурию для поддержки при налете на большую горницу.

Иуда был потрясен. Он полагал, что дело незначительно и к утру его можно будет выбросить из головы. А теперь оказалось, что этот поджарый человек посоветовался с великим Анной и вызвал не стражника, а целый отряд, и в столь поздний час собирается переговорить с представителем самого Цезаря; а тот выделит не менее сотни воинов.

Каиафа велел Иуде, чтобы тот как послушный сын Иудеи засвидетельствовал утром, что Иисус провозгласил Себя Мессией, Сыном Божиим, пришедшим спасти народ. Таким образом, доказательства богохульства будут представлены одним из приближенных Иисуса. Иуду охватила дрожь. Давать показания? Нет. Нет, он их не даст. Ни за что! Ведь Иисус благодетель, его друг. Иуда дал согласие навести на Него, указать

на Него, но он не обвинит этого Человека. Пусть первосвященник поищет другого!

Каиафа ответил, что арест это одно, а доказательство богохульства по иудейскому закону - совершенно другое. Будет достаточно, если на суде один из учеников укажет на Иисуса и просто скажет правду: "Я слышал, как этот Человек говорил, что Он Бог и Сын Божий". Иуда упрямо покачал головой. Все, что он просил, так это тридцать серебрянников и свободу.

При тусклом отблеске масляных светильников можно было видеть улыбку Каиафы. Иуда был из тех, кто мог украсть монеты с глаз покойника и не заметить перстень с изумрудом на его пальце. Первосвященник велел Иуде оставаться на месте, а позже повести солдат к своему Господу.

* * *

В большой горнице пасхальная вечеря шла своим чередом. Гости ели и пили вино, омывали руки. Когда Иисус молчал, они оживленно говорили, а когда Он говорил, умолкали. Время от времени, как и в любой компании ужинающих мужчин, слышались громкие восклицания, вопросы и смех.

Все насторожились, когда Иисус уже без признаков печали произнес: "Ныне прославится Сын Человеческий, и Бог прославится в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе и вскоре прославит Его".

Он улыбнулся, что делал редко, и Его лицо засветилось любовью. "Дети, промолвил Он тихо, - недолго уже быть Мне с вами: будете искать Меня и, как сказал Я иудеям, что куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь".

Их тронула Его мягкая улыбка, хотя слова Учителя были выше их понимания. "Заповедь новую даю вам, - продолжал Он. - Да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою".

Эта заповедь вряд ли была новой. Он часто проповедовал любовь к людям, и апостолы могли безошибочно назвать время и место этих проповедей. Единственно новым в Его словах была нота обреченности и необычный тон - "как я любил вас".

Все посмотрели на Петра Симона. Он наклонился к Мессии и, стараясь говорить спокойно, спросил: "Господи, куда Ты идешь?" Иисус повернулся и, посмотрев в глаза старшему из учеников, медленно произнес: "Куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною". Какое-то время Петр обдумывал Его ответ. Не в силах понять, что значили слова о невозможности пойти сейчас и что он сможет пойти позже, Петр задал еще один вопрос: "Господи, почему я не могу идти за Тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя".

Иисус промолвил, не поворачивая головы: "Душу твою за Меня положишь?" Он грустно покачал головой: "Не пропоет и петух, как отречешься от Меня трижды".

9 часов

Иерусалим затих, его улицы, окутанные темным бархатом ночи, быстро опустели. И только крыши и башенки домов отражали лунный свет. Часовой на крепостном валу Антонии поеживался от свежего восточного ветерка и со скукой наблюдал за играющими в кости товарищами. Он ухмылялся, слыша их грубую брань после каждого метания. Внезапно его внимание привлек стражник с обнаженным мечом у западных ворот. Он услышал, как стражник резко говорил с кем-то в темноте за воротами, а затем помахал кому-то во дворе, не пропуская прищельца за ворота. В полутьме двора ни один солдат не мог узнать в ночном госте первосвященника, которого сопровождал дородный начальник стражи храма.

Стражник сплюнул. Евреи не приходят сюда, если им не нужно что-то от Пилата. И всегда им надо что-то сделать или что-то приостановить. Стражник вставил меч в ножны и, сложив ладони рупором, зычно крикнул во двор, что первосвященник Каиафа желает безотлагательно получить аудиенцию у Понтия Пилата, прокуратора Иудеи и Самарии по соизволению его императорского величества Цезаря Тиберия.

Часовой, наблюдавший за происходившим сверху, размышлял, почему евреи не входят внутрь крепости. Затем он вспомнил, что у этих странных людей считалось грешным входить в помещения язычников. Он припомнил, что в крепость входили лишь очень немногие евреи, которые оставались во дворе, но большинство, как эти двое, ждали снаружи или под сводом ворот. И никто не входил в глубь крепости, даже если сам прокуратор приглашал их наверх в свои покои. Исключением были арестанты. Их тащили в подземную темницу, а они неизменно вопили, что их оскверняют. Это забавляло сирийцев, служивших в римской армии, потому что осужденные были ворами, убийцами или неплательщиками налогов.

У сирийцев были основания не любить евреев. Их призывали в римскую армию, а евреев нет, ибо иудейская вера запрещала воевать в субботу. Кроме своих богов сирийцы должны были поклоняться и Цезарю, а иудеи уклонялись и от этого. Их провинция была единственной, на которую не распространялся императорский указ обожать Цезаря. Евреи в свою очередь презирали легионеров и давали им деньги под ростовщические проценты. На рынках солдаты-сирийцы постоянно слышали насмешки в свой адрес на непонятном для них языке.

У евреев тоже были свои причины ненавидеть сирийцев. Живущие в Сирии иудеи сообщали в Иерусалим, что с ними там обходятся жестоко, обсчитывают, насмеваются над ними, грабят их лавки и насилуют их женщин. Во всем мире только у сирийцев охота на евреев считалась развлечением. По сравнению с римлянами, греками и египтянами, сирийцы были грубы и невежественны. Для палестинских евреев было унижительно находиться под пятой Рима, но страдать от рук сирийских наемников было почти невыносимо.

Часовой с удовлетворением отметил, что Пилат заставил Каиафу ждать.

Крепость Антония была построена Иродом Великим, иудеем лишь наполовину, имевшему страсть к сооружению замысловатых дворцов и красивых городов. Когда римляне посадили его на трон, он назвал крепость, держащую Иерусалим в подчинении, именем своего друга Марка Антония.

Антония была построена с умыслом. Храм занимал почти половину восточной стены города, величественно возвышавшейся над долиной Кедрона. Южная и западная стены храма были неприступны для неприятеля. А крепость, подобно громадной каменной глыбе частично вклинилась в северо-восточную часть храма. В крепости были проходы для подкреплений с севера в случае, если евреи заблокируют остальные ворота, а с юга имелись подземные ходы в храм, по которым в час смуты римляне могли проникнуть на Паперть язычников и занять весь храм.

В Антонии были крытые галереи, бани, огромные дворы, выложенные камнем, покои, казармы для двенадцатого легиона, два огромных водохранилища. Дороги внутри крепости были вымощены камнем - плитняком с шероховатой поверхностью, чтобы в мокрую погоду по ним не скользили копыта лошадей. Все дворы и крыши имели незначительный уклон, и дождевая вода стекала в канавы, а затем попадала в хранилища, расположенные глубоко под землей.

Для евреев Антония внутри стен города была словно обнаженный нерв больного зуба.

Часовые на городских стенах огласили четвертый час ночной стражи, а в домах завершалось первое пасхальное пиршество.

10 часов

Иисус окинул взглядом оставшихся с Ним. Они все еще ели, проголодавшись за день, а Он прислушивался к их разговорам, вникая в их потаенные мысли, еще больше убеждался в том, что знал и ранее - это были верные люди. Мессия беспокоился, ибо это были Его последние часы с ними, а поведать им надо было еще много, очень много.

Он тоже вкушал пищу, чтобы не привлекать их внимания отсутствием праздничного настроения; Иисус, вероятно, знал, что в этой комнате Каиафа не арестует Его. Если бы Он думал, что Его схватят здесь, Он не придержал бы очень важные слова, которые скажет по пути к гефсимане (маслобойне).

Иисус знал, что Каиафа захочет сделать все скрытно. У Христа было много сторонников в городе и по всей стране, и Его публичный арест вызвал бы волнения, которые могли перерасти в мятеж. Мятежи всегда заканчивались кровавыми действиями римских легионеров.

Каиафа понимал, что Иисуса надо взять под стражу без шума. Знал это и Иисус. А сейчас, после посещения Антонии первосвященником, это знал и Пилат. Он предоставит первосвященнику необходимую помощь, но не ради примирения с ним. Он помышлял насолить иудеям, ускорив ход события, которое должно было расколоть людей на две враждебные группы.

Пилат знал, что после ареста он сможет предать огласке это не столь уж важное тайное дело и бросить его, как комок грязи, в лицо иудеям. А сейчас он делал вид, что так радеет за справедливость, что Пленника должны будут повести к нему для слушания через лесь город.

Сын Человеческий знал все это и даже больше, как будто эта драма была написана на заре времени, как оно и было на самом деле. А слова, сказанные в этот день, будут запечатлены в грядущих веках.

После третьего кубка вина ученики устремили свои взгляды на Иисуса, ожидая, что Он завершит ритуал

вечери. Он приподнялся, облокотившись, чтобы видеть лица всех, включая Петра.

"Очень желал Я есть с вами сию пасху прежде Моего страдания, - сказал Он, - ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не свершится в Царствии Божьем".

Как и раньше, эти слова для учеников были окружены таинственностью, но сейчас они интересовались событиями, которые будут до того, как "свершится". И что такое "свершится"? Что значит это слово? Должна свершиться пасха? Где будет эта новая пасха? Может быть, Он имеет в виду конец света? Они все еще шептались, когда Он взял плоский круглый хлеб. Увидев это, апостолы умолкли и стали ждать.

Иисус встал. Он возложил руку на хлеб, обратил взор к небу и прошептал слова благословения. Затем молча преломил хлеб на части и раздал их апостолам.

"Сие есть тело Мое, - промолвил Он, - которое за вас предается, примите и едите". Они вкусили хлеб, не понимая ничего, кроме того, что это было неожиданным отступлением от пасхального ритуала. Он улыбнулся: "Сие творите в Мое воспоминание". Они поняли, что должны делать это снова и снова, когда Его не станет.

Иисус взял большой металлический сосуд с разбавленным вином и прошептал второе благословение. Затем Он обошел всех и вручил каждому кубок. "Пейте все, - сказал Он, - ибо сие есть кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов".

Хотя этим простым людям еще предстояло постичь высокие знания через Духа Святого они поняли сразу значение хлеба и вина, потому что Он назвал одно Своим телом, а другое Своей кровью и сказал, что они должны "творить это в воспоминание Его". В этот миг апостолы осознали, что Иисус Христос отошел от ритуала древней Иудеи и устанавливал новую веру, новое соглашение с Богом, путь спасения всего человечества: Богочеловек в любви приносил Себя в жертву.

Немногие задумались, почему Иисус сделал это значительное дело, дал им Свое тело и кровь в отсутствии казначея. И наоборот, двое из них сейчас хорошо понимали, почему надо было ждать ухода Иуды, прежде чем посвятить их в новое таинство. Это была новая надежда мира.

* * *

Песочные часы отсыпали уже десять часов, и Каиафа нетерпеливо ждал у себя во дворе прибытия солдат. Делать задуманное надо было быстро и тихо. Римские воины все еще не появлялись, и Каиафа кипел от злости на Пилата за задержку. Вокруг первосвященника толпились ждавшие его указаний слуги.

Он подозревал Иуду и с отвращением наблюдал его почтительный поклон. Каиафа был неглуп и понимал, что если Иуда жил рядом с тем, кто провозгласил себя Мессией, а затем предал Его за гроши, то при удобном случае он предаст первосвященника за еще меньшую сумму.

Каиафа старался предусмотреть любой поворот событий. Он приказал Иуде провести отряд к дому, где была вечеря и указать солдатам на нужного Человека. Он живо представил себе неразбериху и возможную драку при налете и не хотел бы, чтобы Иисус ускользнул. Если Он вырвется из сетей этой ночью, то может бежать в Галилею или в пустыню и не появится в Иерусалиме до великих праздников осенью.

Первосвященник не намеревался арестовывать апостолов. Они были овцами и разбегутся при первом же нападении на пастуха. Он позвал старшего из прислуги и втолковал ему, что апостолам нужно лишь пригрозить арестом. Этого будет вполне достаточно. С законом необходимо считаться, а ему нужен был суд над одним Человеком. Было бы куда лучше, если бы апостолы смогли поведать сторонникам Иисуса, что Его схватили, судили и обвинили в богохульстве. И тогда этот новый культ или секта улетучились бы, а народ возвратился бы в лоно истинного поклонения, в храм.

Обдумывая любые возможности, Каиафа спросил у Иуды, что случится, если Жертва уйдет из большой горницы. Иуда ответил, что пиршество должно продолжаться еще не менее часа, и что не представит никакого труда окружить дом и направить отряд в горницу по лестнице - другого выхода не было - а он заведет их в горницу и укажет на Иисуса, подойдя и поцеловав Его. По этому они и узнают Его.

Если же Иисус с последователями покинут горницу наверху, то по предположению Иуды они пойдут к маслобойне у подножия Горы Елеонской, где они часто (ночевали, находясь в Иерусалиме. Если их не окажется и там, солдаты пойдут в Вифанию в дом Марфы и Марии, потому что это единственное место, где еще мог почивать Иисус. А так как Вифания была на расстоянии всего часа пути от дома первосвященника, осуществить арест можно будет задолго до рассвета и пробуждения города.

Каиафа ликовал. Поскольку добыча наверняка была поблизости, причин для беспокойства не было. Было

бы проще всего схватить Иисуса в большой горнице, где Он в случае сопротивления аресту мог получить рану от римского копья. Это сняло бы ответственность с первосвященника, Синедриона и, следовательно, храма. А тысячи последователей Иисуса в городе и за его пределами обратили бы всю свою злобу на римлян - идеальная ситуация для Каиафы. Однако сопротивления вряд ли стоило ожидать, если же, конечно, фарисеи хорошо изучили этого Человека. Мессия проповедовал любовь и покорность, ненасилие и всепрощенчество, а эти качества не вполне пригодны для ночной схватки с солдатами.

Каиафа сознавал, что смотрел на дело Иисуса сквозь пальцы. Он более года знал о существовании Христа, и было бы легче взять Его раньше. Его можно было судить в Синедрионе за богохульство и, если бы Его признали слабоумным, Он был бы признан вне закона. А если бы в Нем узрели опасность, Его бы избили камнями прежде, чем Он смог бы привлечь такое множество сторонников. А сейчас уже слишком поздно, он вынужден был ловить момент, чтобы арестовать, судить и казнить богохульника, пока Тот окончательно не разрушил власть храма.

С такими мыслями Каиафа коротал ночь. Радовало, что в городе было так спокойно. По дороге в Антонию он отметил, что на улицах почти никого; большинство горожан находились в домах за праздничным столом или отходили ко сну. Если бы только римляне со своими блестящими щитами прибыли вовремя арест, суд, приговор и избиение камнями к утру уже закончились бы. У священника того времени могло быть пять возможных версий об Иисусе: 1) Он был Мессией; 2) Он был мошенником; 3) Он был заблудшим человеком и вообразил себя Мессией; 4) Он был добрым духом; 5) Он был злым духом.

Ничто не может подтвердить, что Каиафа или Синедрион допускали иные возможности, кроме той, что Иисус был мошенником. Вся беда была, пожалуй, в том, что деловая политика и управление торговлей в храме довели столь сильно, что сердце августейшего священника очерствело, а с годами он потерял то, что стремился спасти - свою душу. Он стал взвешивать все дела, и духовные, и мирские, на одних и тех же весах. А со временем такой человек будет глумиться над любым проявлением сверхъестественного. Падение, которое он усматривал у других, происходило в его душе.

Иудеи верили в силу духов. В мире земном и мире потустороннем, по их вере, обитали бесчисленные духи, добрые и злые. Добрые духи были ниспосланы Богом и направляли человека на путь праведный, а все злые духи, подчиняясь власти Бога, противились Его воле и презирали человека. Все духи состояли из эфирного флюидного вещества, излучавшего слабое свечение или полупрозрачного.

В еврейском мире всех духов называли ангелами. Среди них были ангелы присутствия - те, что вечно стояли пред Богом. Были ангелы пастырства, которых посылали на землю, нередко в человеческом образе, для исполнения Промысла Божия. Другие управляли движением звезд и Земли. Были и такие, что занимались делами умерших. Некоторые были приставлены к людским расам, в то время как многие - к отдельным смертным. У других же не было иных обязанностей, кроме как изводить демонов. Среди множества духов семь были Божьими избранниками, из которых наиболее известны Михаил, Рафаил и Гавриил. Злых духов возглавлял Сатана, "супостат", ко временам Иисуса получивший новые имена: Вельзевул, Асмодей, Мастема.

Злые духи обитали ближе к земле и предпочитали пустынные и грязные места: заброшенные дома, гробницы, развалины, а иногда, если их присутствие было желательным, поселялись в домах людей. Они вершили свои деяния по ночам, вызывая физические и нравственные недуги, несчастья, скандалы, раздоры и войны. Они искушали праведных, толкали нечестивых к дальнейшему падению, содействовали идолопоклонству, обучали магии и извращали закон.

Каиафе все это было известно. В голове его проносились смутные догадки о личности Мессии. Мысль о том, что Иисус - настоящий Мессия, была бы для Каиафы ужасной. В этом случае Иисус имел бы власть над всеми людьми и народами и мог бы уничтожить Каиафу вместе с храмом. От такой мысли можно было прийти в отчаяние. Вероятность того, что Иисус - Мессия, заставила бы любого - не говоря уже о священнике, - не чинить заговор против жизни такого Человека. Будь на месте Каиафы другой, он бы тщательно все взвесил, и если бы убедился, что новый Мессия соответствует всем религиозным описаниям и помимо того исцеляет больных, воскрешает мертвых, дает зрение слепым, читает в душах людей и творит другие чудеса принародно - обладает сверхъестественной силой как Сам Бог - он бы упал на колени перед Ним и молил о прощении.

Каиафа не допускал такой возможности, как и его тесть. Они уже обсуждали этот вопрос и, наверняка, советовались с видными членами Синедриона. Иисус, по их разумению, был обманщиком, день ото дня все

более опасным для их образа жизни. Простые деревенские иудеи все сильнее верили в Иисуса, покидали дома, чтобы следовать за Ним, а горстка избранных в храме все более ожесточалась против Него.

* * *

А в большой горнице апостолы слушали Учителя, затаив дыхание. Он говорил страстно, зная, что может сказать все это только один раз. Насытившийся превосходной пищей Петр, который всегда как ребенок хвастался своей любовью к Иисусу, стал объектом укоризненных замечаний: "Симон, Симон, - сказал Иисус, - запомни Мои слова: Сатана просил вашего отступничества, чтобы сеять вас как пшеницу. Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя". А затем, уже избегая упоминания о Своей смерти, добавил: "И ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих".

Петр, великий телом и душою, прервал: "Господи, с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти". Иисус покачал головой: "Говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что знаешь Меня".

Петр вскинул было руки для возражения, но Иисус приостановил его жестом. Подошли слуги, чтобы убрать блюда и добавить вина. Когда они ушли, Галилеянин погрузился в раздумье. Он перебирал пальцами свой пустой кубок, а затем оглядел лица каждого из учеников.

"Ныне, - повторил Он уже сказанное ранее, - прославится Сын Человеческий, и Бог прославится в Нем". Он имел в виду новое священное жертвоприношение, установленное Им Самим. "Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе и вскоре прославит Его".

И снова апостолы были озадачены. Они не совсем понимали, ибо сейчас Иисус говорил о ближайшем будущем; Отец прославит Его в смерти путем спасения душ людских и скорым воскресением.

Кто-то из апостолов положил дорожную суму на ложе, вероятно, чтобы собрать в нее оставшийся хлеб. Мессия заметил это и сказал, обращаясь ко всем: "Когда Я посылаю вас без мешка и без сумы, и без обуви, имели ли вы в чем недостаток?" Они отрицательно покачали головами, а кто-то сказал: "Нет". Тогда Он сказал им: "Но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч". Эти слова все поняли сразу: когда Господа не станет, жизнь для них станет тернистой. Никто их больше не защитит от холода и голода, нищеты и нападков врагов Божьих. Нести слово Господне им придется, преодолевая огромные трудности.

"Ибо сказываю Вам, - закончил Иисус, - что должно исполниться на Мне и сему написанному: "и к злодеям причислен". Ибо то, что о Мне, приходит к концу".

"Господи! Вот здесь два меча", - сказали они, указывая на оружие у стены. "Этого довольно", - завершил этот разговор Иисус.

11 часов

После последнего кубка вина все встали и пропели молитву, и когда в большой горнице умолкли торжественные звуки, тишина возвестила о начале Нового Завета. До этой ночи Завет был один, а теперь будет Ветхий Завет и Новый Завет, который продолжит откровения Бога через Иисуса, Его Сына.

Иисус приподнялся с ложа, и все последовали Его примеру. Он еще не намеревался уходить, и апостолы продолжали разговор, теряясь в догадках. Они говорили о новом самопожертвовании и казалось, они понимают важность этого события, которое станет вершиной их дела. Осознали они также, что отныне являются проповедниками новой веры.

Некоторые припоминали, что еще год назад на проповеди в синагоге в Капернауме Иисус сказал им, что отдаст им Свою плоть и кровь, без коих они не смогут жить. В то время многим стало не по себе при самой этой мысли. А теперь они поняли, что Иисус благословил хлеб, претворив его в свою плоть, и благословил вино, претворив его в свою кровь, а вкушая их, они были благословлены иметь в себе Его Дух. Им стали понятны Его слова: "Сие творите в Мое воспоминание", а это значит, что они могут совершать это на протяжении всей жизни и передавать это таинство другим.

Петр, Фома, Филипп и Иуда заговорили о скорой разлуке с Иисусом, и все грустно притихли. Мессия был тронут и обратился к ним нежным словом "дети" и повторил сказанные за столом речи.

Апостолы впали в уныние, и его не рассеяли нежные слова Иисуса. Понутив головы, они лишь изредка поглядывали на Него. У них не было слов. Как человек, Иисус также испытывал грусть. Он был молод и крепок в свои тридцать три года, и как человек имел огромную способность к любви, которую Он испытывал ко всем людям. Было грустно при мысли, что Ему надлежит умереть как преступнику, расстаться с теми, кто радовал

Его душу. Но Иисус оставил мысли о собственной гибели, как обычно человек старается не думать об ужасном.

"Да не смущается сердце ваше, - сказал Он кротко, - веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. Я иду приготовить вам место".

В глазах апостолов засветилась надежда. "И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я".

Ученики оживились, они трепетно верили, что этот Человек был Мессией, они верили в это уже более двух лет, отказались от прежней жизни и имущества, а некоторые даже от семей. Когда Он сообщил о Своей смерти, они были в отчаянии, но когда Он сказал, что после смерти вернется за ними и возьмет их "домой", они преисполнились торжественной и глубокой радости.

"А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете", - продолжал Иисус. Их радостные лица вдруг омрачились. Они знают путь? Куда? Они взглянули на Фому, ибо очень часто он их выручал, зная что и как спросить у Господа. Фома покашлял, как всегда, посомневался и спросил: "Господи, не знаем, куда идешь. И как можем знать путь?"

"Я - Путь и Истина и Жизнь, - ответил Иисус, - и никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего". На их лицах снова появилась растерянность, и Он, как отец, поясняющий детям простейшие вещи, сказал: "И отныне знаете Его и видели Его".

Проще объяснить было невозможно. Он говорил, что Бог Отец и Бог Сын одно и то же. Разуму апостолов было непосильно охватить это, но некоторые кивнули в знак понимания, хотя им ничего не было понятно. "Господи, взмолился Филипп, - покажи нам Отца и довольно для нас". Превыше всего в те времена была честность договора: покажи нам, и мы поверим. Попроси Его явиться сейчас, хоть на миг, и все вопросы отпадут.

Иисус спокойно ответил: "Столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп?" И отчетливо добавил: "Видевший Меня, видел Отца. Как же ты говоришь "покажи нам Отца", разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя. Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне, а если не так, то верьте Мне по самим делам".

Иисус был терпелив с учениками, ибо понимал, как трудно было человеческому разуму представить два Божества в одном. Он знал, что мог заставить всех уверовать в Себя - даже Каиафа и Анна пали бы ниц перед Ним, если бы Он решил проявить Свою божественность, но главное в Его учении привести человека к вере без видимых чудес. Некогда Бог Отец снизошел на горную вершину и говорил с Моисеем, а также передал ему скрижали с заповедями. Возможно, из-за этого человек почувствовал, что он может торговаться с Создателем по любому поводу. Он мог пообещать следовать Закону, если Бог сначала скажет, какое вознаграждение он получит за это. Он хотел знать точно то, что зависело от Бога, где и когда, сколько и как долго. И более того, он желал подтверждений.

Иисус - олицетворение любви, никогда не терял терпения с чадами Отца Своего. "Истинно говорю вам, - промолвил Он, посмотрев на апостолов, а через них на все человечество во все грядущие века, - верующий в Меня, дела, которые Я творю, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю". Его глаза умоляли верить: если они не могут понять, пусть просто верят. Он опустил глаза и прошептал: "Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди".

Иисус подал знак Петру, и все поднялись. Была уже полночь. Иисус первым сошел вниз и поблагодарил отца Марка за гостеприимство. Затем они вышли на залитые лунным светом безлюдные улицы и, переговариваясь, направились к долине Хиннома.

С запада дул легкий ветерок и гнал облака по лунному небу. Оно было усыпано звездами, нарядными украшениями небес. Эта ночь была столь светла, что известняковые плиты Римской лестницы ярко белели издали, и на них четко выделялись тени деревьев.

По пути Иисус продолжил разговор, и когда Ему надо было что-то сказать, Он останавливался и все внимали Ему, обступив кольцом. Так, с остановками, они прошли южную часть Иерусалима, затем вниз по Римской лестнице к воротам Фонтана.

"И я умолю Отца, - убеждал их Иисус, - и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его. А вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет". В лунном свете Иисус увидел страх на их лицах, успокоил: "Не оставляю вас

сиротами, приду к вам". Слово "утешитель" Иисус сказал по-гречески, что значит советчик, защитник. Когда Он сказал "другой утешитель", он подразумевал, что Сам был Утешителем для апостолов, а теперь пошлет другого Утешителя, Который всегда будет с учениками и всеми верующими в Иисуса. Он говорил о Святом Духе.

"Еще немного, и мир уже не увидит Меня, а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня, а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим. И Я возлюблю Его и явлюсь ему Сам".

Они уже спускались по широкой лестнице, когда вечно молчавший Иуда остановил шествие вопросом: "Господи! Что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?" Благо, что этот вопрос задал неразговорчивый Иуда, потому что ответ объяснил очень многое: "Кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое. И Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим. Не любящий Меня не соблюдает слов Моих. Слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца. Сие сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам. Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам". (Ев. от Иоан. гл. 14.)

* * *

Город спал. Через несколько минут будет сменяться стража, и на крепостных стенах раздадутся возгласы солдат. Вскоре откроются ворота храма для первых молящихся, а в наружных дворах нищие станут просить милостыню Пасхального дня.

Спокойствие лунной ночи нарушал лишь шум в северо-восточной части города. Это, чеканя шаг, уходил из крепости Антония отряд римских легионеров. Обычно таким отрядом командовал центурион, но Каиафа в своей просьбе преувеличил дело, и отряд возглавил сам трибун, военачальник города.

Трибун понимал, что ему не следовало вмешиваться в этот арест: ведь богохульство против Ягве не было преступлением против Рима, и в законе империи не было статьи, по которой можно было бы судить Иисуса. Это была чисто еврейская проблема, связанная с провинциальным смутьяном, кто так или иначе подрывал престиж великого храма. Единственно, что требовалось от трибуна, так это оказать содействие храмовой страже в исполнении приказов, первосвященника. В случае сопротивления римляне были уполномочены избивать евреев до смерти.

В голове и в хвосте колонны легионеры несли факелы, и трибун, проходя вдоль рядов, осмотрел снаряжение. Он повел солдат на запад и свернул налево у ворот в городской стене, за которыми находился невысокий холм, который евреи называли Голгофой, то есть Лобным местом.

Теперь отряд спешно следовал в южную часть города. Им было приказано прибыть к первосвященнику, а тот проведет их к преступнику. Они уже прошли между дворцом Иродов и Хасмонеиским дворцом. При свете факелов движения их ног напоминали зловещий танец.

* * *

Каиафа томился в ожидании и, не вытерпев, послал гонца в Антонию. На полпути тот встретил легионеров и поспешил обратно к первосвященнику с вестью. У Каиафы отлегло от сердца и раздражение медлительностью римлян прошло. Он решил еще раз допросить Иуду, чтобы найти слабые места в его сведениях. Первосвященник понимал, что если Иисуса не возьмут этой ночью, он станет посмешищем в глазах римлян, и утром слухи о неудаче расплзутся из Антонии. Он должен во что бы то ни стало найти Иисуса и взять Его под стражу этой же ночью.

Иуду позвали к Каиафе, и тот предположил, что Иисус и Его последователи могут отправиться в Вифанию в эту ночь, ибо Галилеянин строго соблюдал расстояние субботнего дня и не ступит ни шага дальше дозволенного.

У Иуды было достаточно времени, чтобы все прикинуть, и он допускал, что было еще два места, куда мог пойти Иисус, если Его не окажется в большой горнице. Первым была маслобойня у подножия Горы Елеонской, о чем Иуда уже сообщил Каиафе, а вторым - огромная пещера выше по дороге к вершине горы, где Иисус вместе с апостолами изредка ночевал. Ясно было одно: дальше они не пойдут.

Храмовая стража уже получила распоряжения и только ожидала римлян, которые санкционируют ее действия.

Стражники расположились в огромном дворе перед домами Каиафы и Анны. Выходя замуж за Каиафу, дочь Анны пожелала, чтобы ее семейный дом был построен рядом с отцовским с общим двором и общими

воротами.

Старец Анна в ту ночь даже не выходил за порог дома, чтобы поинтересоваться скопищем вооруженного дубинками народа в своем дворе. Вероятно, это он надоумил зятя обратиться к Пилату за помощью. Как бывший глава Синедриона, он не знал лишь о самых незначительных событиях в городе, и сведения получал не только от послушного зятя.

Анне было известно, что большая горница находилась лишь через две улицы от его дома, и был уверен, что схватить Иисуса могли и несколько слуг первосвященника в любой час этого вечера. Он пошел на излишнюю предосторожность, прибегнул к помощи Пилата и его солдат, чтобы после этой ночи ничто не дало повода для сплетен фарисеев. Он приказал Каиафе ни в чем не нарушать законность, и тогда никто не скажет, что они прикончили этого шарлатана из слепой ярости.

Как только схватят Иисуса, сразу нужно разослать слуг, чтобы без промедления созвать Синедрион в доме Каиафы. Саддукеи не видели нарушений в созыве совета, но судить человека до восхода солнца было незаконно. Может быть, время до восхода уйдет на допрос и последующий перерыв. Если Иисус будет дерзко выступать как Мессия, Он разоблачит Себя. А если этого не произойдет, понадобится свидетель. Каиафа знал это и надеялся, что, несмотря на свой отказ, Иуда согласится дать показания. На случай, если свидетеля не найдут, Каиафа договорился о показаниях со стражниками храма, которые слышали проповеди Иисуса.

Интересно все же знать о встрече первосвященника с прокуратором. Записей об этом не осталось, не известно, была ли эта встреча вообще. Доподлинно известно лишь, что римские легионеры были посланы к Каиафе для участия в налете. Пилат презирал евреев и вполне резонно допустить, что он ни за что не дал бы солдат Каиафе для решения его религиозных проблем, если бы не усматривал в этом выгоды для себя.

Прокуратор знал законы евреев не хуже законов своей империи. Он, должно быть, знал, что богохульство каралось смертью, и что приговор не приведет в исполнение, пока он не утвердит его. Пилат знал и о том, что Иисус стал бельмом в глазу священников, и это его утешало.

Он не проявлял ни малейшего интереса к Иисусу, не больше, скажем, чем к скорпиону, устроившему гнездо в постели первосвященника. Он был на стороне скорпиона до тех пор, пока тот не сделал свое дело, а после этого Понтий Пилат раздавил бы его сандалией. Если бы евреи схватили и обвинили Иисуса, то прокуратор не колеблясь употребил бы свою юридическую власть и освободил этого Человека, лишь бы это разрушило планы Анны и его зятя.

И если бы Каиафа явился к прокуратору не сам, а прислал кого-то из своих людей, Пилат не дал бы легионеров для содействия в аресте смутьяна. Первосвященник знал преимущества личной аудиенции, хотя для него она была крайне неприятна не только потому, что прокуратор знал о его ненависти, но и из-за страха осквернить себя, преступив порог языческой крепости в день Пасхи. Все это надо было взвесить и учесть при этом, какая польза будет от помощи римлян.

Он видел в ней два преимущества: во-первых, чужестранцы становились соучастниками ареста и, таким образом, создавалась видимость, что это скорее дело римлян, а не заговор первосвященника; во-вторых, прибегая к помощи римлян, он добивался соучастия Пилата в вынесении смертного приговора.

Коварство обоих интриганов было равносильным. Каждый понимал предательскую стратегию другого и сознавал, что Иисус был лишь пешкой в большой игре. Это была борьба за власть: Каиафа и Анна боролись за сохранение своей власти в Иерусалиме, а Пилат хотел заставить их подчиниться.

Пилат настоял, чтобы ночная аудиенция с Каиафой проходила в его резиденции в Антонии. Это объясняет, почему супруга прокуратора Клавдия Прокула заинтересовалась делом Иисуса. Она могла быть свидетельницей их разговора, или же Пилат пересказал ей всю историю перед сном.

Широкий жест Пилата, направившего большой отряд легионеров, мог быть умышленным сарказмом. Это было все равно, что послать целый полк на арест калеки.

ИИСУС (по Евангелиям)

Иисус родился в период зимнего солнцестояния в 6 году до новой эры. (Монах Дионисий, который составил Григорианский календарь, совершил ошибку в расчетах и указал рождение Иисуса на шесть лет

позже). Мессия появился на свет в пещере в городе Вифлееме, и Его рождение имеет естественную и сверхъестественную стороны. Они переплетены словно нити в двухцветной ткани - выдерни одну - и узор нарушится.

Мать Иисуса Мария происходила из рода Давидова, как и ее муж, молодой плотник Иосиф. Они были помолвлены, по-видимому, когда Марии исполнилось двенадцать лет. В те времена это был обычный возраст для помолвки. А когда Мария вышла замуж, ей вряд ли было более четырнадцати лет.

За отсутствием каких-либо библейских или исторических сведений можно предположить, что их женитьба происходила по иудейской традиции. Это значит, что сначала о браке договорились родители Иосифа и Марии. Жениху было лет восемнадцать-двадцать, и он, вероятно, уже прошел ученичество у плотника, иначе он не смог бы содержать семью.

Несмотря на происхождение из древнего царского рода, семьи вряд ли обсуждали приданое, ибо были бедны. Возможно, Иосиф увидел Марию с родителями, и она ему понравилась. Затем, когда встал вопрос о женитьбе Иосифа, он мог рассказать о Марии, что и привело к сватовству.

Когда семьи пришли к согласию, состоялась церемония помолвки. Помолвка была весьма обязывающая, как и свадьба, и после помолвки жених мог отказаться от невесты только через развод. Помолвка разрешала брачные связи, хотя до свадьбы жених и невеста жили у своих родителей. В Галилее же, на родине Иосифа и Марии, как и в некоторых других частях Палестины, целомудрие сохранялось до свадьбы, которая справлялась через год после помолвки. Тем не менее, если в это время жених умирал, помолвленная невеста считалась его законной вдовой. А с другой стороны, если невеста в тот же период нарушала верность, ее наказывали за прелюбодеяние.

Время от помолвки до законного брака уходило на строительство небольшого дома и его обстановку. Свадьба представляла собой торжественный прием невесты в дом, приготовленный ее суженым.

Однажды в период между помолвкой и свадьбой в доме родителей в Назарете Марии явился Архангел Гавриил и сказал: "Радуйся, благодатная! Господь с Тобою! Благословенна Ты между женами". Молодая дева смутилась от необычного приветствия и испытала неведомый трепет. Ангел, увидев ее страх, сказал: "Не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь в чреве и родишь Сына, и наречешь ему имя - Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст ему Господь Бог престол Давида, отца Его. И будет царствовать над домом Иакова во веки веков, и Царству Его не будет конца".

Иудеи знали, что ангелы были посланниками Бога, и в разных концах страны старики рассказывали о явлениях ангелов с чудесными или ужасными последствиями в зависимости от того, были ли они добрыми или злыми духами. Само явление ангела не испугало галилейскую деву. Ее озадачило предзнаменование: что надобно Богу? "Как будет это, - спросила Мария, когда я мужа не знаю?"

Ангел сказал ей в ответ: "Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя, потому и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц. Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово".

Мария осознала значимость происходящего: она будет матерью Сына Божьего. Она не знала, как и почему, но не стала спрашивать. Она была воспитана в духе почтения к старшим и глубокого благоговения перед всем святым, умела принимать многие вещи как должное. "Се раба Господня, - кротко сказала Мария. - Да будет Мне по слову твоему".

У Марии был только один способ убедиться, что это был не сон. Она поспешно собралась к своей родственнице Елисавете, жене священника Захарии в далекий городок в горах. Елисавета была уже немолодой и, несмотря на многие мольбы к Богу, ее грудь еще не кормила младенца. И вот, подобно Марии, ей явился тот же Ангел, и она на самом деле была уже на шестом месяце. В июне она родит сына Иоанна, которого позже нарекут Предтечей, и он ранее Мессии начнет проповедовать и крестить людей.

Мария поднималась по дорожке к дому и, увидев стоящую у порога Елисавету, приветствовала ее. У Елисаветы в этот миг шевельнулся плод, и она сказала с волнением: "Благословенна Ты между женами и благословен плод чрева Твоего!" Мария изумилась этим словам, похоже, Елисавета знала обо всем больше, чем она. "И откуда это мне, - продолжала она, - что пришла Мать Господа моего ко мне? Ибо, когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем. И блаженна Уверовавшая, потому что свершится сказанное ей от Господа".

Между верой и убеждением есть оттенок различия, и Мария скорее поверила - она выслушала слова Гавриила, поняла их и уверовала. Но ее постоянно преследовала мысль "Я стану Матерью Бога", и эти слова могли показаться Ей самонадеянным святотатством. А сейчас, слушая речи поседевшей Елисаветы, которая знала ее с рождения, Мария убеждалась, вдвойне убеждалась в предстоящем, ибо ее родственница знала больше ее о делах Божьих.

Мария гостила у немолодой тетушки три месяца, почти до рождения Иоанна. Затем помолвленная невеста вернулась домой. Шел третий месяц ее беременности, и день свадьбы был недалек. Мария сообщила Иосифу, что ждет ребенка - и ни слова больше. Потрясение плотника трудно себе представить, ведь он так горячо любил Марию. Он был молод и благочестив, а предмет его чувств - сама невинность, как только что родившийся агнец. Марии не было дома три месяца, а вернулась она с трехмесячной беременностью.

Мария могла поведать Иосифу все, и ничто этому не препятствовало. Ребенку нужен будет приемный отец, а кто мог быть лучше ласкового и набожного Иосифа? Эта женщина скроет в своей душе откровение Бога, равного которому не знал свет. И бедный Иосиф пребывал в раздумьях, переживал, задавая себе множество вопросов. Он мог жениться на Ней в надежде, что в небольшом городке Назарете появлению на свет шестимесячного ребенка не придадут особого значения. Или же он мог объявить Ей развод, но в таком случае он должен был назвать причину. И если Ее беременность будет установлена, а он поклянется, что "не знал Ее", Ее обвинят в прелюбодеянии и приговорят к избиению камнями. Мог он также тихо удалить Ее из города, оплатить Ее переезд в какое-нибудь отдаленное место, где Она может родить ребенка и не появляться в Назарете.

Эти мысли не давали плотнику покоя. Наконец он решил, что лучше всего будет тайно увезти Ее из города. Он сознавал, что таким образом поступит милосердно, но при этом был уверен, что никогда не сможет отдать свое сердце другой.

Остановившись на этом решении, Иосиф уснул. Во сне ему явился Ангел и сказал: "Иосиф, сын Давидов, не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в ней есть от Духа Святого. Родит же Сына и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их". Эти слова напомнили Иосифу древнее пророчество: "Се Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут Ему имя Еммануил, что значит: "с нами Бог".

Иосиф уверовал и проснулся с облегчением. Вполне вероятно, что он поведал Марии о явлении Ангела, и что ему все известно. Он испытывал изумление, счастье и страх перед тем, что им предстояло. Он привел Марию в дом, но ни до рождения ребенка, ни после с ней не было никого из родственников.

Если все это было исполнением пророчества, то кое-что не совпадало. Иудеи знали, что Царь царей родится в Вифлееме, городе Давида. Осенью Мария была в такой стадии беременности, что и не помышляла о путешествиях.

С Иосифом они жили счастливо. Она была покорной женой, и он спокойно занимался своим делом в Назарете. Мария пребывала в тайной трепетной радости. Лежа в постели с Иосифом перед сном, она чувствовала в себе движение новой жизни. Старшие женщины не советовали отправляться в путь в такие сроки, и никто не мог уговорить молодую жену пойти дальше соседских домов.

В это время в Риме Цезарь Август пришел к выводу, что он, как император, никогда не будет точно знать сумму налогов и податей, если ему не будет известно число подданных в разных концах империи. Он издал императорский рескрипт, по которому все подданные его владений были обязаны явиться в поселения своих родоначальников для переписи. Он знал, что это создаст для многих огромные трудности и неудобства, нарушит хозяйственную деятельность, но в ответ на возражения совета он отвечал, что во избежание подсчета одних и тех же людей дважды или упущения из виду других, например, сезонных рабочих, каждый должен явиться в обитель своих предков в начале зимы, где и будет охвачен переписью.

Мария не хотела путешествовать, этому противился ее естественный материнский инстинкт. Иосиф сказал, что им придется отправиться в Вифлеем, и этот вопрос обсуждению не подлежал, это был закон. Им предстояло преодолеть почти девяносто поприщ на юг и по пути пройти через Священный город Иерусалим. Это немного успокаивало Марию, ведь она никогда не была в Иерусалиме и не видела Соломонова храма. (Поприще - 8 стадий, около 1480 м).

Мария ехала на маленьком сером ослике, развозившем поделки Иосифа. Евреи редко странствовали прямой дорогой через Самарию, полагая, что вся страна была пересечена ущельями. Они путешествовали

вдоль реки Иордан до Иерихона, а затем поворачивали на запад к Иерусалиму, проходя с десяток поприщ в день. На ночь семьи останавливались на постоянных дворах за умеренную плату.

Когда они приехали в Вифлеем, у Марии начались схватки. Иосиф тотчас же побежал к хозяину постоянного двора, притулившегося на утесе, и пока Мария ждала внизу, он изложил свои заботы. По иудейскому закону в таком случае требовалась повивальная бабка, но Мария дала понять, что Ей это не обязательно. Больше всего Она нуждалась в уединении.

Владелец двора удивленно вскинул руки: разве плотник не знает, что город набит людьми? Что весь род Давидов собрался в Вифлееме, и люди заполнили все дома и дворы, спали на улицах и на окрестных холмах? О каком уединении может идти речь!

Плотник спокойно спросил, где же можно найти место, чтобы жена могла разрешиться. Владелец посоветовался с женой - не оставлять же женщину на улице в такую холодную звездную ночь. Пастухи спали, закутавшись в шкуры с головой. Конюшня внизу! Это было не совсем подходящее место для рождения ребенка, но по крайней мере там было тепло и, кроме них, никого больше не будет. Там было полно скота, но Иосиф и Мария были рады и этому пристанищу.

Мария ждала во дворе, держа осла за поводья. Она измучилась в дороге, и от белой дорожной пыли Ее лицо было еще бледнее, ныло все тело. Мария знала, что час настал. Иосиф вернулся с вестью, которая для него была унижительной, а для Нее - облегчением.

Иосиф повел Марию по тропинке вниз, чувствуя себя неловко и сетуя, что не смог найти лучшего ночлега. Ему было стыдно, что в столь трудный час он не смог найти даже повивальную бабку.

Итак, в возрасте пятнадцати лет благословенная юная Дева пойдет на испытание одна, как и спустя тридцать три года Ее Сын тоже пойдет на испытания один.

Марию с детства учили, что пути Ягве неисповедимы, и их нельзя мерить человеческими мерками, и если по Его воле Сын Божий должен родиться в пещере под постоянным двором, Мария даже не сомневалась, что так и должно быть, разве что позволит себе маленькую надежду, что место будет чистым.

Расстроенный Иосиф завел жену в конюшню, устроенную в пещере. Он поправил светильники и собрал достаточно соломы для постели. Животные, не мигая, смотрели на гостей. Затем Иосиф взял стоявшее в углу ведро и сходил за водой. Он хотел разжечь огонь, но хвороста на холме не нашел и купил у хозяина немного древесных углей. Иосиф развел костер снаружи, у входа в пещеру и, выгрузив из огромной дорожной сумы посуду и прочую утварь, завел своего осла внутрь.

Поговорив с Марией, он вышел и оставил ее одну, а сам занялся костром, на котором нужно было согреть воду. Иосиф непрестанно шептал молитвы, прося у Бога милости. Он вздрагивал при каждом звуке, издаваемом животными. Угли разгорелись и перестали дымить, и Иосиф подвинул их ближе ко входу.

Жена хозяина не приходила, никто не приходил. Время тянулось медленно и было наполнено одиночеством: маятником этого часа было биение двух сердец одно стучало медленно и напряженно, а другое легко и быстро, словно у крольчонка, которого держали в руке. Но время не ускоришь, и не замедлишь его размеренного течения. Оно шло своим чередом, и скорчившийся у тлеющего костра Иосиф увидел новую яркую звезду над Моабскими горами.

Мария позвала его. Иосиф робко зашел в пещеру и увидел Ее, склонившуюся у яслей, в которых лежали пеленки. Наклонившись над маленьким шатром из пеленок, Иосиф увидел розовое личико Младенца.

Это о Нем, сказал себе Иосиф, предвещал Ангел. Он упал на колени перед ним был Мессия.

Спасаясь от гнева Ирода, Иосиф и Мария бежали в Египет, но вскоре вернулись вместе с Сыном домой, к нормальной жизни. Иисус рос в Назарете, и соседи считали Его сыном Иосифа. Мать обучала Его Писанию задолго до того, как Он пойдет в школу учиться читать и писать. Он становился умным и воспитанным, но в меру для своего возраста. У Него были друзья, с которыми Он играл, хотя и был серьезным мальчиком. Иисус не занимался шалостями, но, как и все дети, любил поиграть в песочные горшки и помечтать.

Недалеко за горой находился греческий город Сефорис, и евреи этой части Галилеи предпочитали покупать все необходимое на рынках этого города. Иосиф много раз ходил, держа Иисуса за руку, по улочкам города, где отовсюду звучала быстрая греческая речь лавочников. В городе был гарнизон и арсенал. Когда Иосиф покупал плотницкий инструмент, лавочники, вероятно, предлагали Мальчику сладости, а если так, то по иудейскому воспитанию Он должен был отказываться от подарка лавочника, отвесив глубокий поклон и

громко благодаря.

Среди других городов Палестины Назарет ничем не был примечателен. В старом Писании упоминались многие места страны израильтян, но Назарет ни разу не назывался. Название это происходит от древнееврейского "назар", что значит: посох.

Ежегодно, в месяц Нисан, Иосиф отправлялся в Иерусалим на празднование Пасхи. Он оставлял дома Марию и своего приемного Сына, пока тому не исполнилось двенадцать лет. С этого возраста Иисус считался взрослым мужчиной и отвечал за свои религиозные обязанности не меньше, чем Его приемный отец. Мария не была обязана посещать Иерусалим, но Она была очень набожна и всегда вместе с мужем и сыном бывала на празднике в Священном городе. Именно Она дала Иисусу важнейшие религиозные наставления и устроила Его в раввинскую школу, чтобы, научившись читать и писать, Он продолжал изучать Писание.

Иисус, так же как и многие в Его возрасте, учился, и человеческое в Его натуре делало Его уязвимым, как и любого человека. Из порезанного пальца у Него тоже текла кровь. А когда мать упрекала Его, Он чувствовал горечь. Если в мастерской отца Ему удавалось простругать брусок сосны на нужную толщину, и отец хвалил Его, Он рдел от удовольствия и старался еще больше.

Ежегодное путешествие в Иерусалим было всегда волнующим событием. Царила атмосфера всеобщего праздника. Соседи объединялись в небольшие караваны, в предвкушении этого паломничества настроение мужчин было приподнятым. Маленькие караваны сливались в большие, и дороги представляли собой сплошной поток паломников, счастливых, улыбающихся людей, приветствующих друг друга с именем Бога на устах. Маленькие сыновья проделывали все путешествие на отцовских плечах.

На закате дня караван останавливался, и все спали под открытым небом в уже довольно теплой ночи. В дождливую или прохладную погоду искали пристанища на постоянных дворах. Постоялый двор представлял собой замкнутый квадрат, где внутри просторного двора привязывали животных. Для состоятельных путешественников были отдельные комнаты, а для бедных - одно общее помещение.

В общей комнате никто никому не указывал, когда ложиться спать или прекратить разговоры. До глубокой ночи одни спорили по вопросам закона, а другие обсуждали цены на рынке. Иные же громко и долго молились или, собравшись в углу, распевали псалмы до самого раннего утра. Дети ютились на полу между родителями и спали, невзирая на шум.

Большинство семей старалось прибыть в Священный город на день - два раньше до четырнадцатого Нисана, а уезжали через день после Пасхального празднества. Самые набожные оставались в Иерусалиме или у его стен целую неделю до двадцать первого Нисана. В двенадцать лет Иисус был выше своих сверстников и намного серьезнее их. В этом возрасте Он посетил Иерусалим, но когда Иосиф и Мария покинули город со своими караванами, через день они обнаружили, что их Сын пропал.

Родители обезумели от горя, и, распростившись с друзьями, поспешно двинулись в обратный путь. В Иерусалиме они Его не нашли. Они обыскали часть города, где провели неделю, но Иисус не попался им на глаза. Их утрату трудно было передать словами, ведь Он был не только их Сыном: у Него была тайная миссия, о которой знали только они. Он был подопечным Бога, а они Его потеряли. Они прошли по узким улочкам, заглядывали в лавки, догоняли высоких, стройных юношей, чтобы обнаружить, что это не Иисус. Обращались и к властям, не попадался ли им потерявшийся мальчик, и везде получали один и тот же ответ - никто Его не видел.

На третий день, измучившись и потеряв всякую надежду, Иосиф и Мария вошли в храм, чтобы просить помощи у настоящего Отца. И там, в одном из дворов они увидели Сына, восседавшего среди раввинов и живо участвующего в обсуждении тонкостей Закона. Раввины были поражены умом и познаниями юноши.

Потерявшая ребенка мать будет плакать и отчаиваться, думать о самом худшем, а как только она увидит его целым и невредимым, то первым порывом будет гнев.

"Чадо, - строго сказала Мария, - что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и я с великой скорбью искали Тебя". Иисус посмотрел на мать и ответил: "Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?" Его ответ несомненно удивил раввинов, да и Иосиф с Марией вряд ли все поняли. Его истинным Отцом был Бог, и Его Отец обитал тут.

Все же Он был послушным сыном и, поблагодарив раввинов, отправился с родителями в Назарет. С этого времени до тридцати двух лет Он жил в Назарете, и Его знали лишь соплеменники и друзья. Иисус

общался с двумя большими семьями - Иосифа и Марии. У Него было множество родственников, ведь на Востоке заботливо оберегали даже самые отдаленные родственные связи. Племянников первого и второго родства звали братьями и сестрами, и поэтому говорили, что у Иисуса было много братьев и сестер, хотя на самом деле Он их не имел. Он любил всех и был любим, и всегда участвовал во встречах всего клана по случаю свадьбы или обрезания.

Никто не считал Иисуса каким-то особенным человеком. Возможно, Он был более задумчив, чем другие юноши его возраста, не был склонен к шуткам или заигрыванию с хорошенькими девушками из числа его "сестер". Он предпочитал слушать разговоры стариков и участвовать в спорах о вере.

Вполне объяснимо, что Его не считали святее других, ибо у иудеев религиозность проникала во все сферы их жизни, распространялась на еду, питье, сон, образ мысли, разговор. Единственное, что указывало на высшую степень духовности иудея, так это его способность к пророчествам, а Иисус ее не проявлял. Он помогал приемному отцу в плотницкой работе и брал большую ее часть, так как здоровье Иосифа ухудшалось. А когда этот тихий, преданный человек умер, Сын с теплотой и грустью думал об Иосифе, который дал Ему не только законное положение, но и самое драгоценное - свою любовь. В этот час Иисус-человек пролил Свои первые взрослые слезы. В этом горе Он не был одинок, рядом с Ним была мать.

* * *

Жизнь Иисуса - служение освобождению человечества - началась в конце 27 года н.э. Он был уже зрелым человеком тридцати двух лет от роду, в глазах которого отражалась тайная печаль. В мастерской Он уже проводил меньше времени, находясь в гуще людей и проповедуя. В Галилее многие знали Его, и Он знал многих, но люди не догадывались о Его предназначении, и Он об этом не говорил. Он знал их радости и печали, а они знали Его как одного из своих, типичного галилеянина с мягким, чуть напевным, но не слишком внятными разговором.

Иисус должно быть знал, что Его акцент стал предметом насмешек в Иудее. В то время была расхожей шутка о галилейском крестьянине, желающем купить осла в Иерусалиме и вопрошающем, где он может купить его. Торговец переспрашивал его: "Глупец, что ты ищешь? Осла или козла?"

Крестьяне с севера знали Иисуса в лицо. Он странствовал один и обычно босой, если путь не был далек. На Нем постоянно была белая одежда без украшений, Он не носил никаких амулетов. Иногда крестьяне, оставив свою работу, подолгу беседовали с Иисусом. К Нему тянулись, как к ученому и сочувствующему Человеку, Учителю, делились своими невзгодами и удивлялись Его мудрым советам.

Он был уже готов начать свои деяния во спасение человечества, но Он знал, что согласно Писанию, у Него должен быть предшественник. Исайя писал: "Ранее Тебя посылаю вестника, кто приготовит Твой путь. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему". Иисус знал, что Его предтечей будет тот, кто родился прежде Него - Иоанн, сын пожилой Елисаветы.

Двоюродный брат Иисуса в то время жил в пустыне. Он стал строгим аскетом, предающимся пространному пророчествам. По воле Бога Иоанн пришел в богатые зеленые земли на берегах реки Иордан и крестил всех, кого мог убедить. Иоанн носил власяницу из верблюжьей шерсти, подпоясанную сыромятной кожей, питался акридами и диким медом. К нему сходились люди со всех земель, приходили и из Иерусалима. Стоя по колена в воде, он выслушивал их прегрешения и обливал их водой во искупление грехов.

Однажды, увидев саддукеев и фарисеев среди сельчан, он изрек: "Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния". Не скрывая презрения, продолжал: "И не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму". Они приблизились к нему робко, готовые к раскаянию, но он гневно предостерег: "Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь".

"Я крещу вас водою, но идет Сильнейший меня, у Которого я недостоин развязать ремень обуви. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем, - Иоанн вскинул руки к небу. - Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу в житницу Свою, а солому сожжет огнем неугасимым".

Иоанн крестил толпы людей, и многие спрашивали, что им делать для спасения, на что он громогласно отвечал: "У кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же". А мытарям ответил: "Ничего не требуйте более определенного вам". И воинов предупредил: "Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованьем".

Наступил день, когда Иоанна спросили, кто он. Креститель понял, что они имели в виду:

"Ты Мессия?" Он покачал могучей головой: "Я не Мессия".

"Кто же ты? Уж не Илия ли?"

"Нет".

"Тогда пророк?"

"Нет".

"Кто ты? Нам должно ответить тем, кто послал нас. Что сам скажешь о себе?"

"Я есть глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему, как сказывал пророк Исайя".

У фарисеев мелькнуло нечестивое подозрение: "Отчего же крестишь народ, не будучи Мессией, Илией или пророком?"

"Я крещу вас водою, - возвестил Иоанн, - но среди вас есть Тот, Кого вы не знаете; Тот, Кто последует за мною, у Которого я недостойн развязать ремень обуви".

На следующий день, когда Иоанн увещевал людей на берегу Иордана, он увидел приближающегося двоюродного брата. "Вот Агнец Божий, Который берет на себя грех мира, - указал на Него Иоанн. Сей есть, о Котором я сказал: "за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. Я не знал Его, но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю". Иоанн не мог узнать брата, так как не видел его с детства. (Когда Иоанн родился, его родители были у же старыми и, вероятно, умерли, когда он был еще очень молод. Креститель провел в пустыне 20 лет и не знал своего двоюродного брата).

Иисус приподнял края одежды одной рукой и ступил в воду Иордана. Иоанн, удерживая Его, сказал: "Мне надо креститься у Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?" Но Иисус сказал ему в ответ: "Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду". Приняв крещение, Иисус вышел из воды, и в этот миг небеса разверзлись и Дух Божий в виде голубя сошел на Него. И с небес прозвучал голос: "Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение".

Миссия Иоанна заключалась в том, что он известил людей о пришествии Спасителя и указал на Него. Иисусу, как Сыну Божьему, не нужно было креститься, но Он принял крещение в пример народам мира. Утром следующего дня Иоанн сослужил последнюю добрую службу Иисусу.

Еще до восхода солнца на берегу Иордана собрались толпы народа, чтобы послушать Предтечу. Он стоял по колена в воде, а рядом с ним был его ученик Андрей. Иоанн страстно проповедовал, осуждая грехи и призывая народ к покаянию. Внезапно он умолк, увидев стоящего в стороне Человека.

"Посмотри, - шепнул он Андрею, - вот Агнец Божий".

Иоанн, должно быть, знал, что его последователь вскоре покинет его. Он все время говорил о том, что является Предтечей Мессии, а сейчас он указал на Странника и назвал его Агнцем Божьим, что значит рабом Божьим и Его жертвоприношением. Андрей даже не попрощался с Крестителем и, приподняв одежды, перешел на другой берег. Андрей полагал, что если это Мессия, Которого ждали сотни лет, то глупо слушать Предтечу, когда среди них стоит Сын Божий,

Андрей поднялся на желтый берег и увидел, что Иисус пошел по Иерихонской дороге, по обе стороны которой колосились хлеба. Он заметил, что за Ним следует Андрей и, повернувшись, спросил:

"Что тебе надобно?"

"Учитель, откуда Ты?" - сказал Андрей. Эта фраза значит гораздо больше ее прямого смысла, она подразумевает: кто Ты и что Ты за человек.

Иисус улыбнулся и поманил его пальцем: "Пойдем и увидишь".

Так Он обрел первого из двенадцати учеников, не узнав его характера, не испытал сердца и даже не спросив имени. Возможно, все двенадцать были заранее избраны Богом Отцом и, если это так, тогда понятно, почему среди них оказался предатель. И другие, с их человеческими слабостями, малым образованием и колеблющейся верой были далеки от совершенства, которое Иисус мог найти на этой земле. Он принимал всех, кто приходил к Нему.

За Андреем пришли другие - Петр, Филипп. Иуда. Интересная история произошла с Варфоломеем. Филипп застал его сидящим под фиговым деревом в полдень и с волнением сообщил: "Мы нашли Того, о Ком писал Моисей и пророки!" Варфоломей, известный также как Нафанаил, сонно проворчал: "Из Назарета может

ли быть что доброе?" "Пойди и посмотри", - ответил Филипп.

Поразмыслив немного, Варфоломей поднялся и, позевывая, поплелся по дороге туда, где в окружении небольшой группы людей стоял Иисус. Увидев идущего к Нему Варфоломея, Иисус сказал: "Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства".

"Почему ты знаешь меня?" - удивился Варфоломей.

"Прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя".

Эти слова поразили Варфоломея, ибо отсюда смоковница не была видна, и он с трепетом воскликнул: "Равви! Ты Сын Божий. Ты царь Израилев!"

Иисус грустно покачал головой: "Ты веришь, потому что Я сказал, Я видел тебя под смоковницею? Увидишь больше сего". Он обратился к другим: "Истинно вам говорю: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому".

Теперь Иоанн Креститель знал, что Мессия начал Свое служение, обрета учеников. Затем Иисус удалился в пустыню, где подвергся искушению Сатаны. Вскоре после крещения Иисуса царь Ирод заключил Предтечу в темницу и по прихоти женщин обезглавил его. Вся страстная вера Иоанна заключалась в пяти словах, которые он часто возвещал народу: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное".

Со дня крещения Иисуса до Его смерти прошло два года и два или три месяца, события, происшедшие за это время, достаточно полно описаны, однако осталось апостолами и другими людьми, жившими с Иисусом почти в одно время. И все-таки образ Мессии не совсем ясен. С одной стороны достаточно хорошо известно, что Он делал, что говорил, где и почему. Иные же сюжеты только упоминаются, и из описания жизни Иисуса выпадают целые недели, а иногда и месяцы. Ни один из хроникеров не рассматривал Его как человека из плоти и крови, Который должен был осуществить грандиозную миссию в короткое время в стране, где власти враждебно к Нему относились. Его жизнеописатели видели в Нем Бога и страстно желали присутствовать в тот миг, когда Он и подвластное Ему ангельское воинство будут истреблять врагов огнем и мечом.

Первое деяние Иисус совершил в Кане, в Галилее. Он с матерью был приглашен на свадьбу одного из родственников. Родители невесты были небогаты, и не могли купить достаточное количество вина. Мария по-матерински сочувствовала им и тоже испытывала досаду. Она посмотрела на Сына и сказала: "У них кончилось вино". "А что же Мне делать?" - прошептал Он, - еще не пришел Мой час". Он имел в виду, что еще не пришло время Его открытого служения. Матери, верящие в беззаветную любовь сыновей, не меняются с веками. Она была уверена, что Он что-то сделает по ее просьбе.

Она подозвала расстроенного слугу и сказала: "Что скажет Он вам, то сделайте".

У стены стояло шесть огромных каменных кувшинов. Сейчас они были пусты, а в заключение торжества должны были использоваться для религиозного очищения.

Иисус посмотрел на Своих новых учеников, а затем сказал служителям: "Наполните сосуды водою". Служители недоуменно переглянулись, но исполнили то, что Он велел. Мессия поднял руку: "Теперь почерпните и несите к распорядителю пира".

Они сделали, как им было сказано, а распорядитель пира, отведав, убедился, что это было лучшее из вин. Он был столь удивлен, что подошел не к Иисусу, а к жениху и сказал: "Всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее: а ты хорошее вино сберег доселе".

Увидев это, ученики уверовали в Иисуса. Его мать, конечно, не нуждалась в чудесах для подтверждения обратил воду в вино, а в более важном, что даже Богочеловек уважал послушание. Желание Матери было законом.

После свадьбы Иисус с учениками и Матерью отправились в рыбацкий город Капернаум на берегу Галилейского моря. Предстояло пройти более тридцати поприщ, но об этом пути не написано ничего, кроме того, что это имело место быть и что Галилеянин решил сделать Капернаум центром Своих деяний.

Человеку, интересующемуся историей, простые упоминания эпизодов говорят мало, на самом же деле во время пеших странствий не прекращались интересные разговоры, обмен мнениями. Иисус только приступил к выполнению Своей миссии и при Нем были лишь самые близкие люди: мать, двоюродные братья и первые ученики. По дороге в Капернаум Он, вероятно, объяснил им высокую цель их предназначения и дал понять, что впереди их ждут суровые испытания.

Решение поселиться в Капернауме было логичным. Город Его отрочества был бы неподходящим местом,

где можно было объявить Себя Мессией. Множество родственников в Назарете знали Его с детства. У покойного приемного отца и у матери было множество друзей, и для них Иисус был просто одним из молодых людей, Который мало их интересовал и подавал еще меньшие надежды, чем некоторые другие, уже преуспевшие во внешней торговле, которые ходили с караванами в Сирию или занимались земледелием. Об особых обстоятельствах рождения Иисуса и Его божественности они, конечно, не ведали.

Иисус знал, что когда до Назарета дойдут слухи о Его деяниях в Иерусалиме и Капернауме, люди станут говорить: "Не сын ли это плотника Иосифа? Не Его ли мать Мария, женщина добропорядочная? И где Он получил образование, чтобы учить Закону?"

Нет, назаретяне Его не поймут.

Некоторые из Его соседей впоследствии обвинят Его в том, что Он совершал чудеса где угодно, но только не в родном городе. Он боялся услышать слово "чудо". Он понимал человеческие слабости и обещал Отцу отдать жизнь во искупление этих слабостей, но было ужасно узнавать, что они предпочитали чудеса увещаниям.

Они были детьми, и куда бы Он ни пошел, они улыбались, потирали руки, кивали головами и просили "знамения".

То же самое просили и у Иоанна Крестителя, и он громогласно вещал, что время Мессии приблизилось, и им лучше сейчас покаяться. Знамения, предостерегал он, могут исходить и от лукавого. Но Иисус отвечал по-иному, ибо всей душой любил людей. Детская непосредственность людей не гневилась Его, а вызывала жалость и большую любовь. Он не уставал повторять Свои наставления, а они слушали или оспаривали Его речи, а в конце концов снова просили знамения. И сколько бы Он не удовлетворял их желания и творил чудеса, им этого было мало. Без постоянных чудотворений они не хотели следовать за Ним. Его особенно огорчало, что и избранные двенадцать учеников нуждались в чудесах.

В 28 г. н. э. Иисус вместе с учениками явился в Иерусалим на празднование Пасхи. Свое первое деяние Он совершил ради Матери, а второе Он посвятил истинному Отцу - Ягве. Иисус стоял в сутолоке на Паперти язычников и слышал крики менял, называвших цены в шекелях храма и эквиваленты в языческих деньгах, слышал запах навоза овец и ослов, мычание и бляние животных.

Как могли люди превратить обитель Его Отца в огромную зловонную конюшню? Как могут такие земные вещи как деньги иметь что-то общее с искренним поклонением Богу? Это поражало Иисуса как человека. Он знал, что люди шаг за шагом могут извратить самую прекрасную идею. Пронзительные крики, зловония проникли в Свята Святых, и для Иисуса это было кошмаром.

Этот Человек редко бывал в гневе, но когда гнев поднимался в Нем и становился заметен, Он был похож на приближающуюся грозу. Иисус молча наклонился и собрал с земли куски веревок, а затем сделал из них бич, завязав узлы на концах. Апостолы безмолвно наблюдали за этим и лишь переглядывались.

Иисус решительно пересек мраморный двор, размахивая перед собой бичом. Он видел удивленные лица менял, видел как они в страхе вскочили из-за столов и бежали. Он опрокинул их столы, и столбики блестящих монет со звоном раскатились по мраморным плитам.

Среди паломников поднялся невообразимый гам, когда они увидели, что от рядов менял Иисус направился к торговым рядам Анны. Он стал отвязывать быков и овец, отпускать голубей. Его лицо пылало, Он тяжело дышал, когда кричал торговцам: "Возьмите это отсюда и дом Отца Моего не делайте домом торговли!"

Животные разбежались по двору. Менялы и торговцы не осмеливались напасть на Иисуса, ибо со всех сторон слышались одобрительные возгласы молящихся, которые не знали, кто Он, но разделяли Его чувства. Один из торговцев спросил: "Каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?"

Иисус с презрением ответил, ударяя Себя в грудь: "Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его". Он знал, что они готовы убить Его за содеянное, и Он говорил им, что если они это сделают, Он воскреснет через три дня. Он говорил о храме тела Своего, но они этого не поняли, думая, что он говорит о великом храме. "Сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его?" - удивились они.

Повернувшись, Он пошел к ученикам, которые в испуге стояли в стороне, и велел совершить ритуальное жертвоприношение. А на Паперти язычников и в наружном дворе храма шли пересуды, что этот Незнакомец с галилейским говором должно быть умалишенный и опасен, ибо Его неистовые выходки были вызовом самому

могущественному человеку в Палестине - Анне. К тому же любой, кто мог вызваться воздвигнуть храм в три дня, не отдавал отчета своим словам.

После Пасхи Иисус ушел из Иерусалима домой. Среди простых людей дышалось свободнее, и Он проводил погожие дни в раздумьях и проповедях. Странствуя по берегам Галилейского моря, Он обрел новых учеников. Симон, например, закидывал невод, когда Иисус сказал ему, что сделает его "ловцом человеков", и велел следовать за Собой. Именно тогда Иисус дал ему новое имя Кифа, по-гречески Петр, что значит "камень". Иисус призвал Иакова и Иоанна, когда те занимались доходным рыбным промыслом у своего отца. И тотчас братья побросали сети, рыбу, презрели спокойную жизнь и будущее и пошли за Иисусом. Так было и с другими - взглянув в печальные глаза Иисуса или увидев Его зовущий жест, они словно загипнотизированные, следовали за Ним, не вдаваясь в расспросы.

Как только Иисус начал Свои проповеди, молва о Нем быстро разнеслась по Палестине. Правда в Его речах, искренность в глазах заставляли людей верить. Целые семьи оставляли дома и хозяйства и шли в Его свите, некоторые странствовали со своими пожитками. Иисус предостерегал их, что земные блага - это ничто в Царстве, к которому Он их звал. Уже спустя две недели с начала проповедей Он вел за собой из города в город сотни мужчин, женщин и детей.

Большинство из Его последователей были не из язычников или темных людей, а из образованных и ищущих. Однажды под покровом ночи к Иисусу пришел один из предводителей фарисеев Никодим и сказал: "Равви! Мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога, ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог".

Иисус смотрел на человека, представляющего враждебную новому Писанию силу. Он видел человека с добрым сердцем и сказал ему: "Если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия". Он подразумевал, что нужно отречься от прежней жизни и, крестившись Духом Святым и водою, начать новую жизнь по заповедям любви.

До сих пор Иисус не употреблял слово Мессия. (По-гречески "Христос" значит помазанник. Мессия и Христос по сути синонимы). Настал час употребить его, и для этого откровения он избрал бедную самаритянку, наполовину иудейку. Она была блудницей.

Иисус сидел в одиночестве у колодца и созерцал гору Гаризим, где самаритяне воздвигли свой храм, соперничающий с храмом Соломона в Иерусалиме. Ученики в это время отлучились в город купить пищи.

В это время за водой пришла женщина, и Иисус завязал с ней разговор, в ходе которого Он, совершенно незнакомый Человек, проявил удивительную осведомленность в ее грехах. "У тебя было пять мужей, - сказал Он, - и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе".

Самаритянка посмотрела на Иисуса и промолвила: "Господи! Вижу, что Ты пророк. Отцы наши поклонялись на этой горе, а Ты говоришь, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме".

"Поверь Мне, - сказал Иисус, - что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев. Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе".

Женщина заволновалась от догадки: "Знаю, что придет Мессия, то есть Христос. Когда Он придет, то возвестит нам все".

Иисус улыбнулся ей: "Это Я, Который говорю с тобою".

* * *

Иисус с апостолами на несколько дней прибыл в Галилею, и если Он когда-либо вообще чему-нибудь удивлялся, так это радушному приему своих земляков. Он уже говорил в синагоге, что никакой пророк не принимается в своем отечестве, а народ его приветствовал с большим почитанием. Мессию встречали группы людей по дороге в Кану, поклонялись Ему и присоединялись к шествию. Иисус нашел объяснение этому. Многие из них были в Иерусалиме на Пасху и слушали, как Он проявил Свою силу, опрокинув столы менял.

Однажды вечером в Перес они увидели Иисуса стоящим на коленях и обратившим Свой взор к звездам. Они видели это и раньше, но не решались спросить, что это значило. Они знали, что каким-то образом Он общается с Отцом. Когда он закончил, кто-то робко попросил научить их молиться, как Иоанн учил своих последователей.

У иудеев было много различных молитв, которые говорились до и после еды, перед многими событиями, перед плохими и хорошими новостями, рождением ребенка, пожертвованием, сбором урожая; были молитвы за близких людей, за новый день, за урожай, за субботу.

"Молитесь так", - ответил Иисус. Он встал на колени, и они сделали то же. Для них это было ново, ибо иудеи молились стоя. А Он произнес слова обращения к Богу.

Иисус не считал эту молитву единственной для них. Это был лишь пример, в котором были необходимые элементы почтения, смирения и просьбы. Но именно эта молитва запомнилась им, хотя они впоследствии составили и свои.

"Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

Хлеб наш насущный дай нам на сей день;

И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь". (Ев. от Мтф. гл. 6.)

Однажды, когда Иисус возвращался в Капернаум, на окраине города Его встретил высокопоставленный царедворец из свиты Ирода Антипы и умолял Его зайти и помочь умирающему сыну. Этот царедворец не был почитателем Иисуса, и как член царского рода, по всей видимости, был саддукеем. Обращаясь к Иисусу с просьбой, он плакал.

Иисус посмотрел на него с жалостью и снисхождением: "Вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес".

Царедворец не стал отрицать: "Господи, приди, пока не умер мой сын".

И снова просьба чуда; если бы люди могли, то они тем бы и занимались, что ежедневно использовали Его божественную силу для поддержания и продолжения бральной жизни.

"Пойди, - сказал Иисус, сделав рукой жест, - твой сын здоров".

Проситель не знал, уходить или просить еще. Он полагал, что чудотворец должен присутствовать у одра сына, но через некоторое время, пробормотав слова благодарности, он поспешил домой. Дорога была дальней и на следующий день, подъезжая к городу, он увидел своих слуг, возвестивших, что сын здоров. Царедворец возрадовался и, успокоившись, спросил: "А в каком часу стало ему легче?"

"Вчера в седьмом часу горячка оставила его", - был ответ слуг.

Царедворец знал, что это был час, когда Иисус сказал ему, что сын здоров. И он уверовал в Иисуса, но не такой веры желал Иисус.

В октябре Иисус снова отправился в Иерусалим. На этот раз Он шествовал в сопровождении сотен последователей, растянувшихся по дороге в длинную процессию. И в самом Иерусалиме Его прихода ждали сотни сторонников. Количество уверовавших в Иисуса увеличилось настолько, что это вызывало серьезное беспокойство фарисеев и саддукеев. По их соображениям, Он создавал отдельную секту иудейской веры, которая подобно ессеям примет свои собственные законы независимо от храма. Уже давно саддукеи и фарисеи пришли к согласию в том, что если отступничество не прекратится, весь Израиль расколется на группы, ни одну из которых храм не сможет удержать. Поэтому для поддержания славы и величия храма раскольнические группы необходимо было дискредитировать.

Иисус с несколькими учениками пошел к купальне, называемой Вифезда, у Овечьих ворот к северу от крепости Антония, и там под сводами стены увидел безнадежно больных и искалеченных людей - слепых, хромых, дряхлых стариков. У всех была одна-единственная надежда. От страждущих отказались городские лекари, и они добрались в Вифезду, зная о чудодейственной воде. Сказывали, что изредка в пруд нисходил ангел Божий и волновал воду, и тот, кто первый погружался в волны, исцелялся от любых недугов.

Один из больных пролежал под портиком тридцать восемь лет, и Мессия, проходя среди страждущих, увидел его на подстилке. И он увидел Иисуса, но ничего не спросил. Мессия наклонился над ним и спросил: "Хочешь быть здоров?"

Немощный с горечью ответил: "Так, Господи, но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня".

Иисус посмотрел на человека с состраданием и сказал: "Встань, возьми постель свою и ходи".

Удивившись, больной приподнялся на руках, затем встал. Он собрал свою постель и ушел, но к нему подошли фарисеи со словами: "Сегодня суббота, и тебе не позволено нести постель". Человек ответил им: "Исцеливший меня сказал мне, чтобы я взял постель и шел". "Кто этот человек, - добивались они, - кто велел тебе нести постель свою?"

Человек смутился, ибо не знал. Он оглянулся, чтобы показать своего Спасителя, но Его уже нигде не было. Человек отправился в храм, чтобы принести свои благодарения, и там снова увидел Иисуса. "Вот ты выздоровел, сказал ему Иисус, - не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже". Исцеленный поблагодарил Иисуса, а когда снова встретил фарисеев, сказал им, что его исцелил человек по имени Иисус из Назарета.

И тогда фарисеи обвинили Иисуса в нарушении субботы, так как в этот день Он занимается исцелением больных, на что Он ответил: "Отец мой доныне делает, и Я делаю". Фарисеи поняли, что Он более опасен, чем предполагали, не только потому, что творит чудеса, недоступные пониманию человека, но и потому, что ссылаясь на "Отца Моего", Он утверждал Свое равенство с Богом.

По иронии судьбы, чем ближе был Иисус в Своих делах к спасению человечества для Царства небесного, тем больше религиозные вожди опасались Его и замыслили против Него. Чем успешнее продвигалась Его миссия, тем неотвратимее была Его гибель. В первый год служения Иисуса немногие говорили о заговоре с целью убить Его, а те, кто проявлял мудрую осторожность, припоминали, что и раньше были египетские маги и ложные мессии, и когда им давали достаточно свободы, то неизбежно их деятельность заканчивалась тем, что их избивали камнями.

В марте 29 г. Мессия отправился в дальние земли галилейского побережья и количеству народа, следовавшего за Ним, дивились даже апостолы. Многие плыли за Ним по морю на лодках, другие же вели ослов по суше. Там, где подножие коричневых гор уходило в море, Иисус восседал в окружении Своих учеников.

А ниже было множество людей, пришедших, чтобы услышать слово Человека, Который сбросит оковы с Израиля и укажет им путь к Царству небесному. Они жаждали встречи с Ним, но не решались приступить и робко ждали, переговариваясь между собой. Ученики посоветовали Иисусу отпустить людей, чтобы они пошли в окрестные деревни и купили себе хлеба, ибо им нечего есть. "Вы дайте им есть", - сказал Иисус Филиппу. Но эта задача была не под силу Филиппу, ведь даже если бы у него было достаточно денег, такое количество хлеба нигде было купить, ибо какой пекарь будет держать готовый хлеб для тысяч людей. Эта задача была под силу только Иисусу.

Андрей предположил: "Разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть?" Но Иисус спросил: "Сколько у нас хлебов? Пойдите, посмотрите". Оказалось, что было пять хлебов и две рыбы.

Иисус кивнул и взглянул на толпу. Как у читающего души людские, у Него Самого было нелегко на сердце, ибо многие из стоящих перед Ним не понимали Его. Они жаждали чести и славы, а если Он укажет тернистый путь на небеса, Его станут презирать.

"Велите им возлечь", - сказал Иисус. Апостолы разошлись и усадили всех на траве, а Мессия попросил принести Ему пять хлебов и две рыбы. Он благословил пищу и, поблагодарив Бога, велел передать ее народу. Апостолы разносили хлебы и рыбу в коробах, и люди брали себе еду. И чем больше людей отламывали себе хлеб, тем больше еды становилось в коробах, и апостолы позвали себе на помощь юношей из толпы. Потребовались новые коробы и дополнительная помощь, ведь накормить пять тысяч человек не так-то легко.

Когда все насытились, Иисус сказал Своим приближенным: "Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало". А когда собрали остатки, то ими наполнили двенадцать коробов. Люди видели все это и стали в изумлении восклицать: "Это истинно тот Пророк, Которому должно прийти в мир!" Шум нарастал, женщины кричали "осанна". Иисус встревожился, Он ведь знал, что теперь они захотят сделать Его своим царем. Во всеобщем ликовании никто не заметил, как Он удалился на гору один. До вечера Он не возвращался к толпе, готовой бурно приветствовать Его.

К вечеру народ рассеялся, и апостолы были в замешательстве, ибо Иисус еще не вернулся, а с озера подул холодный северо-западный ветер. Им предстояло отправиться на лодке через крутые волны. Никто не знал, куда пошел Иисус, а уплывать без Него они не хотели, но когда зашло солнце, они, высоко подобрав одежды, столкнули лодку в море.

До Капернаума было около пяти миль на запад, и грести приходилось против ветра. Гребни волн стали белыми и в темноте казались огромными и зловещими. Пройдя половину пути в темноте, они заметили позади какое-то свечение и сильно испугались. Некоторые настаивали на возвращении к берегу, другие начали молиться.

И тут они увидели, что к ним по морю приближался Иисус. "Это Я, не бойтесь", - сказал Он. Апостолы были ошеломлены и преисполнены радостью. Они благодарили Его за то, что Он, ступив в лодку, успокоил волны, а затем они обнаружили, что лодка уже пристала к противоположному берегу. Многие из апостолов знали навигацию и нрав этого моря из собственного опыта и понаслышке, но они никак не могли себе представить, что море можно пересечь так быстро. Их осенило, что Христос совершил в этот день еще одно чудо.

* * *

Нередко, когда Иисус был на службах в синагоге Капернаума и об этом становилось известно, многие его земляки приходили из Назарета и Каны, чтобы послушать Его слово. Некоторые испытывали зависть из-за того, что Он получил право проповедовать, а их сыновья этого права не удостоились, несмотря на прекрасное раввинское обучение. Они знали, что Иисус действительно был образованным Человеком, но откуда у Него такой дар? Конечно, Его обучили этому не в местной школе в Назарете. Помимо школы, Он мог почерпнуть знания только от матери, но какая женщина во всем Израиле имела мудрость, которую этот молодой Человек проявлял, стоя за небольшим аналоем? - Никакая.

Довольно часто они уходили раздосадованные Его речами, ибо когда Он говорил притчами, они воспринимали их буквально и никак не могли увязать смысл того, о чем Он говорил, с реальностью духовной жизни.

Многие из сторонников отошли от Него, и их было столь много, что однажды Иисус спросил у двенадцати: "И вы тоже намерены уйти?" Петр ответил за всех: "Господи, к кому нам идти?"

* * *

Записи суждений и предостережений Иисуса говорят очень мало о Его личности. Это все равно, что попытаться оценить душевные качества судьи по его юридическим взглядам. Если бы можно было из любви вылепить руки и ноги, мускулы, мозг и черты лица, то получился бы Иисус-назаретянин. Даже те, кто не верил в Него и Его миссию, видели в Нем большую любовь к человечеству.

Он отдавал все, что мог. А нежность и милость, которые Он являл незнакомцам, служители храма старались высмеять. Он предлагал людям утешение, а получил гвозди и копья. Он плакал по Иерусалиму, который так любил, и вернулся в этот город, зная, что он убьет Его. Он раскрыл Свое сердце двенадцати, а они ответили Ему слабостью, непониманием и трусостью.

Иисус видел душу Иуды, ее рубцы и грязь, но Он не стал говорить ничего обидного этому человеку, даже когда узнал, что тот запускает руку в общую казну, даже когда убедился, что Искарот не верит в Него. Он любил и жалел этого человека, и даже во время Тайной вечери апостолы не могли угадать имя предателя и вынуждены были один за другим вопрошать: "Не я ли, Господи?"

"Да любите друг друга, - говорил Иисус, - как Я любил вас". Он не только говорил им о любви, но и доказал это: Он будет коленапреклоненно омывать им ноги. В Его темных глазах светилась любовь и тогда, когда злобные горожане просили "знамения". Они не могли поверить в Него, если Он не совершит чего-то свыше их понимания - чуда. Если бы у Него было меньше любви к ним, то и Он мог бы попросить "знамения" от них, прежде чем смог бы Сам поверить в человека.

Человек отрекался от Иисуса почти всегда, когда ему был дан выбор. Он называл Иисуса мошенником, возводил на Него напраслину, плевал в лицо Своего Спасителя, избивал Его и придумывал новые жестокости для Того, Кто протянул к нему руки.

И только никто не удосужился отметить те многочисленные случаи, когда вокруг Иисуса собирались дети. Никто, даже апостолы, не придавали значения тому, что малыши вызывали добрую открытую улыбку на лице Иисуса. В эти минуты Человек, Которого никогда не видели смеющимся, смеялся; с Ним делились невинными секретами, пухлые ручонки безнаказанно теребили Его бороду. В эти минуты Его уставшая душа пела при виде любви, в полной мере возвращаемой Тому, Кто ее предложил первым.

Отметил ли кто-нибудь из летописцев выражение Его лица, когда Он переводил Свой взгляд с лица

молодой матери на крошечное голубоглазое существо, прижатое к ее груди? Для них это не имело значения, не было связано с миссией спасения человечества. Хотелось ли Ему хоть на миг взять малыша на руки, почувствовать тепло и невинность его беззубой улыбки? Конечно, хотелось. Он пришел, как человек - с человеческими радостями и печалью, с земными привязанностями и страданием.

Эта "ограниченность" мешала Иисусу, постоянно причиняла Ему боль, сковывала Его божественную натуру, словно кандалы, удерживающие Его ноги на земле, когда душа рвалась ввысь. Временами кандалы становились невыносимыми, и Он сердился на людей, которые усердно старались понять Его, но не могли.

Маленькая группа Его воинов не смогла даже удержаться от сна в эту последнюю ночь. Время от времени его подводили все, кроме матери. Только она все понимала, даже не пытаясь разобраться. Ей достаточно было того, что она знала, кем Он был на самом деле; достаточно было сознавать, что Он предан ей.

Он отдавал предпочтение скорее грешникам, чем святым. Святые уже угодили Отцу, взлелеяли плод, необходимый для спасения. А грешник, как и святой, тоже был человеком, но барахтался в волнах темных искушений, и только Иисус знал, что рано или поздно пловец устанет и пойдет ко дну. И поэтому Иисус хотел, страстно желал есть и разделить ужин с грешниками.

А прибегал Он не к упрекам, не к порицанию или перечислению их заблуждений. Любовь, милость, прощение... Никто не понимал слабости человеческой души так хорошо, как Иисус, и никто, как Он, не желал так спасти оскверненные души, когда здоровые и праведные недовольно ворчали за дверью.

Когда пришел Его смертный час, Он содрогался, переживал и покрывался кровавым потом, испытывал агонию еще до того, как маленький светлый человек пришел в сад и поцеловал Его. Многие шли на смерть более стойко, чем Он. Со времен, когда человек вышел из пещеры, гонимые ветром страницы истории наполнились лицами, глядевшими смерти прямо в глаза и умершими с улыбкой презрения к более сильным врагам.

Иисус не пришел, чтобы явить смелость. Он пришел на испытание как человек. Он пришел, чтобы претерпеть страдания и невыносимую боль, вынести унижения и смерть. Он пошел на муки от рук тех, кому Он отдал Свое сердце.

Нерешительность несовместима с понятием Бога, даже если Он принял на себя ограниченность человеческого естества. Казалось, что Иисус иногда проявлял нерешительность. Так случилось, когда "братья" в Галилее побуждали Его пойти в Иерусалим на праздник, чтобы "Его свет воссиял над миром".

Иисус сказал, что не, пойдет туда, что мир ненавидит Его, ибо Он разоблачает его, что Его час еще не настал.

Когда все ушли на праздник, Иисус остался в Галилее один. Он знал, что иерусалимские политики уже плели заговор против Его жизни, а в это время Он, в некотором роде, выступал против Своих приверженцев, ибо Ему приходилось взвешивать положительное воздействие на людей Своих проповедей в Галилее и зло, которое могут причинить злорадствующие вопросы иерусалимских фарисеев к апостолам об отсутствии Мессии в храме в такой святой день. Он должен быть в храме, несмотря на огромный риск!

Перед Иисусом встала дилемма. Он пришел, чтобы спасти человека, а человек замыслил убить Его, Он указывал путь к вечной жизни, а человек вел Иисуса к смерти. Что было бы, если бы Он появился в храме, а фарисеи бы подогрели толпу и, доведя ее до бешенства, осуществили свой план? Еще предстояло очень многое сделать, очень многое сказать, дать много уроков; еще многое надо было вдолбить в темные головы Своих учеников, которые понесут Новый Завет в своих сердцах и речах.

Внезапно Он решил пойти в Иерусалим. Он отправился туда один, избегая по дороге людей, и прибыл в город незамеченным. А на мраморных плитах храма фарисеи громко вопили: "Где же Он? Почему Его нет в доме так называемого Отца?" Народ слушал, и в толпе слышались споры: "Он хороший Человек" или "Нет! Он вводит народ в заблуждение".

Праздник уже подходил к концу, когда на ступени храма для проповеди встал Иисус. В руках Он держал свитки, а книжники, заметив это, начали язвить: "Как может этот Человек читать, ведь Он не учился в школе?" Это свидетельствует о том, что власти храма уже интересовались прошлым Иисуса и посылали осведомителей в Галилею, чтобы узнать о Нем все.

Иисус выглядел старше Своих лет. Его открытое служение хотя и было еще недолгим, но уже обозначилось морщинами усталости и заботы вокруг глаз и рта. Он похудел, но Его голос был так же силен, как

и прежде, и руки так же энергично жестикулировали.

Но бремя быть Человеком, испытывать гонения человека, начали подтачивать ствол мощного дуба.

"Мое учение - не Мое, но Пославшего Меня, - сказал Он, обратившись к священникам, - кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе, а кто ищет славы Пославшему Его, тот истинен, и нет неправды в Нем".

Со всех сторон на Него глядели безразличные лица, словно ровно сложенные яйца в коробке. Человеческое в Иисусе молило о понимании. "Не дал ли вам Моисей Закон? - в отчаянии воскликнул Он. - И никто из вас не поступает по Закону. За что ищете убить Меня?"

В толпе заухмылялись и начали кричать в ответ: "Не бес ли в Тебе? Кто ищет убить Тебя?" Он знал, что заговор начали плести, еще когда Он исцелил больного в субботу. Простые люди, стоящие перед Ним, об этом не ведали. Лишь кучка левитов, стоящих сзади, знала о том, что храм начал сплочение сил против богохульника.

"Одно дело сделал Я, - продолжал Иисус, загибая палец, - и все вы дивитесь. Моисей дал вам обрезание, хотя оно не от Моисея, но от отцов; и в субботу вы обрезаете человека. Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисея: на Меня ли негодуете за то, что Я всего человека исцелил с субботу? Не судите по наружности, а судите судом праведным".

В последний день праздника власти храма направили стражников арестовать Иисуса. В этом и заключался для Него риск, возможность которого Галилеянин взвешивал перед уходом в Иерусалим. Но Он еще не был готов к аресту. И когда стражники пробирались сквозь толпу, их уши уловили Его речи о живой воде, о вере в Иисуса и Его Отца, и они остановились и стали слушать.

Когда Иисус закончил проповедь, многие говорили: "Он точно пророк! Это Христос!" Многие не соглашались, ссылаясь на Писание, по которому Мессия будет не из Галилеи, а этот человек пришел из Галилеи, из Назарета. Мессия должен быть из рода Давидова и поселения Давидова - Вифлеема.

Стражники вернулись к священникам, и те спросили: "Почему вы не привели Его?"

"Никогда человек не говорил так, как этот Человек".

"Неужели и вы прельстились? Уверовал ли в Него кто из начальников или из фарисеев?" - забеспокоились священники. А один из них, чье имя осталось неизвестным, произнес фразу, которая долго еще будет звучать в коридорах времени: "Но этот народ невежда в законе, проклят он".

Там был и Никодим, приходивший однажды ночью к Иисусу. Совесть отверзла его уста: "Судит ли наш закон человека, если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?" Фарисеи с удивлением посмотрели на этого члена Синаедриона: "И ты не из Галилеи ли? Рассмотрни Писание и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк".

Наутро Иисус снова явился в храм. Празднование кущей уже закончилось и в городе остались только его жители. К Иисусу шли толпами, чтобы увидеть этого Человека, о Котором шла молва, и сказать впоследствии: "А я Его видел. Я слышал Его". Народ столпился у ступеней, ведущих с Паперти язычников в женский двор, а Он возвышался над всеми на несколько ступеней.

Он проповедовал, что отношения между Богом и человеком намного проще тех уловок, правил и формальностей, которыми они обросли. Он возражал против любых показных проявлений набожности, бахвальства, осуждал формализм в поклонении Богу, выступал против сооружения гробниц умершим. Иисус поддерживал благие дела, братство и бескорыстную любовь. Крещение для него означало отказ от старого и принятие нового с отречением от всех прежних прегрешений. Дорога в рай, по Его учению, открыта не для тех, кто ведет счет своим добродетелям, а для тех, кто считает себя беднейшим и нижайшим.

В это время появилась группа фарисеев и книжников, толкавших впереди себя перепуганную женщину. Это была жена, которую они поймали в прелюбодеянии. А теперь они, зная Его любовь и сострадание к людям, пытались заманить Иисуса в ловушку. Закон о прелюбодеянии был известен всем, ибо исходил от Моисея, чьи слова нельзя оспаривать: наказанием было избивание камнями.

"Учитель! - нарочито громко обратился к Нему главный, желая опорочить Иисуса перед народом. - Эта женщина взята в прелюбодеянии". Женщину держали за запястья, а она силилась припасть к земле. Темные волосы покрывали ее лицо, и один из фарисеев откинул прядь волос, чтобы все увидели его. "А Моисей в законе завещал нам побивать таких камнями. Что Ты скажешь?" ликовали фарисеи.

Иисус сошел со ступеней и остановился в раздумьи, а затем наклонившись, указательным пальцем стал рисовать на песке небольшие круги. Если Он поддержит закон, женщина погибнет, и получится, что не закон, а Он приговорил ее к смерти. Это шло вразрез с Его проповедью любви и всепрощения. А если Он велит освободить ее, то этим нарушит почитаемое суждение великого Моисея, выведшего евреев из рабства и заключившего договор с Богом.

Наконец, Он приподнял голову и сказал: "Кто из вас без греха, первый брось в нее камень". А сам продолжал чертить на земле. Фарисеи и книжники вникали в смысл сказанного, растерянно переглядываясь, а затем по одному незаметно растворились в толпе.

Люди молча ждали, что будет дальше. Они переминались с ноги на ногу, а Иисус все еще продолжал рисовать пальцем непонятные знаки. Наконец, у ступеней осталась только содрогающаяся от рыданий женщина. И тогда Иисус, подняв голову, первый раз взглянул на нее и спросил: "Где твои обвинители? Никто не осудил тебя?"

"Никто, Господи", - ответила женщина.

Иисус поднялся и сказал: "И Я не осуждаю тебя. Иди и впредь не греши".

* * *

Вечером Иисус и апостолы собрались на вершине горы Елеонской. Заходящее солнце золотило верхушки кипарисов, бросавших синеватые тени на городские стены. Иисус смотрел на любимый город и знал, что любви города Он никогда не дождет. Он стремился всей душой к Иерусалиму, который окажется Его убийцей.

Когда ученики увидели Его погруженным в раздумья, они не стали беспокоить Его. Они помогали многочисленным последователям с устройством ночлега и питания. Иуда в это время подводил счета, считал деньги, пожертвованные сочувствующими людьми, выделял деньги на питание последователей Иисуса, жалуясь другим апостолам на непомерные расходы. Иногда он сам садился на осла и ехал на рынок, где до хрипоты торговался, покупая овощи, хлеб и кости.

У городских ворот всегда было много нищих. В стенах Иерусалима было восемь ворот, и у каждой сидели слепые, хромые, больные - каждый имел свое место. Протягивая свои высохшие руки паломникам, они жалобно выпрашивали серебряный грош. Грязные и паршивые, они просили милостыню именем Ягве.

Однажды, проходя через ворота, апостолы увидели слепого человека, который вдоль стены наощупь пробирался к храму. Он был слепорожденным, ибо у него не было глаз и веки казались сросшимися. Апостолы обратились к Иисусу: "Равви! Кто согрешил, он или родители его, что он родился слепым?"

Иисус оглянулся на слепого и ответил: "Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божий". Иисус остановился. Остановился и слепой, прислонившись к стене в нескольких шагах от них. Иисус обратился к ученикам: "Мне должно делать дела Пославшего Меня доколе есть день. Приходит ночь, когда никто не может делать. Доколе Я в мире, Я свет миру". Сказав это Он сплюнул на землю и размешал пальцем плевков в дорожной пыли. Его обступил народ и наблюдал за происходящим. Иисус взял комочек грязи и, подойдя к слепцу, помазал грязью его пустые глазницы, а затем сказал: "Пойди, умойся в купальне Силоам". Несчастный поспешно двинулся туда, что-то бормоча и нащупывая путь по прохладным камням стены, а Христос направился на Паперть язычников проповедовать.

Прошло около часа; когда солнце уже пригревало, прибежал "слепой", истерически ощупывая свое лицо и вопя, что он стал зрячим. А за ним шла толпа тех, кто видел, как он омыл глаза и прозрел, причем толпа была не менее возбуждена чудом, чем сам осчастливленный. На шум пришли некоторые священники и левиты, а те, кто слушал проповедь Иисуса, посмотрели на человека, из глаз которого катились счастливые слезы, и удивились: "Не тот ли это, который сидел и просил милостыню?" А иные сомневались: "Похож на него". Сам же исцеленный возбужденно кричал: "Это я! Это я!" Левиты спросили его: "Как открылись у тебя глаза?" Он ответил на это: "Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои и сказал мне: "Пойди на купальню Силоам и умойся". Я пошел, умылся и прозрел".

Новость быстро облетела город и привлекла много горожан, а священники привели бывшего слепого в храм и спросили, где Иисус. Он огляделся и сказал, что не знает. Тогда его привели к фарисеям, а те, как только услышали всю историю, сразу напомнили собравшимся, что была суббота: "Не от Бога этот человек, потому что не хранит субботы". Вступили в спор и другие, заявляя: "Как может человек грешный творить такие чудеса?"

Несогласие и спор фарисеев между собой свидетельствуют о том, что у Иисуса были сторонники даже среди влиятельных людей храма. Один из них обратился к нищему: "Что ты скажешь о Нем, потому что Он отверз твои очи?" Прозревший ответил кратко: "Он пророк!"

Этот случай встревожил священников и членов Синедриона, и они решили убедить горожан, что прозревший - вовсе не тот нищий, которого они знают. Они срочно собрались в храме и велели привести родителей нищего.

"Это ли ваш сын?" - спросили они, указав на прозревшего.

"Да".

"И он родился слепым?"

"Да".

"Как же теперь он видит?"

Старики испугались. Они знали, что власти храма были против Чудотворца и угрожали отстранить от храма любого, кто свяжется с Ним. Отец прозревшего пробормотал: "Мы знаем, что это наш сын, и что он родился слепым. А как теперь видит, мы не знаем, или кто отверз ему очи, мы не знаем. Сам в совершенных летах, самого спросите; пусть сам о себе расскажет".

Священники сказали прозревшему: "Воздай славу Богу; мы знаем, что человек Тот Грешник". Но нищий не испугался: "Грешник ли Он, не знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу".

"Что сделал Он с тобою? Как отверз твои очи?"

"Я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать? или и вы хотите сделаться Его учениками?"

Эти слова вызвали суматоху. Ударяя себя в грудь, священники шельмовали исцеленного: "Ты ученик Его, а мы Моисеевы ученики. Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; сего же не знаем, откуда Он".

Прозревший невозмутимо сказал им в ответ: "Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он, а Он отверз мне очи. Но мы знаем, что грешников Бог не слушает, но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает; От века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному; если бы он не был от Бога, не мог бы творить ничего".

"Во грехах ты весь родился, - разъярились священники, - и ты ли нас учишь?" Они приказали стражникам выгнать его из храма.

Об этом стало известно Иисусу, и он разыскал нищего.

"Ты веруешь ли в Сына Божия?" - спросил Он.

"А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?"

"И видел ты Его, и Он говорит с тобою", - ответил Иисус. (Ев. от Иоан. гл. 9).

* * *

В недели и месяцы, следовавшие за праздником кушей 28 г. все разговоры в Иерусалиме были об Иисусе. И в верхах, и в народе обсуждали исцеление немощного старца и слепого нищего.

С каждым днем среди иудеев множилось число последователей Иисуса, а число заговорщиков оставалось невелико, не более сотни человек. И хотя эта небольшая группа была влиятельной, никто из них не отваживался выступать против мнения народа, ибо беспорядки вызвали бы вмешательство римлян, а это, в свою очередь, привело бы к ослаблению власти священников в храме. Итак, ничего не предпринималось.

* * *

Настало время проповедовать новое многими устами во многих городах. Вернувшись из Иерусалима в Галилею, Христос ничего не сказал о миссионерах, а сразу пошел для проповеди в синагогу. Синагоги по всей Палестине были построены по одному образцу и представляли собой большое прямоугольное помещение. Вход в синагогу всегда располагался по направлению к Иерусалиму, а прихожане сидели лицом к двери. В задней части синагоги была галерея для женщин, а в передней - каменный бассейн для омовения рук.

Там, где приходы были богатыми, стены синагог украшались росписью и мозаикой, изображающей цветы и деревья. Изображение одушевленных существ не допускалось. К основному помещению примыкали маленькие комнаты, в которых обучали детей. В главном помещении стоял священный ларец со свитком Писания, перед которым все время горел светильник.

Прихожане рассаживались на круглых стульях, а в первых рядах восседали почетные горожане. Во время служения отрывки из Торы читались на иврите, а затем повторялись на арамейском языке, ибо не все

понимали первый.

Прибыв в Капернаум, Иисус должен был проповедовать в синагоге утром и после обеда. Была суббота. На утреннюю службу за Иисусом следовала целая толпа народа, среди которой были фарисеи из Иерусалима. Их внимание привлек человек с усохшей рукой, с мольбой смотрящей на Иисуса. Христос остановился.

Опять исцелять в субботу? Да, он должен. Иисус посмотрел на людей и сказал: "Кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит?" Все молчали. "Сколько же лучше человек овцы! Итак, можно в субботы делать добро". (Ев. от Мтф. гл. 12). Затем Иисус сделал знак над усохшей рукой, и она стала здоровой.

Фарисеи же стали уличать Иисуса во зле и подговаривать приход убить Его.

Иисус в это время ушел на Галилейское побережье. Теперь кроме постоянных спутников к шествию присоединилось много галилеян, узнавших, что Он начал творить чудеса у Себя на родине. Они привели с собой всех хромых, слепых и больных, которых только можно было найти в округе.

Они обступили Его настолько плотно, что Иисус стоял у самых волн и вынужден был попросить апостолов приготовить лодку. Многих Он исцелил, но еще больше просили Его просто прикоснуться к ним. Грешники падали на колени, вопя: "Ты Сын Божий!" Христос просил людей не обсуждать чудеса, которые Он сотворил в этот день. Его сердце переполняла любовь, и вскоре в одной-единственной проповеди Он изложит многие принципы того, что впоследствии будет называться верой Христовой.

Иисус взшел с учениками на гору и там передал им силу исцелять больных, хромых, искалеченных, слепых, силу изгонять дьявола. При этом Он говорил об огромной ответственности обладавших этой силой. И там, на горе, Он дал наставления этим людям, которые понесут Его слово во все концы мира.

Он говорил медленно и страстно, чтобы они не только поняли, но и запомнили Его слова: "Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят".

Иисус останавливался, размышляя, и снова продолжал: "Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах; так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Вы - соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не пригодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям.

Вы - свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного. (Ев. от Мтф. гл. 5)

Перистые облака застыли в небе. День начал погружаться в сумерки. Привязанная лодка тихо покачивалась на волнах, и огромная толпа народа, затаив дыхание, слушала Его наставления апостолам, расположившимся на камнях вокруг Христа.

"Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное".

Для апостолов это учение было важным. Но по мере того, как Иисус все более раскрывал перед ними основы новой веры, они начали опасаться за свою старую веру, веру Израиля. Каждый из них родился иудеем, как и Иисус, и вера отцов важна для каждого праведного человека в любом возрасте. Сейчас Он говорил им, что тоже придерживается веры Авраама и Моисея, а разница между новым и старым кроется лишь в соблюдении завета. Он предлагал, не меняя закон, соблюдать лишь дух его, в то время как фарисеи и саддукеи соблюдали только его букву. Он предлагал обновить старый закон учениями об Отце, Сыне и Святом Духе.

"Вы слышали, что сказано древним, - снова начал Иисус, - "не убивай; кто же убьет, подлежит суду". А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему:

"раки", подлежит Синедриону; а кто скажет "безумный", подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдй, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой".

Это было сложно даже для апостолов. Он редко критиковал практику поклонения Богу в Иудее. Многие молящиеся поклонялись Яхве, затаив злобу в своих сердцах на ближних. Иисус же говорил о том, что любое пожертвование тщетно в глазах Бога, если молящийся прежде не очистит душу и не примирится с окружающими.

"Мирись с соперником твоим, - продолжал далее Иисус, - скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

Вы слышали, что сказано древним: "не прелюбодействуй". А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Еще слышали вы, что сказано древним: "не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы свои". А Я говорю вам: не клянись вовсе; ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он - город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет"; а что сверх этого, то от лукавого.

Вы слышали, что сказано: "око за око, и зуб за зуб". А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся" (Ев. от Мтф. гл. 5).

Иисус излагал суть Нового Завета, и его постулаты наносили разрушительные удары по сложившимся сводам предписаний, которые не порицали месть и истребление врагов. По существу он переделывал износившееся оружие.

"Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаться и молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам; что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

Также, когда поститесь, не будьте унылы, как ли-, цемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше.

Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. (Богатству).

Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут; не трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малOVERЫ!" Иисус сокрушенно покачал головой.

"Итак, не заботьтесь и не говорите: "что нам есть?" или "что пить?" или "во что одеться?" Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы (Ев. от Мтф. гл. 6).

Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучек в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: "дай, я выну сучек из глаза твоего"; а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучек из глаза брата твоего.

Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки.

Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их.

Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!" войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: "Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?" И тогда объявлю им: "Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие".

Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое" (Ев. от Мтф. гл. 7).

Иисус приподнялся. Он, должно быть, устал, но был возбужден, закончив Свою Нагорную проповедь. А на склонах горы люди дивились услышанному и возглашали Ему осанну. Все, кто слушал Его, почувствовали новую силу, который он низвергал и изменял закон. Земля наполнилась молвой о чудесах и речах Иисуса, и даже там, где Он не был, иудеи плакали от радости и надеялись, что это, наконец, настоящий Мессия.

* * *

Иисус творил чудеса в Галилее - исцелил прокаженного, разбитого параличом римского центуриона и многих других несчастных. И в это время Он неустанно учил апостолов, что было самым важным делом перед заключительным этапом Его служения в Иерусалиме.

"Жатвы много, - говорил Иисус ученикам, - а делателей мало". Он стремился сначала спасти Израиль, а затем распространить Свою веру по всему миру, но Ему не хватало миссионеров даже для Своего народа. "Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою".

Он разослал апостолов с проповедями в ближние земли ради испытания, но перед этим дал им многие наставления:

"На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; ходя же проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное".

"Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками.

Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец - сына; и восстанут дети на родителей и умертвят их.

И будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой...

Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? (Мелкая монета).

И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц.

Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня; кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей" (Ев. от Мтф. гл. 10).

С этими напутствиями апостолы разошлись по двое по городам и весям, а Иисус странствовал по Галилее, проповедуя, исцеляя, воскрешая мертвых. Как всегда, Он говорил притчами, и евреи понимали эту утонченную форму проповеди, ибо сами нередко пользовались этим приемом.

Первая миссия двенадцати апостолов удалась, и Иисус приобрел еще семьдесят учеников и послал в те края, куда собирался прийти Сам.

В самом конце 29 года Иисус вошел в Иерусалим на праздник Очищения. Совсем недавно Ему исполнилось тридцать три года. Все, что должно было Ему совершить, нужно было сделать в оставшиеся четыре месяца.

День был холодным, сильные порывы ветра с Горы Елеонской устремлялись по долине Кедрона и разбивались о городские стены, словно прибой. Иисус в задумчивости ходил у Порога Соломона, а апостолы наблюдали за Ним в стороне, всегда готовые прийти по Его знаку. Они также не спускали глаз с фарисеев и книжников, которые вертелись возле Иисуса со своими вопросами.

"Долго ли Тебе держать нас в недоумении, - донимали они. - Если Ты Христос, скажи нам прямо".

Иисус терпеливо отвечал: "Я сказал вам: и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют обо Мне. Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам. Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек, и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех, и никто не сможет похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец - одно".

Последняя часть Его ответа касалась Его приверженцев и не отвечала на вопрос фарисеев, которые добивались, чтобы Он объявил Себя Мессией. Это было бы богохульство, и они уповали на Его признание, ибо это открыло бы прямой путь к суду над Ним и избиению камнями. Однако Иисус хорошо понимал, что священники храма были более озабочены не тем, чтобы предать Его гибели, а потерей все возрастающего числа иудеев в храме. Это Он и имел в виду, сказав: что бы с Ним не случилось, храм не сможет вернуть обратно

потерянных овец, пришедших к Нему. "Я и Отец - одно" - было уже слишком для книжников и фарисеев, и они разбежались по двору в поисках камней.

Когда они вернулись, Он не сбежал. Они окружили Его с камнями в руках, а Иисус сказал: "Много дел добрых показал Я вам от Отца Моего, за которое из них хотите побить Меня камнями?" Они кричали в ответ: "Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, считаешь Себя Богом".

Иисус протянул руки и сказал: "Не написано ли в законе вашем: "Я сказал: вы боги". Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушаться Писание, - Тому ли, которого Отец освятил и послал в мир, вы говорите: "богохульничаешь", потому, что Я сказал: "Я Сын Божий?" Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне, а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем" (Ев. от Иоан. гл. 10).

Фарисеи размышляли над Его словами, но многие из них утверждали, что Он снова сказал ересь. Пока они спорили, а затем пришли к выводу, что следует схватить Иисуса, Он, никем не замеченный, ушел.

Иисус покинул Иерусалим вскоре после праздника Очищения, в дождливый осенний вечер; и когда Он с апостолами оглянулся на Священный город в ночи, то увидел сияющий огнями храм. Гонимая ветром, растворившаяся во мраке небольшая группа людей направлялась в Перею.

И снова Священный город отверг Иисуса, и в очередной раз Иисус отвернулся от храма и покинул его. В первую ночь они заночевали в Вифании в доме хорошего друга Иисуса Лазаря и его сестер - Марфы и Марии. Он часто останавливался здесь, когда в маслобойне было холодно и сыро. А стены Иерусалима были в двух часах ходьбы отсюда. Иисус искренне верил Лазарю и его сестрам и нередко, когда не был уверен в добром расположении Иерусалима, оставлял мать в этом доме.

А утром, продолжая свой путь, они шли через пустыню длиною в пятнадцать поприщ, среди рыжих гор между Иерусалимом и Иерихоном. На этой дороге рыскали разбойники. Путники опасались их не только ночью, но и днем, и немногие отваживались пересекать пустыню, не пристав к большому каравану.

На третий день пути Иисус с апостолами спустился с пустынных гор в зеленые долины Иерихона. А отсюда их путь лежал на запад, через реку Иордан, к зловещим горам Моаб. Там они сделали привал и укрылись на ночь. Иисус поведал ученикам о приближающейся смерти и сказал, что ждет от каждого из них до и после Своей гибели. В течение нескольких недель Он проповедовал среди населения Бефабары у горы Небо. На некоторое время Иисус отлучался в Ефраим, что в Самарии, и выслушивал сообщения семидесяти двух учеников, которых рассылал ранее по стране. Но как Человек, Он часто печалился, зная, что весной Его ждет гибель.

* * *

В начале марта пришла весть от Марфы и Марии из Вифании, что тяжело заболел Лазарь. Услышав это, Иисус сказал: "Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий". Он продолжал Свои проповеди в небольшом городке, но через два дня, находясь среди апостолов, Иисус умолк, побледнел и промолвил: "Пойдем опять в Иудею".

Апостолы встревожились: "Равви! Давно ли иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?"

Христос ответил твердо: "Не двенадцать ли часов во дне? Кто ходит днем, то не спотыкается, потому что видит свет мира сего, а кто ходит ночью, спотыкается, потому что нет света с ним".

Апостолы ждали. Они не поняли Его решения, но повиновались. "Лазарь, друг наш уснул, - с грустью сказал Иисус, - но Я иду разбудить его".

"Господи, - обратились они. - Если уснул, то выздоровеет".

Тогда Иисус сказал им прямо: "Лазарь умер, и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали, но пойдем к нему".

Апостолы знали, что появляться им вблизи Иерусалима было смертельно опасно и боялись идти туда.

Только Фома Близнец призывал всех: "Пойдем и мы умрем с Ним".

Трудный путь в Вифанию занял несколько дней, и когда они прибыли туда, Лазарь уже четыре дня лежал в гробнице. А в доме было полно людей, пришедших из Иерусалима, чтобы выразить свое соболезнование. Кто-то сказал о прибытии апостолов, и Марфа поспешила им навстречу, а Мария осталась дома. Когда Марфа увидела Иисуса, возглавлявшего шествие, она разрыдалась: "Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат

мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог".

Иисус посмотрел на ее заплаканное лицо и произнес: "Воскреснет брат твой". "Знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день", - печально обронила Марфа.

Иисус приложил руку к Своей груди и сказал: "Я есмь воскресение и жизнь: верующий в Меня, если и умрет, то оживет. И всякий живущий и верующий в Меня не умрет вовек. Верешь ли сему?"

"Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир", отвечала она.

Марфа поспешила в дом и, отозвав Марию в сторону, сообщила, что Иисус пришел и хочет видеть ее. Мария извинилась перед собравшимися и вышла из дома. Фарисеи, коих было немало среди присутствующих, решили, что она направляется к гробнице, и последовали за ней. Они видели, как, подбежав к Иисусу, она пала перед Ним на колени и запричитала: "Господи! Если бы ты Ты был здесь, не умер бы брат мой".

Иудеи, наблюдавшие эту сцену, не могли сдерживать слез. Они знали Лазаря как порядочного человека и хорошего друга, и видеть рыдающую юную женщину в дорожной пыли было невыносимо. Христос огляделся и был до глубины души тронут проявлением горя плачущих людей. "Где вы положили его?" - спросил Он.

"Господи! Пойди и посмотри", - сказали Ему и указали путь. Люди пошли вверх по крутой улочке, и все увидели, что Иисус, прикрыв глаза рукой, прослезился. Он шел за проводниками, и слезы текли по Его лицу.

"Смотри, как Он любит его, - говорили люди. - Не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?"

Вход в подземную гробницу был заложен камнем. "Отворите камень", сказал Иисус. Марфа испуганно сказала: "Господи! Уже смердит, ибо четыре дня, как он во гробе".

Иисус спокойно ответил ей: "Не сказал ли Я тебе, что если будешь веровать, увидишь славу Божию".

Плоский камень приподняли и отставили в сторону. Все заглянули в темную пещеру, где со стен капала вода. Иисус сложил руки и, подняв глаза к небу, произнес: "Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня, но сказал сие для народа здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня".

Сказав это, Он воззвал громким голосом: "Лазарь, иди вон". Люди с изумлением посмотрели на Христа, затем - на вход в пещеру. В тишине прошло несколько мгновений, и лишь громко бились сердца. Все ждали. И вдруг из пещеры появился обвитый погребальными пеленами умерший, с трудом передвигая связанные ноги.

Это был Лазарь. Все были поражены, а Иисус сказал: "Развяжите его, пусть идет".

Многие из иудеев, кто был там, уверовали в Иисуса, признали Его Мессией. Некоторые фарисеи поспешили в Иерусалим, чтобы доложить об этом чуде священникам храма. Новость облетела весь город. Каиафа срочно созвал специальное совещание Синедриона. (Ев. от Иоан. гл. 11.)

Они собрались с чувством беспокойства - в их негласной борьбе с Иисусом они явно проигрывали. На Его сторону от храма уже отошло несколько тысяч верующих, и даже среди фарисеев ширилось отступничество. Дело обстояло серьезно, и решения более нельзя было откладывать.

Члены совета переполошились: "Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут римляне и овладеют местом нашим и народом". Эти слова отражали реальное положение дел. "Сейчас Он воскрешает мертвых на окраине Иерусалима, а завтра может войти в город и воскресить пророков". Один из членов Синедриона предостерег, что если Иисуса не арестовать, весь мир уверует в Него, ведь как можно заставить людей не верить Тому, Кто творит невозможное. Если же это произойдет, римляне приберут храм к своим рукам, отменят должности и доходы священников.

Выслушав все доводы, Каиафа сказал: "Лучше нам, чтобы этот Человек умер, нежели чтобы весь народ погиб".

Это был преступней умысел. Каиафа хотел убить Иисуса, чтобы сохранить положение. Он не ведал, что был частью замысла Бога о мире. Иисусу предстояло умереть за грехи человеческие, и кто-то должен был приговорить Его к смерти.

Именно в этот день Синедрион постановил предать Иисуса смерти, и первосвященнику оставалось лишь определить наилучший способ для этого. Воля Синедриона должна быть исполнена как можно быстрее и таким образом, чтобы не был нарушен закон. А самое главное, что при этом требовалось избежать волнений среди последователей Галилеянина. Все это вынудило Каиафу быть крайне осторожным, так как он не мог арестовать Иисуса среди бела дня.

Иисус покинул Вифанию в тот же день и вернулся в Ефраим. Вместе с апостолами Он пробыл там две

недели, а в конце марта они могли бы влиться в поток паломников и направиться в Иерусалим на празднование Пасхи. Но они не сделали этого и пошли на юго-восток в город Иерихон. Для этого были причины, как и для всего, что делал Иисус. Ефраим был на полпути между Галилеей и Иерусалимом, и Иисус не хотел присоединяться к караванам из Назарета или Капернаума, чтобы явиться в Священный город как бы с поддержкой земляков.

В Иерусалиме всем священникам храма и стражникам было велено немедленно сообщить Каиафе о местонахождении Иисуса, если об этом станет известно.

В начале нисана (последние дни марта) Иисус повел Свою небольшую группу из Иерихона в Иерусалим. Апостолы испытывали страх и медленно следовали за Учителем, используя любую задержку. Иисус остановился и обратился к ним со словами: "Вот мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет".

Они снова двинулись в путь уже с искрой надежды. Апостолы могли вынести надвигающуюся трагедию, если Христос воскреснет и снова будет с ними через три дня. Они старались забыть о страшном и сосредоточиться лишь на хорошей стороне сложившейся ситуации.

Каждый занимал свое место в шествии, но этот порядок нарушили братья Иоанн и Иаков, которые подошли поближе к Иисусу. "Учитель, - обратились они к Нему, - мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим".

"Что хотите, чтобы Я сделал вам?" - спросил Иисус. "Дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей", ответили братья. Они хотели быть рядом со Спасителем и, зная Его близкую гибель, возжелали приобщиться к Его подвигу.

"Не знаете, чего просите, - ответил Иисус. - Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?"

"Можем", - был их ответ.

"Чашу, которую Я пью, будете пить, - вздохнул Христос, - и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня зависит, а кому уготовано".

Услышав просьбы братьев, апостолы возмутились и затеяли ссору. Иисус снова подозвал всех и сказал: "Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет вам рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою во искупление многих".

Через день они были вблизи Иерусалима, до горы Елеонской было рукой подать. Иисус был готов к Своему искупительному подвигу. Это было в тридцатом году по Григорианскому календарю, 784 г. - по римскому и в 3790 г. - по еврейскому календарю. Было тридцать первое марта.

В Вифании Иисуса ждал радушный прием. Он был героем, более чем героем ведь Он мог спасти всех. Лазарь приветствовал Его со слезами радости, Симон прокаженный, которого исцелил Иисус, вышел навстречу с благоговением, а Мария и Марфа с любовью. Народ провозглашал Ему оссану, а гости из Иерусалима низко поклонились.

В этот день Симон дал ужин для всех желающих. Лазарь возлежал около Иисуса, а Марфа хлопотала по хозяйству. Царила атмосфера радости, и Иисус отвлекся от Своих забот. А на, улице стояли люди, чтобы хоть краем глаза увидеть Того, Кого высоко почитали; соседи уже в который раз хотели взглянуть на Лазаря и поговорить с тем, кого они видели мертвым.

В разгар ужина Мария вышла и через некоторое время вернулась с сосудом дорогого народного масла из Индии. В знак любви к Иисусу она полила масла Ему на голову, а затем помазала Ему ноги и вытерла их своими волосами. Дом наполнился благоуханием от мира.

Гости в недоумении смотрели на Марию. Иисус не проронил ни слова. Он оглядывал присутствующих, которые знали, что фунт этого мира был дороже всего ужина. Но никто не упрекнул Марию, только Иуда Искарот привстал и сказал нарочито громко, чтобы все слышали: "К чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим".

"Оставьте ее, - сказал Иисус, - она сберегла это на день погребения Моего. Ибо нищих всегда имеете с

собою, а Меня не всегда".

Помазание было совершено, и Иисус, зная, что через неделю Его не будет в живых, не стал препятствовать Марии. Он, как человек, казалось, нуждался в проявлении любви и дружеской поддержке.

К воскресенью новость о прибытии Христа облетела весь Священный город. Свободные от субботних запретов люди прямо из храма устремились в Вифанию. Они шли группами, потоком стекая по крутым тропинкам, а священники, наблюдавшие за ними с высоты Соломонова порога, твердо решили предать Иисуса смерти. Они понимали, что воскрешение Лазаря вызвало у иерусалимлян прилив почитания Христа. Даже те, кто недавно доказывал, что Иисус не был избранником Божиим, сейчас признавал Его Мессией и шел в процессии, чтобы приветствовать Его.

Было прозрачное свежее утро. Весеннее солнце уже пробудило к жизни зелень, а небо над мраморной белизной храма было голубым. Чудесный день преисполнял человека добротой и радостью. По дороге в Вифанию шли целые семейства, паломники из Галилеи; они бросали пальмовые ветви под ноги Помазаннику и ликовали.

А Иисус, поблагодарив принимавших Его хозяев в Вифании, вместе с апостолами и последователями тронулся в путь. На перекрестке дорог Он остановился и, указав на маленькую деревушку на склоне Горы Елеонской, сказал двум из учеников: "Пойдите в селение, которое прямо перед вами; входя в него, тотчас найдите привязанного молодого осла, на которого никто из людей не садился; отвязав его, приведите. И если кто станет говорить вам: "Что вы делаете?", отвечайте, что "он надобен Господу".

Двое ушли в деревню и сразу нашли молодого осла, привязанного у ворот. Оглядевшись и не увидев никого, они отвязали повод. В это время к ним подошли жители деревни и сердито спросили: "Что делаете? Зачем отвязываете осла?" Ученики в испуге ответили, как велел им Иисус, и хозяева отпустили их с ослом, низко поклонившись.

Когда ученики привели этого низкорослого осла с маленькими копытами, на него постлали одежды, и Иисус сел на него боком.

Кто-то хотел вести осла за поводья, но с обеих сторон толпа стояла так плотно, что править им не было необходимости. Народу было столь много, что многим приходилось взбираться выше по склону горы, чтобы хоть взглянуть на Иисуса. Те, кто стоял у самой дороги, и бедные, и богатые, бросали на дорогу свои одежды, пальмовые ветви и первые весенние цветы, устилая ими путь Спасителя.

Когда же, обогнув восточный склон горы, Христос подъехал к западному, у всех, кто шествовал с Ним, захватило дух от вида людского моря, которое простиралось на всем протяжении до самых ворот храма.

Осел шел медленно, а из толпы слышались крики: "Осанна сыну Давидову!" Вся дорога до храма была зеленой от пальмовых ветвей.

Некоторые из фарисеев, стараясь перекричать гул толпы, обращались к Иисусу: "Учитель, запрети ученикам Твоим!" Но Иисус, тронутый таким проявлением чувств, в ответ покачал головой: "Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют" (Ев. от Лук. гл. 19).

Процессия двигалась вниз по склону Горы Елеонской мимо Гефсиманского сада, через ручей Кедрон, затем мимо белеющего надгробными камнями кладбища к воротам между храмом и крепостью Антония.

Римские часовые видели происходящее и позвали своих начальников посмотреть на пребывающих в ликовании евреев. Возгласы "осанна" звучали до неба, отцы поднимали детей над толпой, чтобы они могли увидеть лик Господа. Через эти же ворота пыталась пройти группа священников - саддукеев, но была отеснена толпой и вынуждена пойти в обход через другие ворота. Их охватил ужас от того, как Иисус преобразил жителей Иерусалима, и они доложили Каиафе, что Иисуса признали Мессией не только простые люди, но и часть фарисеев и старейшин преклоняли колени перед шарлатаном. Если сидеть сложа руки, храм потеряет свою власть.

У ворот храма Иисус остановил осла. Натиск толпы усилился с трех сторон, так как с Паперти язычников сбежали паломники. Глядя на город, Иисус заплакал. Он склонил голову и обратился к городу: "О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами, и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего" (Ев. от Луки гл. 19).

Эти слова слышали лишь несколько Его учеников, прижатые толпой к Спасителю. Иисус ступил на землю и вошел в храм. Он сразу же увидел, что менялы и торговцы животными по-прежнему занимаются своим делом.

С высоты Соломоновой паперти священники видели, как Иисус отделился от толпы и стал изгонять торговцев с гневными словами: "Дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников!".

Священники были в бешенстве, не в силах более видеть триумф Иисуса. Они ни на миг не могли допустить даже мысль, что Он был настоящим Мессией; они считали, что народ, преклоняя колена перед Иисусом на земле храма, по сути молится фальшивым богам.

Иисус обходил паперть храма, а народ уступал Ему дорогу и воздавал хвалу Богу за то, что послал им Христа. На паперти язычников к темноволосому Филиппу подошли греки и попросили показать Иисуса.

Филипп обрадовался этой просьбе - наконец, пришел день триумфа Христа! Иисус предсказал многое, даже Свою смерть, и вот теперь народ признал, что Он - Мессия. Апостол полагал, что это был первый день истинного царства Иисуса на земле.

Однако Филипп не решился сразу подойти к Иисусу. Сначала он сообщил Андрею о просьбе греков, и вместе они решили обратиться к Иисусу.

Иисус внимательно выслушал их, а после этого ответил: "Пришел час прославиться Сыну Человеческому". Подошедшие в это время греки внимали каждому Его слову. "Истинно говорю вам, если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода. Любящий душу свою погубит ее, а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет. И кто Мне служит, того почитит Отец Мой".

Иисус замолчал, глядя в землю. Люди старались вникнуть в смысл сказанных слов. Христос окинул толпу взглядом, глаза Его опечалились. "Душа Моя теперь возмутилась, - продолжал Он, - и что Мне сказать? Отче! Избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел". Он вздохнул и смиренно произнес: "Отче! Прославь имя Твое".

Тогда прозвучал голос издалека, словно гром в горах: "И прославил, и еще прославлю". Люди в страхе закрылись плащами. Многим показалось, что это был гром. Иные утверждали, что это был голос ангела.

"Не для Меня был глас сей, - пояснил Иисус, - но для народа; ныне суд миру сему, ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе".

Народ был в замешательстве. Старики переглядывались, поглаживая бороды. Они услышали "когда вознесен буду". Это была фраза того времени, означающая распятие. Но как быть распятым Сыну Божию? Кем? Почему? Мессию обещали им испокон веков, и прийти Он должен был в почете и славе.

Послышались голоса: "Мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек. Как же ты говоришь, что должно вознесу быть Сыну Человеческому? Кто же этот Сын Человеческий?"

Тогда Иисус сказал им: "Еще на малое время есть свет с вами, ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма. А ходящий во тьме, не знает, куда идет. Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света".

В тот же день Иисус с апостолами пришли в Вифанию. Они были воодушевлены и не чувствовали усталости после дня великого триумфа Иисуса в это пальмовое воскресенье. Они не обратили внимания, что Христос шел опустив голову. Он не испытывал триумфа.

Это был день, когда признание Его достигло вершины, когда люди искренне пытались понять Иисуса и воздавали почести. Но они не до конца осознавали Его миссию, и об этом свидетельствовали их вопросы.

Уже за пределами города кто-то из апостолов залюбовался белизной храма: "Взгляни, Учитель, как прекрасен камень! Как великолепно здание!" Спаситель печально взглянул на Своего ученика. "Ты восхищаешься прекрасным зданием? сказал Он. - Не останется здесь камня на камне, все будет разрушено".

Другие остановились, чтобы послушать, и каждый обдумывал эти слова. Они не могли представить себе, что город может быть разрушен осадой, как оно и было впоследствии; чем больше они слушали Иисуса, тем больше убеждались, что Иисус говорил о конце света.

Эта тема постоянно волновала людей, ибо закон учил их, что конец света наступит, хотя никто не знал, когда. В молчании они достигли большой скалы у вершины Горы Елеонской. Когда апостолы сели отдохнуть, Петр, Иаков, Иоанн и Андрей обратились к Иисусу с вопросом: "Скажи нам, когда это будет, и какой признак Твоего пришествия и кончины века?"

Мессия сидел лицом к заходящему солнцу. Стало свежо. Через час закроют две дюжины ворот храма и над ним будет виться дым от зажженных на ночь костров.

Иисус начал говорить: "Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас. Ибо многие придут под именем Моим и будут говорить: "я Христос"; и многих прельстят. Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь, ибо надлежит сему быть; но это еще не конец... И будете ненавидимы всеми народами за имя Мое. Претерпевший же до конца, спасется".

Им же хотелось узнать больше о конце света, и Иисус поведал им о лжепророках и ужасных катаклизмах. И что важнее всего, Он призвал их быть готовыми, ибо "о дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один... Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время. Подобно как бы кто отходя в путь и оставляя свой дом, дал слугам своим власть и каждому свое дело, и приказал привратнику бодрствовать. Итак, бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома, вечером или в полночь, или в пение петухов, или поутру; чтобы придя внезапно, не нашел вас спящими. А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте".

Высказав эти страшные предостережения, Иисус смягчился и с нежностью оглядел своих последователей. Затем Он приподнялся и оглянулся на город. Над ним повисли пышные красноватые облака, вдали над Иерихоном поднимался молодой месяц, а внизу, в долине, начали борьбу с темнотой костры. Это был прекрасный вечер.

Иисус повернулся в сторону Вифании, и при голубоватом свете луны по Его лицу было видно, как Он устал.

От смерти Иисуса отделяло лишь несколько дней, которые Он проводил в храме, исцеляя больных и утешая страждущих. Дважды Он ночевал в Вифании у Лазаря, где пытался утешить Свою мать и подготовить ее к ужасному. Он допоздна засиживался с апостолами и многократно напоминал им о Своем пришествии по Писанию, наставляя их творить добро Его именем. В середине недели Иисус со Своими избранныками стал уединяться в Гефсиманском саду. Нередко Он поддавался усталости и засыпал, но обычно Он в сильном душевном волнении ходил по саду и молился.

Вечером в четверг, четвертого апреля Христос рассказывал апостолам о Страшном суде. Он сидел на камне, облокотившись на колени, и сопровождал Свои слова короткими жестами.

"Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: "Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне". Тогда праведники скажут Ему в ответ: "Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе?"

И Царь скажет им в ответ: "Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне".

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: "Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня". Тогда и они скажут Ему в ответ: "Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?" Тогда скажет им в ответ: "Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне". И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную" (Ев. от Мтф. гл. 25).

Апостолы молча кивали: они поняли урок. Иисус поднялся и, посмотрев на Свою крошечную армию, сказал: "Вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие".

В один из последних дней - вероятно, в среду - Иисус ступил на землю храма последний раз. И снова среди людей разнеслась благая весть, что галилейский Пророк вернулся, и все устремились на Паперть язычников, чтобы увидеть и услышать Его. Пришли и священники из своих святилищ, спустившись на десять

шагов вниз, на паперть священников, затем на паперть женщин, и снова вниз на паперть язычников. Приступив к Иисусу, они спросили: "Какой властью Ты это делаешь?"

Если бы Он ответил, что делает это властью Бога, этим провозгласил бы Себя Мессией и при большом стечении народа выдвинул бы против Себя тяжкое обвинение. И Иисус решил ответить на их коварный вопрос вопросом: "Спрошу и Я вас об одном: если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью это делаю. Крещение Иоанново откуда было: с небес, или от человеков?"

Священники переглянулись. Этот Галилеянин, которого они хотели уличить в святотатстве, поставил перед дилеммой их самих. Они долго шептались, но ни к чему не пришли. Сказать, что крещение было "с небес" значило подорвать основы храма, ибо крещение водой было чуждым законам Моисея. Сказать, что оно было "от человеков" было чревато последствием озлобить толпу, ждавшую ответа с нетерпением, ибо все до единого верили, что Иоанн Креститель был истинным пророком.

Вернувшись к Иисусу, священники прямо сказали, что не знают ответа, на что Он ответил: "И Я вам не скажу, какою властью это делаю".

Выйдя ни с чем из этой неудачной попытки поймать Иисуса в ловушку на глазах у народа, священники лицемерно улыбались, как бы соглашаясь с Иисусом. На самом же деле они готовили Ему новую ловушку, и на этот раз по совету Анны и Синедриона они попытаются обвинить Его в выступлении против власти Цезаря.

"Учитель, - обратились они к Нему со злорадством, - мы знаем, что Ты правдиво говоришь и учишь, и не смотришь на лице, но истинно пути Божию учишь. Позволительно ли нам давать подать кесарю или нет?"

Толпа затаила дыхание. Это был хороший вопрос, умный, достойный старых еврейских школ раввинских споров. Как и все древние головоломки, он не имел ответа. Если бы Иисус сказал, что подать языческому властелину была справедливой, Он потерял бы уважение иудеев, презиравших Цезаря и его римские легионы. А если бы Он ответил, что подать была несправедливой и ее не следует платить, священники сразу доложили бы об этом прокуратору. Реакция была бы однозначной - арест и распятие Иисуса за смуту.

"Покажите Мне динарий", - сказал Иисус и протянул ладонь. Один из священников порылся в одеждах и достал монету с изображением Цезаря, хотя по закону носить монеты с изображениями возбранялось. Иисус повертел монету в руке и подняв ее, чтобы видели все, спросил: "Чье на нем изображение и надпись?" "Кесаревы", - последовал ответ.

"Итак, - спокойно промолвил Иисус, швырнув монету священникам, отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу".

Затаив ненависть, священники вынуждены были улыбаться в знак восхищения мудростью Его ответа. Когда они удалились, Иисус сказал ученикам: "Остерегайтесь книжников, любящих ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях, сидеть впереди в синагогах и возлежать на первом месте на пиршествах; они, поедаящие дома вдов и напоказ долго молящиеся, примут тяжчайшее осуждение". (Ев. от Луки гл. 20.)

* * *

Когда на исходе дня Иисус с учениками покинул храм, Иуда остался там, сославшись на множество неотложных дел в преддверии Пасхи. Иисус посмотрел на суетливого, но ничего не сказал. Вместе с другими Он пошел в Вифанию прощаться с матерью.

Иуда остался один. Он стоял в раздумьях во дворе храма. Он стоял на перекрестке истории, и в его власти было направить события в ту или иную сторону. Он понимал это всем своим нутром.

Он мог пойти к священникам и выдать Иисуса. Он мог молчать, но Иисус все равно погибнет, об этом Он Сам несколько раз говорил. Как ему быть? Какой путь избрать? Если Иисус - Мессия, Он был добр к Иуде, но это не много значило для человека, ставившего богатство выше праведности.

А те одиннадцать назовут это предательством: это Иуда сознавал. Но их презрение не заденет за живое человека, которого они все считали чужим. Если бы Иисус сидел бы себе тихо в Галилее, если бы Он не демонстрировал Свою силу и мудрость перед священниками храма, все апостолы давно обогатились бы от пожертвований. Так нет же. Он замахнулся на власть первосвященника, и теперь улицы полнятся слухами о заговоре против Иисуса.

Кроме того, еще до того, как заговор обрел полную силу, Иисус уже смирился с мыслью о гибели. Если так, то победит первосвященник. Умный человек должен бороться за будущее. После смерти Иисуса Каиафа

предаст апостолов избению камнями. Если это так, не практичнее ли пойти к Каиафе и выдать Иисуса? И, возможно, за неплохую цену? Да дело не только в цене, сам шаг сотрудничества с законной властью будет в будущем на пользу. Вместо того, чтобы скрываться от правосудия, как остальные одиннадцать, он будет иметь должника в лице самого Каиафы. Долг Каиафы сохранит ему жизнь.

До Иуды дошли слухи, что в этот час священники боялись ареста Иисуса. Когда в храме было многолюдно, Иисус появлялся там открыто, и Каиафа не отваживался схватить Его. По ночам же Галилеянин скрывался за пределами Священного города, и никто не знал, где Его искать.

Иуда понимал затруднения первосвященника. Если позволить Иисусу быть в храме на Пасху, когда там будет множество паломников из диаспоры, то с ними по всему свету разнесутся вести о Его чудесах и проповедях. Это подорвет авторитет храма наполовину, или даже больше. Кто станет слушать толкования Каиафы, когда на паперти возникнет Иисус и исцелит больного, вернет зрение слепому или воскресит мертвого на виду у всех? Может ли Каиафа сделать подобное?

Вот почему Каиафа так отчаянно стремился схватить Иисуса и при этом соблюсти два абсолютно обязательных условия: это необходимо сделать до праздника и это нужно сделать так, чтобы не растревожить народ. С другой стороны, Иисус ждал, когда Его схватят и убьют. У Иуды исчезло предчувствие опасности, он понял, что сможет ускорить ход событий.

Завернувшись в плащ, перед самым закатом суетливый человечешко поспешил на верхнюю паперть. Перейдя двор, он достиг палат священников. Там он сказал, чтобы его провели к Каиафе. Это, должно быть, вызвало улыбку, ибо к священникам обращались сотни людей, настаивавших на разговоре ни с кем иным, как с самим Каиафой. Его насмешливо спросили, был ли назначен час встречи, и где он предпочитает встретиться с Каиафой: в храме или в его доме.

Священники были грубы и бессердечны, редко проявляя сострадание к низшим по положению. Они хотели вытолкать Иуду и закрыть ворота, но когда он сказал, что хочет видеть Каиафу по делу Галилеянина, что может дать сведения за плату, отношение священников к нему изменилось.

Священники стали серьезны. И когда Иуда, все еще опасаясь за себя, робко сказал, что он один из приближенных Иисуса, священники сразу же заинтересовались, почему он говорит на иудейский манер, а не на галилейский. Ему удалось убедить их, что из двенадцати он был единственным из этой провинции.

Священники окружили Иуду, дабы он не смог передумать или сбежать. Они вызвались проводить его к дому первосвященника и направили одного из своих известить Каиафу об этой большой новости. Иуду со вниманием спрашивали о семье и друзьях. Священники нарочито проклинали Иисуса, пытаясь увидеть реакцию ученика.

Когда сумерки стали фиолетовыми, они провели осведомителя через город ко двору первосвященника. Дождаясь Каиафу, Иуда подумывал, не попался ли в западню тот, кто сам расставил силки. Он признал, что он ученик человека, за которым охотятся. Это уже само по себе было преступлением, и Иуда начал терять былую уверенность. Его могли побить камнями по показаниям любых двух священников, слышавших, что он один из двенадцати.

Страх вернулся к нему. Он ждал, оглядывая великолепие двора, и краем глаза видел, как священники перешептывались со слугами и указывали на него. И по тому, как они сплевывали на мраморные плиты двора, он понимал, что они его презирают. Это, однако, не оскорбляло его, ибо когда он завоюет расположение могущественного Каиафы, эти священники, словно мелкие свечи, будут еще присвечивать ему.

На крыльце началась суматоха, и в сопровождении старейшин первосвященник спустился во двор. Он подошел к Иуде. Иуда и Каиафа никогда раньше не видели друг друга столь близко. Самое презренное из существ смотрело на самое могущественное; первосвященник взирал на шмыгавшего носом предателя.

Они сразу приступили к делу. "Что ты готов дать мне? - спросил Иуда, начав с денег. - Я, со своей стороны, готов доставить Его тебе".

Первосвященник задал несколько вопросов. Когда он убедился, что этот человек вне всякого сомнения был ближайшим последователем Иисуса, дрожь предчувствия прошла по его телу. Он считал, что не переплатил бы Иуде, если бы выплатил бы ему половину казны храма за тайную выдачу Иисуса. Но Каиафа знал и закон, по которому Иуда теперь был сознавшимся соучастником святотатства.

Поэтому он сухо сказал апостолу, что тот получит "тридцать серебряников" за дело, достойное

услужению Ягве. Казначей кивнул в знак согласия.

Каиафа затем заговорил об опасности ареста среди бела дня. Иуда понял. Он пообещал Каиафе, что вернется к Иисусу и будет ждать лучшего часа. Когда можно будет схватить Иисуса ночью без риска, он вернется и сообщит первосвященнику.

На этом и согласились. Они улыбнулись друг другу, подтвердив сделку. Стража расступилась, позволив Иуде уйти с миром. Он покинул двор и пошел в сторону Горы Елеонской.

ПОВЕСТВОВАНИЕ

Полночь

Никогда ранее Иисус не говорил так много. Время от времени Он останавливался, а они слушали, обступив Его. В серебряном свете луны группа выглядела зловеще.

Было уже за полночь, когда они прошли мимо Нижней купели в сторону городских ворот, через которые в город все еще шли паломники с восточных частей страны. Иисус повернул налево и пошел по пыльной дороге вдоль городской стены. Луна уже начала снижаться, и тень от высокой восточной стены падала на дорогу. Всего несколькими локтями ниже протекал ручей Кедрон, воды которого в Нисане умирляли свой бег.

Слева осталась деревушка, прилепившаяся к стене; затем они прошли через деревню Силоам на противоположной стороне Кедрова. Вдоль всего их пути ночной ветерок раздувал угли сотен костров, к которых расположились паломники. Затем дорога шла на подъем к вершине Горы Елеонской.

Отойдя на значительное расстояние от города, они могли видеть храм во всей его красоте. Вдоль портиков Соломона ярко пылали светильники, а стены выглядели мрачно, но величественно. В белом лунном свете различались громадные виноградные грозди из чистого золота и золотые шпили, украшавшие восточный фасад храма.

Глядя на сверкающий в ночи виноград, Иисус остановился и промолвил: "Я есть истинная виноградная лоза, а Отец Мой - виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедовал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне. Я есть Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет. А такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. Если пребудете во Мне, и слова Мои в вас пребудут, то чего не пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками".

Они снова тронулись в путь, апостолы едва передвигали ноги. День был трудным. Они поднялись на рассвете в Вифании, где Иисус оставил мать на попечении Марии и Марфы, а сейчас было за полночь, и рыбакам очень хотелось спать. К тому же было так много сказано Иисусом, и они хотели все это запомнить, ибо чувствовали, что это были Его последние наставления.

Они прошли мимо кладбища, и в темноте надгробные плиты и гробницы были похожи на выкрошенные зубы. За кладбищем путники свернули в сторону небольшой маслобойки, где им предстояло провести ночь.

Когда они проходили мимо трех старинных гробниц, простоявших пятьсот лет, Иисус мельком взглянул на них. Он уже давно не одобрял памятников мертвым.

Они были в двухстах шагах от маслобойни, расположенной в крошечной долине, которая отделяла Иерусалим от Горы Елеонской. Отсюда до городской стены и храма было не более трех стадий.

Пока они не достигли пещер с огромными прессами для приготовления масла, Иисус не проронил ни слова. В маслобойне стоял застарелый запах оливкового масла. Всю дорогу Иисус размышлял о том, как лучше передать Своим последователям основы Своего Нового Завета. Эти одиннадцать с надежными корнями дадут новые ветви Его учению, они взрастят новых последователей и начнут самое удивительное духовное движение в истории человечества. Было крайне важно, чтобы они поняли все истины о Боге - Отце, Боге - Сыне и Боге - Святом Духе.

Для этих простых и доверчивых людей было слишком сложно понять эти истины. Их утешало то, что когда Иисуса не станет, к ним явится Святой Дух и будет пребывать в них, о чем они даже не будут ведать. Он

откроет им много тайн и обострит память, и они быстро и ясно вспомнят слова Иисуса.

Путники свернули с дороги, ведущей далее в Иерихон, и при лунном свете пошли в глубь масличной рощи. Иисус знал, что ему еще предстоит рассказать им о будущем. Они были еще слабы пред лицом грядущих испытаний; былинками, которые легко можно согнуть или сломать. Некоторые, Он это знал, не выдержат первых испытаний этой же ночью. Их надо научить, чтобы в тяжкие дни их укрепляли Его проповеди.

"Если мир будет презирать вас, - сказал Иисус, когда они вошли в большую пещеру, - помните, что сначала он презирал Меня. Если бы вы были детьми мира сего, мир лелеял бы свою плоть и кровь. Но вы не дети мира сего, наоборот, Я отделил вас от мира, и он ненавидит вас".

Эти слова противоречили их ожиданиям. Мысль о триумфе пребывания рядом с Ним на Страшном Суде сменилась чувством страха и ощущением враждебности мира. Они не станут царями, восседающими на тронах по обе Его стороны, они должны нести Его слово людям, которые не станут слушать их, но будут оскорблять и поносить и, нередко, жестоко убивать.

Петр проявил мужество, предложив свою жизнь за Иисуса, но при этом он потерял на мгновение религиозное чувство победы ценой жизни. Апостол Фома легко смирился с жестокой правдой грядущего мученичества. Его первым постигнет такая участь.

Апостолы расположились в пещере. Сквозь ветви маслин в пещеру проникал лунный свет. Один из них поднялся и зажег старые лампы вдоль стены, в свете которых отчетливо было видно лицо Иисуса. Он казался выше, и они впервые заметили, что Его ноги были босы. Апостолы понимали, что сейчас они должны запечатлеть в своей памяти Его черты, каждое Его слово, чтобы вскоре, когда Христа уже не будет с ними, они могли сказать новым последователям: "Вот так Он выглядел. Вот так Он говорил. Вот что Он велел передать вам..."

"Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня", - заговорил Иисус. Эти слова озадачили учеников, ведь их трудно было соотнести с Его предстоящей смертью. Для них эти слова значили скорее, что человек собирается в дорогу. Они начали обсуждать сказанное между собой, а Иисус терпеливо слушал, несмотря на усталость. Затем Он спросил: "О том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал: "вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня"? Истинно, истинно вам говорю: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас. И в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна".

Это была не только весть о Его смерти и воскресении - это было стремление доказать сомневающимся Свою божественность. В оставшиеся пятнадцать часов жизни Иисус был готов к любым вопросам Своих учеников.

"Доселе, - продолжал Он Свой последний разговор с ними, - Я говорил вам притчами, но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: обо сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир, и опять оставляю мир и иду к Отцу".

Апостолы обрадовались: "Вот теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой. Теперь мы видим, что Ты знаешь все, а не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя. Посему веруем, что Ты от Бога пришел".

Иисус понимающе кивнул головой, удовлетворившись их словами и опечалившись одновременно. "Теперь веруете? Вот наступает час, и настал уже, когда вы рассеетесь каждый в свою сторону, и Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир".

Когда-то на вершине этой же горы апостолы спросили Иисуса, как молиться, а Он возвел очи к небу и произнес: "Отче наш, сущий на небесах..." А сейчас после всех наставлений и проповедей он нежно посмотрел на каждого и, скрестив руки на груди, устремил Свой взор на небо и начал Свою последнюю молитву: "Отче! Пришел час. Прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою

плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную..."

Апостолы почтительно слушали, понимая всю значительность происходящего - им было дано стать свидетелями обращения Мессии к Своему Отцу. Иисус молился о Своих земных делах, а затем об одиннадцати апостолах: "Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть..."

Апостолы вникали в каждое Его слово. Они благоговели перед тем, что эти слова слышали только они и Бог-Отец, и с удивлением отметили, что Иисус не скрывал, что апостолами, включая и Иуду, их избрал Отец. И Христос лишь взглянул на каждого из них и сказал: "Иди за Мной".

В этой молитве, как нигде прежде, Иисус утверждал столь ясно единственную цель Своего появления в мире, своих общественных проповедей и смерти; смысл Его пришествия заключается в нескольких словах молитвы: "чтобы они были едино, как и Мы". Это не было упрощением. Все, что Иисус помышлял совершить на земле, было сосредоточено в этих словах.

Закончив говорить, Иисус дал знак Петру, Иакову и Иоанну, и вышел из пещеры.

1 час

Дело было завершено. Больше не будет проповедей, не будет чудес, не будет наставлений апостолам, не будет пророчеств. Время ожидания истекло. В оставшиеся полтора часа свободы не произойдет ничего значительного. Иисус в присутствии Своих последователей молился пред Отцом за Себя, за тех, кто понесет людям Его слово любви, за всех праведных во все времена.

Самое важное было сказано. Иисус отдал Себя миру, той его части, которая имела высокую культуру и глубокое понимание единобожия Вселенной. Если неудача постигла Его здесь, в Палестине, то насколько быстрее это бы случилось в Риме со множеством мраморных богов! Или в Греции, где человек имел более высокий разум, чем боги, которым он поклонялся; или в Александрии, или в Галлии, или Карфагене, или в любом другом месте, где люди боялись умереть без света истины.

Ему, родившемуся и жившему человеком, суждено было и умереть, как человеку. Испытание будет медленным и ужасным, и Его божественность не избавит Его от боли, стыда и даже от страха ожидания предстоящего.

Настал час ожидания близкой смерти. Он мог побродить по маленькой роще, залитой лунным светом; он мог остаться с учениками в пещере и говорить о днях, когда они впервые встретились, о времени, когда иудеи со всей страны пришли к Нему, уверовав, что Он настоящий Мессия; Он мог говорить о совсем недавних событиях, о прошлом воскресении, когда сотни людей с радостью провозгласили Его сыном Давидовым, и "осанна" слышалась на всем пути от Вифании до Иерусалима, а ее эхо гасло среди сияющих колонн храма. Он мог говорить о Своем триумфе.

Вместо этого Иисус позвал Петра, Иакова и Иоанна и все трое, кому Он особенно доверял, вышли с Ним из пещеры и направились в оливковую рощу по другую сторону дороги, ведущей от храма к вершине горы Елеонской.

Здесь всегда было тепло. Продуваемая ветром возвышенная часть Иерусалима была прохладна, и они видели, что паломники у ворот города кутались в плащи. На вершине горы тоже, дул ветер, а долина Кедрона была теплой и влажной, - ибо здесь лучи заходящего солнца задерживались дольше всего.

Трое следовали за Иисусом. Под сенью деревьев Он остановился. Листва бросала тень, но они могли видеть Его лицо, на котором отражалось страдание. Его длинные, тонкие руки дрожали, он весь посерел, уголки рта опустились, а большие глаза, казалось, созерцали то, чего никто не мог видеть.

Петр, Иаков и Иоанн пытались подбодрить Его, но Христос покачал головой. В этот час ни одному человеку не под силу было помочь Ему. Как Человек Он мог вынести мучения, как и все люди, Он мог радоваться и чутко реагировать на все, но как Сын Божий Он знал, что грядет.

Иисус казался им крайне изможденным, хотя еще несколько минут назад Он давал им наставления и делал это с необычайной внутренней силой. Они замолчали и отвели взгляд в сторону, полагая, что им не подобает видеть лицо Мессии в страхе и слабости.

Иисус скрестил руки на груди и произнес с горечью: "Душа Моя скорбит смертельно, побудьте здесь и бодрствуйте". Апостолы грустно глядели на Него, а Он возвел очи к небу, где сквозь ветви сверкали тысячи других крошечных миров, а затем снова посмотрел на храм через долину. Отойдя немного, Он опустил на

колени, а затем в смертельной скорби пал на землю и громко сказал: "Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия". Эта мольба вырвалась почти произвольно, и Иисус добавил: "Впрочем, не как Я хочу, но как Ты".

Иисус знал, что с этого времени и до часа, когда Он испустит дух, Ему придется выстрадать гораздо больше, чем кому-либо, кто прошел бы такой путь и подвергался таким же испытаниям. Самым тяжелым было ожидание. Каждую минуту каждого часа Он должен был переносить с необычайным мужеством Человека, чтобы одержать победу Бога, единого Бога.

В этот миг в маслобойню вбежал Марк, и с трудом переводя дыхание, сообщил восьми апостолам, что на дом его отца было совершено нападение, в котором участвовала большая группа вооруженных дубинками людей под предводительством римских солдат, стражников, а также старейшин храма, книжников и фарисеев. Они обыскали дом и требовали указать им, куда пошел Иисус. Вся округа пришла в движение, многие вышли на улицу с факелами и фонарями на длинных палках. Трибун допросил отца, после чего отряд покинул дом. Кто-то сказал, что они ушли в храм.

Один из апостолов поспешил, чтобы сообщить эту весть Иисусу, но не найдя Его, шепотом рассказал о случившемся Петру и другим. Никто, кроме юноши, принесшего весть, не переполошился. Вероятно, апостолы думали, что если налет на дом отца Марка был неудачным, то на этом все и закончится. Их спокойствие не могло проявиться лучше ни в чем другом, как в том, что восемь из них в маслобойне и трое в саду вскоре уснули.

Время от времени Иоанн просыпался и слышал громкую молитву Иисуса, но несмотря на свою любовь ко Христу и врожденное чувство сострадания, его тяжкие веки и глаза отказывались повиноваться его воле, парализованной усталостью, и снова закрывались.

Таким образом, Иисус был по сути один в саду. Он не переставал молиться, испытывая мучительные страдания. Цепenea от ужасных предчувствий, Он встал и подошел к трем апостолам, по-человечески нуждаясь в утешении. Его внешность отражала душевные муки, Он выглядел старше, голова ушла в плечи. Волосы, обычно мягко ниспадавшие до плеч, были спутаны и прилипли к вспотевшему челу.

Иисус взглянул на трех спящих, и Его сердце защемило. Иоанн зашевелился и проснулся. Он растолкал остальных. "Что вы спите и поживаете? - спросил Иисус. - Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение".

Ученики, бормоча извинения, с трудом поднимались на ноги. А ведь этих троих Иисус удостоил особой чести - только Петр, Иаков и Иоанн видели Его преображение на горе, только они присутствовали, когда Он воскрешал из мертвых дочь Иаира.

Иисус стал молиться, испытывая еще большие муки, и не успел Он немного отойти, как три апостола снова уснули. Он опустился на колени, и Его лоб коснулся камня. Молясь, Он покачивался взад и вперед, как бы от тяжелой физической боли.

Это был трудный путь к Отцу. Другого, более легкого, не было. По своей натуре человек избегает мыслей о смерти, особенно когда здоров и не стар. И человеческая сторона давала о себе знать все больше, когда Он думал о душе, которая будет держаться в теле до того мига, когда тело умрет в ужасных агониях.

Человеческое противилось предстоящим мукам и смерти. И все же это был Его выбор. Он погибнет за человека.

Он горячо молился. Возведя очи к небу, Он видел светящегося ангела. Ангел не сказал ничего. Молчание, вероятно, значило, что Отец ничем не может уменьшить мучений Иисуса.

Он немедленно поднялся на ноги и направился к ученикам, готовым положить жизнь за Него. Они спали, а когда Петр приоткрыл глаза, Иисус прошептал: "Симон! Ты спишь? Не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна".

В этот миг эти слова одинаково относились и к Нему, и к ним. По словам Исаяи, Господь возложит на Него все чудовищные дела человечества, и сейчас бремя бесчисленных людских грехов давило на Его плечи. Он опустился на колени, чтобы сказать Отцу, что принимает чашу.

Соленый пот, блестящий на лице, начал менять цвет. Он краснел и становился темнее, и Иисус в ужасной муке понял, что это кровь. Она медленно стекала к подбородку и застыла в бороде; несколько капель упало на камень.

Подобное известно медицине. Это случается, когда нагнетается страх, когда страдания накладываются на прежние мучения до тех пор, пока очень чувствительный человек уже не в силах переносить боль. В такие моменты несчастный обычно теряет сознание. Если же этого не происходит, то иногда капилляры расширяются настолько, что при контакте с потовыми железами они лопаются. Кровь исходит вместе потом по всем участкам тела.

Евангелист Лука, который был лекарем, позже написал: "И пот стал, как кровь и стекал на землю".

2 часа

Ночь была свежа. Листья низкорослых искривленных деревьев в Гефсиманском саду не шевелились. С дороги, ведущей из Вифании к храму, постоянно слышавшиеся голоса богомольцев сейчас стихли. Если бы Иисус поднял голову, Он бы увидел, что движение людей через Золотые ворота храма прекратилось.

Смолкли насекомые в окрестных полях, луна уже скатилась на западную половину неба, и утренний силуэт храма как бы висел в воздухе. Среди холмов далеко и одиноко прозвучала пастушья дудочка. Даже поток Кедрон, темный и холодный, бесшумно бежал по гладким камням, устремляясь в долину Хиннона. Все застыло в ожидании.

А внутри городских стен началось пробуждение. В такую ночь спали не более четырех часов, торопясь насладиться радостью Пасхи.

Первые богомольцы спешили к Паперти Соломона, где красота храма буквально опьяняла чувства. Перед величественной колоннадой слышалось шарканье сотен сандалий по мраморным плитам. А где-то за портиком в ослепительно белых одеждах за арфы садились музыканты, которые будут играть известные псалмы до первого луча солнца. В другой части храма мягко играла маграфа - подобие органа, радуя слух толпы, движущейся по дворам при желтом свете фонарей. Многие набожные иудеи, стоя на пороге жилищ, восхищались величием ночи и шептали: "Бог милостив к нам".

Их радость ничуть не омрачилась бы, скажи им, что совсем рядом, в небольшой роще по другую сторону Кедрона, покрываясь кровавым потом, на камне молится Тот, Кто называет Себя Сыном Божиим. Это не вызвало бы ни малейшего интереса и у паломников, ведь если страдалец был бы действительно Мессией, почему бы ему не воссесть в Святая Святых, а не плакать в одиночестве у камня? И вообще, можно ли было допустить, что священники храма - которым все это известно - позволят Мессии проливать слезы в крошечной маслобойне, когда они должны пасть ниц перед

Ним?

Нет. Паломники бы мудро сказали: "Пусть Он разорвет завесу храма, тогда я поверю". Любому было известно, что в мире не было другой такой красивой, большой и тяжелой завесы, и лишь подлинный Мессия совершил бы это символическое деяние.

С огромного портика ^многие могли видеть, как через Золотые ворота ушел отряд с Иудой. Это был огромный проход с двойными арками в нижней стене храма. Уходящие не могли не привлечь к себе внимания бряцанием оружия, огнями факелов и фонарей.

Более того, люди на городских стенах строили догадки относительно странной процессии, покидающей город. До сих пор было невиданным, чтобы фарисеи маршировали с римскими legionерами. И legionеры никогда не шагали в компании старейшин - саддукеев. Каждая из этих групп имела основания не доверять двум остальным. Их вел Иуда Искариот, один из избранных учеников богохульника. Отряд прошел через ворота и по крутым ступеням спустился в долину.

Они стали сообщниками на час. Фарисеи не стали бы вмешиваться в подобную авантюру, ибо они крайне редко отступали от закона. Но они были согласны с тем, что Иисус представлял серьезную угрозу храму, и решились только в этот раз отступить от буквы закона, малейшее нарушение которого вызывало у них отвращение.

Сам по себе этот союз не столь уж необычен, в практической политике фарисеи нередко выступали заодно с саддукеями. Необычным для свидетелей на городских стенах было видеть фарисеев в обществе язычников-римлян, ибо фарисеи провозглашали религиозную чистоту превыше всего. Для них все в мире делилось на еврейское и нееврейское, и они не должны иметь ничего общего ни с чем и ни с кем, вид, запах и звук которого был бы нееврейским.

Отношение Иисуса к фарисеям и книжникам заключено в двух жестких фразах: "Книжники и фарисеи

воссели на троне Моисеевом. Все, что они ни скажут вам - соблюдайте и делайте, но по делам их не поступайте".

В отряде, быстро двигавшемся в Гефсиманский сад, возможно, были и люди Ирода, ибо Ирод не доверял ни священникам, ни римлянам и везде имел своих лазутчиков. Его окружение не было политической партией и не имело никакого престижа в глазах других политических сил. Лишь нетвердые иудеи поддерживали Ирода, четверовластника Галилеи, наполовину иудея, верившего лишь в себя.

* * *

Когда отряд спустился в долину, Иуда велел ему остановиться и позвал к себе предводителей книжников и римлян. Он сообщил, что подойдя к маслобойне, они в темноте не разглядят ничего, кроме убегающих фигур в белом.

"Тот, Кого я поцелую, - Он, - сказал Иуда. - Хватайте Его и уводите". Главари согласились, ведь это упрощало дело. Им не придется догонять и опознавать убегающих апостолов, а нужно лишь подвести солдат к Тому, Кого поцелует Иуда.

... Иисус встал. Его лицо снова было спокойным. Он вернулся к трем апостолам, и они тотчас же пробудились. Сейчас, испытав агонию человеческого одиночества, Иисус проявил к ним божественное сочувствие и заботу. "Спите, сказал Он, - отдохните". Он хотел оставить их и, повернувшись, увидел сквозь листву множество факелов и фонарей, было слышно бряцание щитов и голоса.

Иисус вернулся к Петру, Иакову и Иоанну. "Вот приблизился час, произнес Он, - и Сын Человеческий предается в руки грешников". Апостолы в недоумении глядели на Него.

"Встаньте, пойдем: вот приблизился предающий Меня".

3 часа

Все трое вскочили на ноги, Иаков и Иоанн побежали предупредить остальных. Петр, как ему и полагалось, остался рядом с Учителем. Едва это произошло, как сад наполнился светом и шумом людских голосов; солдаты продирались сквозь деревья и кустарники. Восемь апостолов, спавших в пещере, и юный Марк могли убежать в Вифанию по дороге, которая была всего в ста шагах, но они были парализованы страхом. И вместо того, чтобы бежать, они перешли в сад, и не столько затем, чтобы увидеть, что сотворит правосудие с Иисусом, а скорее для того, чтобы быть свидетелями того, что Он Сам сделает с налетчиками.

Они увидели Иисуса, освещенного огнем факелов, а рядом с Ним дрожащего Петра. Подошли и остальные апостолы, которым показалось, что никто не спешил приблизиться к Учителю, хотя роща была полна вооруженных людей, которые сновали по саду, переключаясь между собой. Но никто не отваживался первым подойти к Иисусу.

Наконец, к Нему приблизился Иуда. Он посмотрел на Иисуса, его глаза расширились, изображая радостное изумление, а губы скривились в улыбку. Он распростер руки и кинулся к Христу с лицемерным приветствием: "Здравствуй, Учитель". Его появление из толпы стражников и солдат должно быть удивило апостолов и, возможно, они решили, что арестован был Иуда.

Казначей обнял Иисуса и потянулся губами к щеке Учителя. Галилеянин сочувственно посмотрел на Иуду и произнес: "Иуда! Целованием ли предаешь Сына Человеческого?"

На ответ времени не было. Со всех сторон подступили стражники и солдаты, фарисеи и книжники. Иисус невинно посмотрел на них и спросил: "Кого ищете?"

"Иисуса Назорея", - отвечали Ему.

"Это Я", - сказал Иисус, дотрагиваясь до Своей груди. Стоявшие впереди отпрянули назад. Произошло замешательство, ибо стражники храма не могли не слышать историй о Его чудесах и были в страхе. Римляне возмутились поведением своих временных сообщников и начали пробираться вперед, чтобы взять дело в свои руки.

"Кого ищете?" - снова спросил Иисус медленно и ясно.

Римляне дружно прокричали: "Иисуса Назорея!"

"Я сказал вам, что это Я", - повторил Иисус, когда смолкли голоса римлян. "Итак, если Меня ищете, оставьте их, пусть идут", - указал Он на стоявших позади апостолов.

Налетчики оправались от страха. Они стали подступать со всех сторон, не решаясь, однако, коснуться Христа, а Иуда отступил и затерялся в толпе.

"Как будто на разбойника вышли вы с мечами и копьями, чтобы взять Меня", - обратился Иисус к священникам и начальникам храма. В Его словах звучало негодование: "Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь ваше время и власть тьмы". Увидев, как они отводят взгляд, Иисус сказал смиренно: "Но да сбудутся Писания". Один из апостолов передал Петру меч, и тот выхватил меч из ножен и, став перед Иисусом, молниеносно поднял оружие. Петр целился в шею слуги первосвященника, но тот своевременно уклонился от удара, и меч отсек лишь ухо. Предчувствуя схватку, Хилиарх велел своим людям обнажить мечи.

Иисус был потрясен. Взглянув на Петра, Он сурово сказал: "Вложи меч в ножны. Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?" Петр повиновался. А слуга с отсеченным ухом ощупывал свою рану, визжа от боли. Иисус крепко взял его одной рукой, а второй коснулся виска слуги. Исцеление было мгновенным, и многие его не заметили. Римляне решили прекратить эту трогательную сцену, вышли вперед и схватили Христа.

По римской военной науке жертву следовало хватать за правое запястье, вывернув руку за спину так, чтобы тыльная сторона Кисти касалась лопаток, и наступить при этом на правую ступню. Начал осуществляться уготованный для Иисуса замысел.

Некоторые стражники храма, не желая опозориться перед язычниками, схватили другую руку Христа и, заломив ее за спину, связали обе руки веревкой. На шею набросили большую петлю. Иисус не сопротивился им. Теперь, когда Он был связан и никто не был поражен насмерть, левиты осмелели и начали отдавать распоряжения.

Хилиарх хотел выяснить, вести ли Пленника в храм на суд, и это вызвало разноречивые возгласы по всей роще. Высшие саддукеи и фарисеи, посоветовавшись, решили, что Пленника необходимо доставить в дом первосвященника. Старейший из них сказал, что лучше возвращаться в город через другие ворота.

Римляне с интересом рассматривали "богохульника". Перед ними был кроткий, безобидный человек. Он стоял спокойно с опущенной головой, бородой касаясь груди. Стражники донимали Его вопросами о Его божественности, но Он не поднимал головы. Язычники то и дело оглядывались, думая, что друзья Пленника еще более опасны, чем Он Сам.

Кто-то толкнул Иисуса, и шествие началось. Со всех сторон Пленник был окружен толпой. Священники были довольны, что все обошлось так спокойно. Иисус не произнес никаких заклинаний, не вызвал клубов голубого огня и серы, чтобы уничтожить их всех. Это только подтверждало, что Он был таким же Мессией, как и они. Будь Иисус Мессией, Он бы обладал силой, способной уничтожить их. Если же Он не прибегнул к силе, значит ее у Него не было; а если так, то это был очередной схваченный жулик.

Его время истекло, думали они. Если бы Он остался в своей Галилее, проповедуя любовь, он мог бы в свое время стать богатым человеком. Но нет же! Ему понадобилось идти в Иерусалим, а Иерусалим сокрушал даже настоящих пророков. На что надеялся этот назорейский колдун?

Стражники в хвосте колонны заметили, что апостолы тоже присоединились к шествию. Сговорившись, стражники развернулись, как бы предпринимая погоню. Апостолы обратились в бегство и исчезли в темноте столь быстро, что это вызвало хохот у римлян и шутки об их прыткости. Один из стражников почти догнал Марка и схватил его за ночную рубашку. Юноша вывернулся и побежал дальше по дороге нагишом.

Толпа вышла из Гефсиманского сада на дорогу, повернула налево и направилась через большой холм в северной части города к воротам крепости Антонии. Иисус шел босиком все еще с опущенной головой и болтающейся на шее петлей.

Когда колонна прошла в город, Хилиарх остановился и спросил иудеев, нужна ли им дальнейшая помощь. Они не нуждались в ней. Пленник был по сути заботой храма, и они доставят Его к первосвященнику. Римляне остались в крепости, недоумевая, зачем они в таком большом количестве понадобились в этом предприятии.

Шествие тронулось дальше. К радости священников в северо-западной части города в это время на улицах было мало людей. Одинокое прохожие с удивлением глядели на фонари, факелы, шумную колонну и Пленника в центре нее. Но никто не вступился за Иисуса, никто, казалось, не узнавал Его.

Священники хвалили себя, что избрали окольный путь назад. Это их вполне устраивало. В храме в это время было много сторонников Иисуса, и если бы Его провели связанным через Золотые ворота, это вызвало бы протесты и плач людей или даже схватку со стражниками. А затем мог последовать мятеж, конец которому

могли положить лишь легионеры Пилата.

Шествие достигло Маккавейского дворца и уже огибало стены дворца Ирода. Дорога поднималась вверх по холму, известному под названием горы Сиона. До хоромов Каиафы и Анны было рукой подать, и фарисеи с книжниками оживились. Их задание было выполнено, и теперь они могли признаться друг другу" что там, в небольшом оливковом саду, им было не по себе. Каждый из них слышал о чудесах этого Человека, и в каждом из них таился живой страх перед Иисусом. Кто мог предположить, что Он окажется всего-навсего простым назаретянином? И теперь старейшины испытывали чувство неловкости от того, что собрали такое количество людей на это дело. И один здоровяк с дубиной мог бы обратить сообщников Иисуса в бегство, а Галилеянина, не верящего в насилие, можно было связать и увести без малейшего сопротивления с Его стороны.

Толпа остановилась у огромного дворца перед домами Анны и Каиафы, и слуги засуетились, открывая ворота. Предполагалось, что отряд войдет через вход для слуг, но он был слишком мал для "победителей". Все устремились внутрь, толкая перед собой Жертву. Зажгли новые лампы, ибо на этого Человека хотели взглянуть почтенные лица. Из дома Каиафы уже бежали члены большого Синедриона, приподняв полы белых одежд.

Женщины дома тоже вышли и встали в тени балконов, пытаясь разглядеть Пленника, о Котором так часто спорили их мужья. Послали людей и к старому Анне, чтобы сообщить ему, что богохульник уже стоит под стражей перед его домом. По ступеням медленно спускался Каиафа. Теперь, уже предвидя запланированный конец этого дела, он был спокоен. Прежде всего он хотел выслушать отчеты своих людей о том, как был произведен арест, как ко всему этому отнеслись римляне, где были ученики Иисуса, и не было ли выступлений народа против воли Синедриона.

Первосвященник был доволен донесениями, ведь все было сделано так, что город не знал о случившемся. Каиафа ликовал. Он нанес сокрушительный удар Еретiku и Его учению в интересах Бога и храма. На теле Иудеи гноилась рана, и он, Каиафа, прижег ее. Он, поглаживая свою шелковистую бороду, велел священникам, ждавшим его дальнейших указаний, отвести так называемого Мессию к Хананье, таково было еврейское имя тестя.

Это был дипломатический шаг Каиафы. Лучше, если Анна первым посмотрит в лицо Пленника и проведет первый допрос. К тому же Каиафа хорошо знал, как поступит тесть: он прикажет сразу же передать Пленника первосвященнику и большому Синедриону для суда.

Каиафа ничего не потеряет, сделав этот вежливый жест. Он видел, как стражники потащили Иисуса через двор, пиная Его так, что Тот спотыкался о камни. Каиафа с удивлением отметил, что между саддукеями и фарисеями, участвовавшими в захвате, не было враждебности, и они усердно поздравляли друг друга с успешным исходом операции. Он испытывал чувство гордости от того, что противоборствующие силы объединились, и он, Каиафа, устроил это, умело подобрав людей, возглавивших стражников и обеспечивших законность содеянного.

А кто, как не Каиафа обвел римлян вокруг пальца? Кто пошел к Понтию Пилату просить о помощи в чисто внутреннем деле, к коему эти язычники не имели никакого отношения? - Каиафа. А теперь, когда Синедрион вынесет Иисусу смертный приговор, как может Пилат, чьим повелением солдаты Цезаря Тиберия оказали содействие в аресте, отказать в утверждении приговора? Даже если он не утвердит казнь, он не сможет не признать, что направил два отряда, чтобы арестовать одного безвинного Человека. Это стало бы лакомой темой для очередного секретного доноса Ирода императору.

Нет, Пилат влип, и влип хорошо. Однако сейчас это беспокоило Каиафу меньше всего. Сейчас его главной заботой было созвать всех членов большого Синедриона на чрезвычайное заседание; заполучить свидетелей из левитов храма, способных поклясться в том, что они слышали, как Иисус, проповедуя на Паперти язычников, провозгласил Себя Сыном Человеческим; необходимо было также с помощью своих людей подогреть толпу, и когда Пленника поведут к Пилату за подтверждением приговора, все горожане должны быть настроены против Иисуса.

Каиафа обдумывал все это, когда кто-то обратил его внимание на маленького человека, державшегося в тени. Это был Иуда. Каиафа прервал свои размышления и бросил: "Расплатитесь с ним. Отведите его в храм и выплатите обещанные тридцать серебрянников".

Маленького человека поспешно повели улочками вниз по склону Горы Сион, а затем по виадуку в храм. По пути с ним никто не разговаривал. Распоряжение Каиафа было доложено старшим священникам. Они

предложили Иуде подставить ладони, куда стали отсчитывать серебро. Иуда кивал каждый раз, когда маленькая монета подала в потные руки, подтверждая счет священников. Наконец, упал последний серебряник.

Затем, отвешивая священникам почтительные поклоны и непрерывно бормоча слова благодарности, он положил деньги в мешочек и спрятал его в одеждах. Он продал Человека, обещавшего ему жизнь вечную.

4 часа

Анна не желал, чтобы Пленника ввели в дом. Он вышел на веранду и приказал подвести Иисуса. Стражники приволокли Его за веревки и не из-за презрения к Нему, а желая показать старцу свое усердие. Он поторапливали Христа пинками.

Старик уселся и стал внимательно изучать молодого Человека. Никому не дано знать, какие мысли приходили ему на ум, и какие вопросы звучали с его уст. Он сидел и смотрел, удивляясь, что побудило этого Человека выдавать Себя за Спасителя мира. Он не был похож на сумасшедшего, сведения, поступающие в течение года, свидетельствовали об обратном. Иисус На-зорей был умен, Он был сведущ в законах, хотя никто не знал, к какой раввинской школе Он принадлежал. Он был высок и крепок. Известно, что Он воздерживался от мирских соблазнов и не злоупотреблял вином. Он не был помолвлен и не был замешан ни в каких скандалах.

Почему же тогда Ему надо быть Мессией? Более двух лет этот Человек держит Палестину в напряжении. Все началось в Его родной Галилее, затем перекинулось в Иерусалим и далее до самого Иерихона. Его главной идеей была любовь, что в глазах старого священника не представляло опасности. Но народ почему-то стал отходить от храма, сначала небольшими группами, затем все больше. Кто-то докладывал - старик не помнит кто - что не так давно, когда Иисус покидал город, с ним ушло значительное число жителей, оставив дома, работу, хозяйство.

Анна смотрел очень долго. Нет, он не будет судить этого Человека. Пусть этим занимается Каиафа. По закону такие дела, где возможен смертный приговор, должны рассматривать не менее двадцати трех членов большого Синедриона, и старик не сомневался, что к этому часу его зять уже разбудил и созвал судей. И все же его снедал интерес, почему этот человек выдавал Себя за Мессию, по всей вероятности зная, что рано или поздно Он будет держать ответ перед храмом. На самом деле вероятность суда над Ним была в прямой зависимости от Его успеха. Этот так называемый Мессия преуспел. И Ему удалось бы избежать ответа и обвинения в богохульстве, если бы Он не опрокинул столы менял Анны и не поносил его торговлю животными.

Анна потуже затянул пояс полосатого халата. Он спросил, почему Иисус проповедовал ересь. Спросил он также, кто были ученики Иисуса и сколько их. Назаретянин спокойно смотрел на человека, который вскоре предстанет перед Богом и будет отвечать за свои деяния.

Иисус ответил ему с той мягкой уважительностью, которую иудеи питают к старикам: "Я говорил явно миру. Я всегда учил в синагоге и в храме, где сходятся иудеи, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня?" Иисус так же, как и Анна знал, что вымогательство показаний в судебном следствии от кого-либо кроме свидетелей было противозаконным. По закону задержанный не подвергался предварительному допросу.

"Спроси слышавших, что Я говорил им, - терпеливо продолжал Иисус. - Вот они знают, что Я говорил". Когда Иисус сказал это, один из стражников ударил Его по лицу, процедив: "Так отвечаешь Ты первосвященнику?"

Иисус встряхнул головой, приходя в Себя от удара, и обратился к стражнику: "Если Я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо, что бьешь Меня?"

Старый Анна ухмыльнулся и покачал головой. Он встал и велел отослать Иисуса Каиафе.

Ночь была холодной. С западу дул сырой ветер, и стражники кутались в плащи. Они сгрудились вокруг костра посреди двора, и жар углей кроваво отражался на их лицах.

Среди них на корточках у костра грелся юный Иоанн, любимец Иисуса. Он с Петром по пятам следовал за налетчиками и видел, как Учитель исчез за воротами. Мнения апостолов разошлись: Иоанн хотел пробраться внутрь, а Петр предпочитал осторожность. Когда Иисус был в доме Анны, юноша постучал в ворота для прислуги.

Дверь приоткрыла девушка и, приподняв лампу, взглянула на лицо Иоанна. Они обменялись приветствиями, и привратница впустила Иоанна, даже ничего не спросив, потому, что Иоанн и его семья были

хорошо известны первосвященнику. Юноша бродил по двору, пытаясь завязать разговор со стражниками и узнать, куда увели Пленника, а затем присел к огню.

Убедившись, что он не вызывает подозрений, Иоанн подошел к привратнице и сказал, что за воротами остался его друг, за которого он ручается. Девушка впустила Петра и, прикрывая рукой лампу, осмотрела широкоплечего мужчину с буйной светлой шевелюрой и бородой.

"Не из учеников ли Его ты?" - спросила девушка.

Петр замялся. Сглотнув, он гневно сверкнул глазами на девушку. "Нет!" ответил он.

Когда они подошли к костру, Петр прикрывшись плащом до подбородка и протянул руки к костру. Стражники говорили о налете и о том, как апостолы бежали при появлении солдат. Иоанн не вмешивался в разговор. Петр тоже молчал. На него уставился стражник, сидевший у огня напротив, и старший из апостолов подтянул плащ до самого носа.

Стражник указал пальцем на Петра и спросил: "Не из учеников ли Его и ты?" Петр покачал головой и сквозь плащ ответил: "Нет".

Начали прибывать члены большого Синедриона, с интересом рассматривая заполненный народом двор.

Среди них были и молодые, чьи лица не скрывали недовольства, что их подняли так рано. Они, как и полагалось судьям, с достоинством проходили к лестнице, придерживая плащи, не спеша поднимались по ступеням и входили в дом.

По закону возбранялось слушать уголовное дело в ночное время, и некоторые полагали, что Каиафа отложит процесс до утра. Однако, если бы слушания начались сейчас или позже, никто бы не обратил закон против Каиафы, ибо в этом деле даже фарисеи были с ним заодно. И хотя до рассвета было еще не менее часа, кто из них станет соблюдать закон и, став рядом с Иисусом, воскликнет: "Подождите!" - Никто.

Люди у костра услышали какое-то движение - и устремили взоры к дому Анны. По ступеням спускались слуги с фонарями, а между ними шел Иисус. Страх за Христа овладел Петром, и он не заметил, что плащ, которым он прикрывал лицо, опустился. Один из стражников, родственник потерявшего ухо в саду, спросил: "Не тебя ли я видел с Ним в саду?" Петр громко выругался и отрекся в третий раз: "Я не знаю, о чем ты говоришь".

Где-то вдали петух захлопал крыльями и пропел. Когда стражники по пути к дому Каиафы проходили мимо огня, Иисус посмотрел прямо на Петра. Старший апостол оцепенело глядел на Связанного, затем Ему вслед. Внезапно он зарыдал, закрыл лицо руками и убежал прочь.

* * *

После того, как Иисуса ввели в дом, все еще продолжали прибывать члены Синедриона. Опоздавшие знали Арестованного и Его вину, потому что в последнее время о Нем много говорили в высшем свете и обсуждали, как наилучшим образом поймать Его в западню. Поэтому любой опоздавший мог занять место в трехъярусном полукруге и слушать процесс, будучи в курсе дела.

Процесс был тайным. Позже от тех, кто присутствовал на этом судилище, просочились слухи, но считать фактами их трудно. Каиафа хотел собрать полный состав суда, и уже до его начала было семьдесят членов или около этого. Большой Синедрион уже собирался в этом доме ранее, и слуги расставили столы и стулья в нужном порядке. На обоих концах полумесяца из стульев были места для писцов.

Полагалось открывать заседания Синедриона с переключки членов, начиная с первосвященника, затем старейшин и далее до самых молодых. Затем должно зачитываться обвинение. Первосвященник оглашал его стоя. Обвинение просто сводилось к тому, что Арестованный в нескольких случаях провозглашал Себя Мессией, истинным Сыном Божьим, и этим совершал хулу против Бога и осквернял храм.

Никто не спросил Иисуса, как Он собирается доказывать Свою невиновность. Его руки и ноги были связаны, Он все время стоял. Сзади находились два дюжих стражника. По процедуре сначала слушали защиту, и сидящий в удобном кресле первосвященник трижды призвал к защите Иисуса. Ответа не последовало. Спокойный взгляд Пленника переходил от лица к лицу, из ряда в ряд, пока Он не увидел их всех. Среди них Он узнал двух своих последователей. Как и многие другие Его высокопоставленные сторонники, они держали свою приверженность Его учению в тайне. В этот час нельзя было раскрывать себя ни им, ни Петру с остальными. Поэтому они сидели с опущенным взором. Возможно, когда вызывали одного человека для защиты и одного для обвинения, кто-то из последователей Иисуса мог бы, робко подняв руку, сказать: "Я буду

отстаивать дело этого Человека".

Совещание с подзащитным было бы бесполезным, потому что обвиняемый не готовился к защите. К тому же, как сказал Иисус, Сыну Человеческому надлежит умереть так, как говорилось в Писании. Эти люди отвергли Его и Его миссию, и поэтому препятствовать трагедии было бессмысленно.

Вид Иисуса был отталкивающим. На щеках и бороде запеклась кровь, одежды были грязными, потому что всю дорогу Его толкали и пинали. Грязны были и босые ноги. Худощавое лицо было бледным, ибо Ему пришлось столько выстрадать в последнее время. Глаза Иисуса воспалились, а веки припухли.

Со всех сторон на Него обрушили вопросы, но Он не пытался отвечать. Первосвященник громким голосом объявил, что желающий быть свидетелем в пользу Иисуса может выйти и дать показания. Когда эхо его слов умолкло, наступила тишина. Никто не поднялся. Никто не вошел к комнате со словами: "Это праведный Человек. Это миролюбивый Человек. Это истинный Мессия, пришедший спасти двенадцать колен". Никто!

Судебное следствие началось с показаний свидетелей. Их полагалось заслушивать по одному. В основном, это были служители храма. Все члены Синедриона слушали их, а они били себя в грудь и клялись, что слышали своими ушами, как Галилеянин объявил Себя посланником Самого Ягве. Чтобы создать видимость должной процедуры, члены совета строго допрашивали их, и одно за другим рушились их лжесвидетельства. Старейшины беспокойно переглядывались. Были приглашены новые свидетели, но они настолько противоречили друг другу, что лживость их показаний была очевидной.

Иисус хранил молчание. Даже Ему казалось злой иронией, что тех, кто замышлял против Него, было так немного, а те, кто верил, что Он - Мессия, были так многочисленны и в то же время - первым никак не удавалось обернуть дела против Него, вторые и пальцем не пошевелили, чтобы спасти своего Учителя.

Первосвященник был вынужден пригласить других свидетелей - священников высокого ранга, и они показали, что слышали, как Иисус заявил, что если храм будет разрушен, Он сможет восстановить его в три дня. Образность речи палестинцев в первом веке труднее продемонстрировать на другом примере, ведь Иисус, говоря о храме, подразумевал Свое тело, но священники решили, что Он имеет в виду храм Соломона.

Но и в этом случае такое заявление вряд ли было богохульством и уж никак не уголовным преступлением. Фарисеи в своих повседневных толкованиях закона тоже допускали преувеличения. Все, кто присутствовал в этой комнате, но только не Каиафа, казалось забыли, что конкретное обвинение против Арестованного было само по себе малозначительным. Их первой задачей было углубить обвинение до такой степени, чтобы в глазах римского прокуратора он стал преступником. Конечно, то, что Он объявил Себя Сыном Божиим, не могло быть серьезным обвинением, потому что приход настоящего Мессии на землю был последней великой надеждой всей Иудеи, и если объяснить это римлянам, то последуют лишь насмешки языческого правителя. Но за отсутствием других показаний приходилось довольствоваться и этим.

Каиафа рассчитывал обвинить Иисуса в том, что Он призывал людей поклоняться идолам. Такое обвинение было бы идеальным, поскольку у римлян вызывал подозрение любой, кто привносил в сознание народа новые идеи; это, по их мнению, влекло за собой народное недовольство римским владычеством.

Обвинение в идолопоклонстве уже прозвучало из уст свидетелей, но их показания не совпадали с тем, что говорил Иисус, как и где, и обвинение отпало. Положение Каиафы было нелепым; он видел, что его замысел против Христа рассыпается.

Он поднялся с кресла, в полном облачении, в колпаке, и указывая перстом на Иисуса, произнес: "Что Ты ничего не отвечаешь?" Пленник посмотрел на него и не сказал ничего. Этот вопрос вызвал кривотолки среди ученых судей, но Иисус был невозмутим.

Каиафа попал врасплох. Он не мог доказать виновность Задержанного, не мог просить беспристрастных судей голосовать за обвинение. Несомненно, большинство судей ненавидели Иисуса и боялись Его религиозных новшеств, но в целом это были справедливые люди. Они желали осуждения Иисуса и Его смерти за ту опасность, которой, по их мнению, он подверг храм, но для этого им было нужно, чтобы два свидетеля, каждый в отдельности, дали одинаковые обвинительные показания.

Первосвященник продолжал стоять. Поскольку Арестованный не сказал ничего, что противоречило бы Закону, большой Синедрион вынужден был признать Его невиновным.

В отчаянии, почти умоляя, Каиафа прокричал: "Я заклинаю Тебя Богом сказать нам прямо, ты ли Христос,

Сын Благословенного?"

Он впился глазами в Иисуса, не надеясь получить ответ, ибо знал, что Пленник был хорошо осведомлен в законе и понимал, что сказать "нет" - значит признать перед множеством Своих последователей, что Он обманывал их; а сказать "да" - значит признать обвинение в богохульстве, потому что в глазах судей Он не был Мессией и не имел никакой надежды доказать обратное. И так как Он за все это время не проронил ни слова, все полагали, что Христос обойдет молчанием и этот последний вопрос и покинет дворец Каиафы свободным.

Но этого не произошло. В самый опасный момент Иисус решил говорить.

"Ты сказал, что Я, - ответил Иисус перепуганному первосвященнику. Даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных".

Словно гора свалилась с плеч первосвященника. Иисус сделал то, что не удалось другим - Он осудил Себя. Он, по сути, признал Себя виновным, хотя и не совсем так, как хотел Каиафа. Не нужны были уже бестолковые свидетели, хотя закон гласил, что слова обвиняемого не принимаются во внимание. "Ты сказал, что Я". Этого было достаточно. Большой Синедрион в полном составе был свидетелем заявления Иисуса, что Он послан Богом спасти Иудею.

Дальнейшие слова могли испортить признание, поэтому Каиафа с силой рванул ворот своей туники и разодрал на себе одежды. "Он богохульствует! закричал священник. - На что нам еще свидетелей? Вот теперь вы слышали богохульство Его. Как вам кажется?"

В голосовании не было нужды. Преступление было совершено в присутствии судей. Прозвучал нестройный хор голосов: "Повинен смерти!"

Иисус стоял, снова вглядываясь в лица, и увидел, что теперь лица судей перекошились от гнева. Он мог бы добавить: "Вы судили Меня ночью, а закон запрещает это". Он мог бы сказать: "Вы не можете приговорить Меня к смерти в тот же день, когда выслушиваете свидетелей". И, наконец, Он мог бы сказать: "Без Моих слов, без Моего признания, что Отец действительно послал Меня к вам, вы не могли бы осудить Меня".

Он не сказал ничего. А когда Каиафа объявил, что суд прерывается до утра, судьи стали покидать свои места. Некоторые подходили к Иисусу и плевали Ему в лицо. Вокруг Него собралась толпа, из которой сыпались удары кулаками. Иисус молча переносил это, но от некоторых ударов Он перегибался пополам.

Каиафа распорядился вывести пленника и хорошо охранять Его. Слуги вывели Его на веранду, а затем по ступеням в каменный двор. Теперь они тоже решили поглумиться над Христом.

Во дворе находился Иоанн. Когда Петр ушел оплакивать свою совесть, Иоанн остался, чтобы узнать решение совета. Когда стало известно, что Иисус обвинен в богохульстве и приговорен к смерти, Иоанн решил подождать и взглянуть еще раз на лицо Человека, Которого он так любил. Юный апостол едва сдерживал слезы, когда Иисуса вывели во двор, потому что связанный Христос был весь в синяках и грязи, с оплеванным лицом, а Его ноги дрожали от изнеможения.

После этого Иоанн ушел. Ему нужны были крылья, чтобы быстрее сообщить трагическую новость в Вифанию Матери Иисуса и тем, кто верил в Него.

5 часов

К Нему приходил с вопросами кое-кто из священников, но Он не отвечал. Он стоял прямо, глядя поверх их голов, никого не замечая. Священники рассматривали Его вблизи и не находили в Нем ничего, что привлекало так много людей. Они робко приближались к Иисусу, заглядывая в лицо и задавали один и тот же вопрос: "Какою властью Ты это делаешь?" При этом они испытывали страх, считая, что в любой момент случится нечто магическое, либо камни изрыгнут пламя, либо разразится гром. Но этого не происходило и они с отвращением изрекали "Вах!" и уходили прочь.

Стражники перетасили жаровню с углями ближе к тому месту, где стоял Иисус. В красных отблесках огня стало отчетливо видно печальное, окаймленное бородой лицо. Стражники расвирипели от того, что Иисус не отвечал священникам. Это было неуважением. Они начали задавать свои вопросы, а когда ответов не последовало, стали бить Его наотмашь по лицу, повторяя свои вопросы. Они делали это по очереди, и от сильных ударов голова Христа дергалась то влево, то вправо.

Надругатели входили во вкус жестокой игры. От пощечин они перешли к тяжелым ударам по голове, груди, животу. Когда Иисус согнулся пополам, сильный удар в лицо заставил Его распрямиться. Они стояли

вплотную и плевали Ему в лицо, наблюдая, как слюна стекает по щекам.

Кому-то пришла в голову мысль потешиться над Пленником. Они взяли тряпку и завязали глаза Иисусу. Приплясывая вокруг Него, они продолжали бить, приговаривая: "Пророки нам, Христос, кто ударил Тебя". Его обзывали всяческими скверными словами. Ноги у Него подкашивались, но мучители поддерживали Его до тех пор, пока Он не приходил в Себя, а затем били снова. Они не видели ничего предосудительного в том, что творят, ибо Пленник уже был приговорен к смерти большим Синедрионом, и по опыту знали, что осужденный был законной жертвой для садистских развлечений стражников. Если он ко времени казни - избияния камнями, удушения или распятия - еще находился в сознании, то им все сойдет с рук.

Они пришли к выводу, что этот Человек был слаб, потому что выдержал всего полчаса. Он обмяк и упал на колени, а когда мучители поднимали Его, они увидели, что глаза Его закатились, на щеках и на лбу обозначились глубокие борозды. Лицо Его было разбито в кровь, борода слиплась.

Стало известно, что первосвященник намерен препроводить Осужденного в храм вскоре после рассвета, поэтому стражники вытерли лицо Иисуса смоченной в воде повязкой. Им не хотелось, чтобы Он вызвал жалость у утренних богомольцев, идущих в храм. Когда первый розовый луч солнца озарил двор, Иисус уже мог держаться на ногах.

* * *

На самом возвышенном месте храма стоял дежурный левит, устремив свой взор на восток. В его темных глазах отражались посветлевшие зеленоватые и красноватые краски горизонта. А внизу в окружении других стоял один из старейшин храма, задрав голову вверх. Левит молчал. Он следил за ниточкой горизонта за Мертвым морем и над Моабскими горами.

Он не отрывал глаз от востока. Если бы он уклонился от своих обязанностей, то мог бы наслаждаться белизной храма и видом города. Краем глаза он видел, что у всех двадцати четырех ворот храма скопились люди, которые ждали его слова. Оторви он хоть на миг свой взгляд, он бы увидел шествие тысяч семейств по склонам Горы Елеонской, но у него было важное поручение, и даже если бы его глаза усохли, он бы не обернулся. Он даже в мыслях не допускал посмотреть назад, где из многих домов струился сизый дым, словно под невидимым потолком плоско растекавшийся над Иерусалимом. С запада по дороге из Иоппы двигались караваны паломников, сливаясь с караванами, идущими с севера, недалеко от западных ворот города в месте, известном под названием Голгофа или Лобное место. Пересекаясь, две дороги образовывали бледный крест.

Небо посветлело, превращая зеленоватые и красные тона в золотистые и розовые. Цвета рассеивались под небесным сводом и, наконец, левит увидел первое прикосновение солнечного света к горной вершине. Он сложил ладони рупором и крикнул вниз: "Солнце уже светит!" Далеко внизу прозвучал ритуальный вопрос священника: "Осветилось ли небо до самого Хеврона?" Этот город находился в пяти часах от Иерусалима. Левит прикрыл глаза рукой и осмотрел холмы к югу. Далеко за Вифлеемом он увидел белеющие стены Хеврона. Левит снова крикнул вниз: "Да!" В этот момент начиналось дневное время в Иерусалиме. Было около шести часов. Старейшина хлопнул в ладоши, и несколько священников поднесли к губам серебрянные трубы. Трубы прозвучали трижды, заполняя своим эхом все уголки города.

Иерусалим начал просыпаться. В храме приступили к своим обязанностям пятьдесят священников. Мягко шлепая босыми ногами по мрамору, вместе со многими другими, они собрались в Палате полированного камня, чтобы совершить ежедневное воскуривание фимиама.

Только один раз на служителей возлагалась эта обязанность. В собрании были немолодые священники, кому ни разу не выпадало счастье воскурить фимиам. Некоторые из пятидесяти дежурных священников удалились для осмотра четырехдневного жертвенного агнца. Его уже осматривали ранее, теперь по ритуалу это следовало повторить.

Стражники отворили все ворота храма, и люди устремились внутрь, словно паводок, растекаясь по дворам храма и напоминая водопады на лестницах. Мужчины и женщины собирались на своих папертях. Настал час утреннего молебна. Тихо бормоча, каждый сообщал о своих прегрешениях Ягве. Затем были прочитаны два раздела Писания, десять заповедей, а в завершение запели псалмы.

Жертвенному агнцу поднесли воды в золотой чаше, а затем на алтарь взошли священники со священными инструментами. Агнца подвели к алтарю и связали правую переднюю ногу с левой задней и наоборот. Когда его голову протаскивали сквозь железное кольцо в полу, он блеял от страха. Голову следовало обращать на

запад.

После этого появились два священника в нарядных одеяниях; один стал раскладывать в жаровне угли, а второй поправил свечи в семисвечнике. Агнец был уже уложен на алтаре, и к его маленькому горлу был приставлен нож. Выждав немного, священник с силой перерезал горло. Агнец беззвучно заблеял, а второй священник собрал кровь в золотую чашу и окропил ею жертвенный камень алтаря.

В Палате тесанного полированного камня еще один Божий слуга с двумя помощниками поднял молот и ударил в огромный гонг. Под гул гонга священники и паломники встретились и "пали ниц перед Богом". А над святыней поднимались и неподвижно висели в утреннем воздухе сизые облачка аппетитно пахнущего дыма.

Этот день начинался традиционным жертвоприношением. Он закончится новой Жертвой.

В доме Каиафы члены Синедриона ждали благоприятного часа встречи, рассаживаясь парами по двору. Некоторые из них в длинных одеждах и колпаках останавливались посмотреть на осужденного, другие проходили мимо. В доме царила суматоха, взад и вперед сновали нарочные, а знать стояла на веранде. В доме витала скрытая радость. Старцы заманили в ловушку мошенника от религии, и даже более того, им удалось вырвать из Него признания в богохульстве. Перед всем миром Он имел наглость назвать Себя Мессией! Более молодые члены Синедриона решили было, что Иисус душевнобольной, но если бы это было признано, тогда по закону Его нельзя было бы предать смерти, поэтому большинство сразу же замяло это предложение.

Иисуса уже признали виновным. Им оставалось лишь вынести приговор в дневное время и покончить с этим делом. Любому, кто хоть немного сомневался и допускал возможность, что Иисус - Мессия, стоило выйти в двор и взглянуть на Него. Он не был богоподобен. Он был просто жалок. Опухшее лицо Его было в ссадинах, на скулах краснели царапины, тяжелые веки закрывали глаза. Его руки дрожали, Он сторбился и выглядел старым.

Он Мессия? Ничего подобного. Это - грешник, нанесший непоправимый вред сознанию и вере народа.

Старейшины понимали, что если бы Его увидели последователи в таком виде, в храме вспыхнул бы мятеж, и разъяренная толпа забила бы камнями любого священника.

Созыв Синедриона и суд были неформальными. Теперь они соберутся в храме и примут решение, осуждающее этого беднягу на смерть. И это будет формально, а решение будет передано прокуратору на утверждение.

Никто в этом сборище, кроме одного-двух тайных учеников Иисуса, не испытывал к Нему жалости. В этих краях люди были скупы на жалость. Было жаль страдающего ребенка, умирающую красивую женщину. Но настоящее сострадание было вытравлено из умов строгостью религиозных требований той эпохи и страшными бедствиями от саранчи и проказы, которые постоянно преследовали народ. Для многих жизнь была не такой уж ценностью, она была дорога лишь тому, кому предстояло поплатиться ею.

Стражники подвели Иисуса к колонне и связали руки позади нее. Они туго стянули веревки, чтобы любое движение вызывало острую боль.

Стало уже совсем светло, и солнце поднялось над вершиной горы Елеонской. Узкие улицы заполнились торговцами и слугами, у лавок слышался звон ключей. Это был не только первый день Пасхи, в шесть часов вечера для всех начнется суббота, и лавки закроются раньше.

Язычники из Греции и Египта в этот ранний час тоже были уже на ногах. Среди них были странники, но в основном, они были купцами, и с уважением относились к религиозным законам иудеев. К полудню они закончат свои дела, и в три часа их караваны будут уже на обратном пути. По городу бродили небольшие подразделения римских солдат, но люди уже привыкли к ним. Привыкли, но никогда не могли смириться с иноземным, римским владычеством.

Сверхрелигиозные фарисеи при виде легионеров отворачивались, а женщины прикрывали свои лица накидками. В адрес молодых евреек римляне отпускали недвусмысленные шутки.

На пороге дома появился слуга и передал стражникам приказ, чтобы Пленника отвели в храм и ждали дальнейших указаний первосвященника. На руках Иисуса ослабили веревки и вывели Его со двора. С противоположной стороны улицы глазела небольшая толпа, в которой было несколько Его учеников. Они хотели быть поближе к Христу, но боялись быть схваченными.

Они скорбно наблюдали, а когда Иисус поднял глаза и стал вглядываться в толпу, некоторые отвернулись и в отчаянии заплакали. Галилеянина повели через Сионскую гору, вниз в Тиропенскую долину и по виадук

прямо в храм. Многие видели Его на улицах, но вряд ли кто узнал в Этом Человеке с распухшим, посиневшим лицом Мессию, Иисуса из Назарета.

Среди тех, кто стоял у дома Каиафы, был и Иуда. Ему заплатили за работу, но он хотел знать, что стало с его Господином и Учителем. Он ждал, а когда Иисус появился, Иуде стало плохо от того, что он увидел. Он был потрясен, и искреннее раскаяние охватило его. Он не верил, что Иисус был Мессией, но он знал по своему опыту, что во всем мире не было человека добрее Иисуса.

Конвой проследовал мимо. Иуде было больно видеть, как стражники толкали и пинали Иисуса, когда Он спотыкался. Его сожаление перешло в ужас, и он непрерывно твердил себе, что не хотел этого. Возможно, Иисус заслуживал наказания, возможно, его могли сослать в Галилею или еще дальше. Но только не это.

Иуда обезумел от горя. Но ему было необходимо знать, что будет дальше, и он, накинув на лицо капюшон и держась в отдалении от своего близкого Друга, поспешил за небольшим отрядом.

РИМЛЯНЕ (из истории)

В те времена Римской империи было более семисот лет, но она продолжала расширять свои границы, хотя и без того ее владения охватывали огромную часть мира, того мира, который пришел спасти Иисус. Империя включала земли, прилегающие к Средиземному морю, где жили многие народы различных цветов кожи. Флаги империи развивались вдоль Рейна, Дуная, в Северной Африке, Португалии, Сирии, Бельгии, Египте и на обжитых землях между этими странами.

Императору Тиберию Цезарю было семьдесят лет. Это был тощий, прыщавый и брюзгливый старик. В юности наибольшую радость ему приносила учеба, а самые больше неприятности он испытал от своей матери, Ливии. Она донимала Тиберия на всем протяжении его восхождения по ступеням политической лестницы. Зато, когда он достиг ее вершины, Ливия не удостоилась даже его взгляда.

Он был сильной личностью, был предан империи, но у него были и недостатки: часто он совершал административные промахи и совершенно не проявлял никаких эмоций, за что римские сенаторы прозвали его "маской". Будучи молодым офицером, он научился подавлять свои чувства, а с годами для него стало невозможным проявление радости или горя. Тиберий находил утешение в астрологии и был равнодушен к религии.

Однажды он влюбился. Женщину звали Вискания, и она стала его женой. Наедине с ней Тиберий был оживлен и весел, проявлял всю глубину своих чувств, словно ребенок, показывающий приятною сокровенные игрушки. Но мать и Цезарь Август плели против него интриги и добились развода. Однако следующий брак с Юлией не был удачным.

Правление Тиберия считалось конституционным. При скрупулезном изучении оно не было таковым, но в его начальный период Тиберий отправлял в Сенат даже самые незначительные дела. Он сделал правилом участвовать в заседаниях Сената, выступать в качестве его члена, хотя нередко и оказывался в меньшинстве. Острословы высмеивали императора и его семейство, и когда Цезарю говорили это, он отвечал, что в империи торжествует свобода слова и мысли.

Тацит был в оппозиции, но и он признавал, что назначения на должности, направляемые императором в Сенат на утверждение, "были глубоко взвешены". Тиберий стремился сохранить Рим прежних дней, Рим, в котором консулы и прокураторы сполна пользовались своей властью. Он стремился к миру на границах и не хотел новых налогов и угнетения подданных. Он призывал любого, кто не соглашался с ним, решить дело в суде.

Тиберий вступил на трон в возрасте пятидесяти шести лет, совершенно не разбираясь в экономике, а сейчас в свои семьдесят он знал довольно много. Документы свидетельствуют, что в начале его правления в казне было сто миллионов сестерций, а после его смерти там осталось более двух миллиардов.

Жестокое соблюдение закона и прав продолжались первые девять лет правления Тиберия, когда он говорил, что его власть исходит от Сената и народа, и он лишь главный судья нации. Но постепенно Тиберий становился самодержцем, что особенно проявлялось в его абсолютной власти в провинциях, хотя в метрополии он пока оставался демократичным властелином. Двойственный характер правления не мог

продолжаться долго, и со временем самодержавие одержало верх и в Риме. Цезарь стал абсолютным правителем. При назначении судей он отдавал предпочтение друзьям. На пятнадцатом году правления Тиберий расположил у стен Рима огромный гарнизон, который подчинялся лично ему и представлял серьезную угрозу для противников, но был скрытой угрозой и самому императору.

Тиберий был во многом справедливым, но беспощадным монархом. В провинциях его правление было более успешным, чем в Риме, и если Тиберий узнавал, что какой-то легат или прокуратор ущемил права подданных, то им приходилось испытать на себе весь его гнев. Он держал их в постоянном страхе, и будучи крайне подозрительным, повсюду имел осведомителей. Назначив Понтия Пилата на не очень заметный пост прокуратора Палестины (благодаря его жене), он готов был снять его с этой должности по малейшему поводу, хотя и заявил однажды, что заинтересован подольше держать прокураторов на одном месте, ибо разбогатев от грабежа подданных, они оставят в покое Рим.

Город Рим - ось, вокруг которой вертелось колесо империи; средоточие культуры и распутства, центр деловой активности и закулисной политики, огромной мощи и мелкого сутяжничества. Даже в области юриспруденции римляне отличались тем, что перемежали практическое мышление нелепыми суевериями.

Интерес представляли обычаи и нравы граждан Рима, особенно если сравнивать их с религиозными традициями Иерусалима. Строго блюлась нравственность римских девушек, в то время как юношам из порядочных семейств не считалось зазорным посещать луна-парки с публичными женщинами. Подобные заведения регистрировались и контролировались, при этом должны были выполняться два основных требования: бордель должен находиться за пределами городских стен и открываться после наступления темноты. Все проститутки состояли на учете у властей и должны были носить тоги вместо столлий.

Продажные женщины постепенно уступали позиции образованным любительницам любовного искусства, которые могли петь и танцевать, читать стихи и вести светские разговоры. И те, и другие занимались своим ремеслом во всех частях города и флиртовали даже в храме богини Изиды. Овидий писал, что на городских улицах, в театре, в цирке Максимус "их было столько, сколько звезд на небе".

Проституцией занимались и мужчины. Закон смотрел на гомосексуализм довольно строго (в Иерусалиме этот порок наказывался избиением камнями), и в то же время поэты воспевали его. "Я поражен стрелой любви, - писал Гораций, - к Лициску, который нежнее любой женщины". С этим распутством боролись, а родители нанимали брачных маклеров, чтобы поскорее найти мужей своим юным дочерям. После девятнадцати лет незамужняя женщина считалась старой девой.

Как и в Палестине, брак устраивали родители. Помолвленные юноша и девушка часто не видели друг друга. Не было не только ухаживания, но и самого этого слова в языке. Юноша никогда не писал стихов девушке своей мечты. Он посвящал их замужней женщине, поклонником которой был, или иной женщине, на которой и не помышлял жениться. В молодом возрасте Сенека писал, что замужняя женщина, довольствующаяся всего двумя любовниками - образец добродетели.

Знатные римские женщины носили роскошные одежды, белье из тонких тканей. Прозрачные вуали скрывали скорее не лицо женщины, а его недостатки; в ходу были косметика, парики, маникюр. В зимний холод женщины кутались в красивые меха.

Богатые дома Рима были тщательно спланированы и роскошно обставлены. Мозаичные или из мраморной крошки полы, просторные комнаты, окаймленные колоннами из мрамора, чистого оникса или гипса, стены, расписанные пейзажами или сценами сражений. Потолки покрывали сусальным золотом или сооружали полностью из стекла. Деревянные столы на ножках из слоновой кости, диваны, украшенные слоновой костью, золотом и серебром. Изящные канделябры отливали из бронзы. Всюду картины и статуи, а по углам стояли вазы внушительных размеров из коринфской бронзы.

Конечно, такое можно было видеть в лучших домах, но в Риме их было много. Для охраны таких владений требовались рабы; в некоторых домах их число достигало четырехсот. Единственное, чего не мог купить хозяин такой "выставки", было уединение; когда он ел, по обе стороны стояли готовые услужить рабы; когда раздевался, у каждой сандалиии возился раб; даже в бане не него глядели молчаливые рабы.

Мелкие торговцы и ремесленники приступали к своим делам на рассвете. Полуденный обед сопровождался сиестой, после которой деловая жизнь продолжалась до захода солнца. Для маленького человека любимым времяпрепровождением была баня. Римляне заботились о чистоте своего тела больше, чем

о поклонении богам, и мылись часто и, как правило, публично.

Пища была скудной и состояла из хлеба, сыра, овощей, фруктов и орехов. Богачи ели мясо, отдавая предпочтение жареной свинине. Их изощренные вкусы постоянно требовали чего-то нового. Так, высоко ценились крылья страусов, гусиная печень, острые языки фламинго. Иногда ради развлечения гостей рабы вносили в пиршественный зал огромную живую рыбину и бросали ее в кипящую воду, и все с плотоядным удовольствием наблюдали, как менялся цвет рыбы.

Рим имел лучшие в мире мощные улицы, которые с раннего утра заполняли толпы людей. Мужчины выглядели почти одинаково, так как практически все были коротко острижены и носили свободные одежды и сандалии. Август Цезарь, предшественник Тиберия, добивался, чтобы граждане Рима демонстрировали свою "особенность", одеваясь в тоги на улицах города. Он запретил законом ношение тог кому-либо, кроме граждан Рима, и мог покинуть собрание, если замечал, что мужчины были одеты не в эту одежду.

Моды и нравы римлян распространились и в провинции, в завоеванных странах. В Иерусалиме недалеко от храма был построен римский театр и амфитеатр, что очень возмущало иудеев. Оба сооружения подражали оригиналам в столице мира, и каждое стремилось быть величественнее оригинала.

В театре играли греческие пьесы, как правило, это были трагедии, и римские пьесы, которые часто были весьма пошлые. В некоторых местах спектакля публике позволялось просить актеров раздеться догола. Женщин, исполняющих роли в театре, относили к разряду проституток. Среди исполнительниц не было иудеек, и среди зрителей редко можно было встретить иудеев, это были лишь друзья царя Ирода, евреи по крови, но римляне по нраву.

Амфитеатр использовался от случая к случаю из-за высокой стоимости спортивных представлений. Говорят, что иногда зрелищ там не бывало лет по пять, и в такие периоды площадки использовались для муштры и военных игр легионеров или для пыток рабов и военнопленных.

Когда представления устраивал Ирод, они во многом походили на подобные развлечения Цезаря. Это значит, что на зрелище приглашались все знатные римляне и иродианцы, и их взору представляли кровавые схватки военнопленных, вооруженных копьями, с осужденными преступниками со всей провинции, защищавшихся короткими мечами. Каждый раз за отважную и красивую борьбу гладиаторам давали свободу.

Высоко на террасе была отдельная ложа, где восседал прокуратор, его знатные гости и придворные. Остальную часть амфитеатра заполняли толпы римских лизоблюдов. Вход был свободным, и в отличие от Рима повсюду били фонтаны ароматизированной воды, наполняя воздух благоуханием.

Между рядами возили тележки со всякой снедью и напитками, а против ложи играл оркестр струнных инструментов, стараясь отразить в музыке то, что происходило на арене. Зрелище не было столь жестоким и замысловатым, как в Риме, где перед началом боя гладиаторов можно было увидеть обезьян верхом на собаках, мелких животных в колесницах, босоногих мальчишек, пляшущих на спинах быков, слонов, "знающих" латинские буквы. Только в одном утреннем представлении в Риме участвовало до четырехсот тигров в смертельной схватке с быками и слонами. В день открытия Колизея на подобном представлении погибло пять тысяч животных. Зверей, не участвующих в бое, убивали железными дротиками и каленым железом.

Одним из самых популярных номеров был бой между человеком и быком. Кровожадная толпа ревела от одобрения, когда гладиатор корчился на рогах у быка или бык, пошатываясь, опускался на колени, а в его черную блестящую шкуру многократно вонзался длинный нож.

Приговоренных к смерти одевали в звериные шкуры и отправляли на арену, на которую выпускали изголодавшихся хищников. У толпы захватывало дух при виде обреченных людей в звериных шкурах, прижимающихся к ограждению, в то время как львы и тигры со страшным рычанием, разъяренно сверкая глазами, подбирались к безоружному человеку. А после "спектакля" лекари исследовали внутренности растерзанных людей с целью изучения анатомии.

Римляне считали себя гуманными, позволяя приговоренным к смерти или рабам сражаться на арене за свою жизнь. Они рассуждали так: "Им все равно погибать, а мы даем им шанс". Почти всегда в схватке гладиаторов побежденного убивали. Тот, кто проявил в сражении невиданную отвагу и победил, мог рассчитывать на одобрение зрителей и немедленную свободу, а победители, не отличившиеся в бою, и раненые получали врачебную помощь и после выздоровления снова готовились к боям. Если военнопленный выходил живым из сражений в течение трех лет, его передавали в рабство, и если он сумел угодить хозяину, то

через два года получал полную свободу.

Среди гладиаторов было много случаев самоубийства. Они падали вниз головой с высоких сооружений, бросались под колеса мчавшихся колесниц, пронзали себя мечами. Притворившихся мертвыми раненых гладиаторов касались раскаленным железом и, если они корчились от боли, их добивали железными палицами.

Почти все иудеи, проходя мимо римского театра и цирка, отворачивались.

Одной из исторических заслуг Римской империи, ставшей впоследствии республикой, было объединение Европы. Римские легионы поддерживали мир на всей огромной территории, помимо Рима и Италии включавшей тридцать провинций. Конечно, всегда существовала угроза восстаний, особенно в таких провинциях, как Галлия, Испания, Мавритания и Тракия.

Палестина не причиняла никаких беспокойств легату в Сирии. Она была крошечной, слабой и даже не имела своего войска. Ко времени конфликта между Иисусом и первосвященником храма Палестина, или по крайней мере ее часть, была протекторатом и провинцией Рима в течение девяноста трех лет.

И как бы доброжелательно Рим не относился к Палестине, евреи не были счастливы, ибо более всего они ценили свободу. Самым славным днем в году у них было празднование выхода иудейского народа из египетского рабства.

Евреи все же признавали, что они очень много переняли у римлян, особенно в области техники - как строить хорошие дороги, дренажные системы, акведуки, канализацию. С другой стороны, иудеям претил один вид римских патрулей (четыре солдата и центурион) на своих дорогах, и они недовольно ворчали по поводу множества мелких налогов и податей. Были налоги на торговые сделки, на товары в лавках, налоги на рабов, прибыли, пошлины на экспорт и импорт, на смерть, чрезвычайные налоги на подавление восстаний в других провинциях.

Интересно, что римляне сами не собирали налогов. В городах и деревнях они поручали это дело евреям.

Поступление налогов в казну обеспечивалось службами прокуратора, который знал, например, что из города Каны за год должно поступить 50000 шекелей в виде разных налогов. Он передавал право собирать подати местному гражданину и подкреплял его полномочия вооруженными солдатами. За эту службу Рим был готов уступить мытарю десятую часть собранных денег. Конечно, если сборщик налогов оказывался проворным, он собирал более 50000 шекелей, и в этом случае его доля превышала 5000 шекелей. Римляне строго следили за этим и не позволяли мытарям взимать непомерные налоги или вступать в сделки. Например, если купец должен был заплатить годовой налог в 500 шекелей, он мог договориться с мытарем и уплатить ему официально 250 шекелей, а 150 шекелей дать в виде взятки. Мытарь при этом покрывал недостатки более высокими налогами с бедных и неграмотных людей. За такие махинации римляне избивали мытарей палками.

В Вечном городе все налоги находились под контролем назначаемого императором цензора. Он должен был знать, сколько подданных было в каждой из тридцати провинций Цезаря, каков был общий доход провинции и сколько должно было поступать в казну Рима. Каждый император чеканил монеты со своим изображением и изымал из обращения прежние. Он объявлял свои деньги единственно законным во всем мире. Местные деньги имели ценность только в провинциях.

В округе Рима и в самой столице люди ездили на конных колесницах или верхом на ослах. Многих носили рабы в паланкинах. Путешествие по морю было медленным и таило немало опасностей. С 10 ноября по 10 марта навигация по Средиземному морю закрывалась, так как этот период был штормовым и ненадежным. При благоприятной погоде в Иерусалим можно было добраться не менее чем за сорок шесть дней.

Владельцы торговых судов еще в феврале объявили, что евреи, живущие в Риме, могут заказывать проезд на пасхальное паломничество в Иерусалим, и когда восемь тысяч иудеев толпилось за получением места на корабли, они вымогали с пассажиров взятки. Эта наглая практика стала столь распространенной, что о ней стало известно Августу Цезарю, и он издал императорский рескрипт, гарантирующий всем иудеям право путешествовать "домой" в святые дни за номинальную плату.

За двадцать один год до рождения Христа император Август разделил римские провинции на две категории. Надежные провинции, как, например, Италия, назывались сенатскими провинциями и управлялись сенатом Рима. Этот орган назначал в эти провинции проконсулов. Как правило, они служили лишь год и очень редко назначались на повторный срок. Провинции второй категории располагались на окраинах империи и

находились под началом прокураторов и легатов, которых назначал император. Сенатские проконсулы были римлянами в ранге сенаторов, а прокураторами обычно были крупные торговцы, находившиеся в политической милости императора.

Палестина была окраинной провинцией.

Римская армия была создана как средство обороны, и всегда находилась в боевой готовности. Она начиналась с воинской повинности граждан, а закончилась как армия пожизненных профессионалов. Вначале она использовалась как сила для защиты города Рима, а вершиной ее истории было покорение мира.

Римская армия была послушным орудием политики и постепенно совершенствовалась. Когда ее пехота потерпела поражение от кавалерии варваров, римляне ввели этот новый для них вид боевых войск, и в римских легионах появились лошади. Когда копье стало безобидным по сравнению с катапультой, Рим обучил многочисленные когорты обращению с этой машиной. В мирное время мощь армии была на более высоком уровне, чем требовалось, в случае войны в армию призывались все мужчины от семнадцати до шестидесяти лет - все, кому было до сорока семи лет, участвовали в сражениях.

В своей стратегии римская армия была непревзойденной. Ей понадобилось почти триста лет, чтобы покорить Европу, поставить на колени Азию и Африку, а началось все с завоевания Италии.

Основной боевой единицей армии был легион, состоящий из трех тысяч пехотинцев с тяжелым вооружением, тысячи двухсот человек легкой пехоты и 300 кавалеристов. Действительная сила армии заключалась в тяжелой пехоте. Каждый пехотинец имел на вооружении большой металлический щит, шлем из металла, кожаные латы, закрывающие тело от шеи до поясницы. Часть пехотинцев имела короткие испанские колющие и режущие мечи, часть - копья. Легион делился на манипулы по 120 легионеров, которые передвигались в битве словно шахматные фигуры. Между манипулами оставалось пространство и те, кто был на передовой, могли легко отступить, дав возможность свежим силам выйти вперед. По полевой тактике тридцатых годов нашей эры на врага нападали сначала манипулы с нечетным номером. В противника летели тучи копий, а затем завязывался бой мечами. По сигналу эти манипулы быстро ретировались, а в бой вступали четные манипулы. Каждым легионом командовал трибун, а во главе манипулов были центурионы - опытные офицеры или молодые люди из знати, начинающие военную карьеру.

Для содействия в боевых действиях привлекались "союзники" - армии покоренных народов. Их обучали римские офицеры, разбив союзников на небольшие подразделения по 500 человек, именуемые когортами. Обычно эти силы использовались на флангах легионов.

Профессиональные легионеры римской армии вербовались на двадцать лет. Служба и плата за нее были весьма строги. При выходе в отставку легионер получал денежное вознаграждение или землю в провинции, в "союзной" армии срок службы был дольше, плата меньше, но отставник получал римское гражданство для себя, жены и детей.

Двенадцатый легион, находившийся в Палестине, был разделен на две бригады: первая, состоящая из римских солдат, служила в Кесарии, а вторая, преимущественно из сирийцев, была расквартирована вдоль арабских границ и стояла гарнизоном в крепости Антония. У них были особые когорты верблюдерии, лучников, всадников, полевых лекарей, ветеринаров. Была и военная полиция.

Иудеи ели мясо только по праздникам, в то время как солдаты-сирийцы в Иерусалиме ежедневно получали по два фунта мяса и зерна. Пастухи с холмов вокруг Палестины и Вифлеема большую часть баранины продавали римлянам.

Сирийцев редко перебрасывали в другие провинции. Они несли службу в Палестине, где отчужденность евреев к ним часто перерастала во враждебность. Даже в свободное время солдаты не выходили в город, предпочитая играть в кости в крепости. При виде марширующих отрядов в металлических шлемах, коротких туниках и кожаных сандалиях иудеи плевались. Солдатам не позволялось отвечать на недружелюбные действия граждан.

После двух-трех лет службы в Палестине сирийцев переводили на отдых в Антиохию на Хризорею. Она была построена к востоку от реки Иордан специально для греков, римлян и сирийцев. Там разводили свиней и делали различные напитки. Вдоль улиц размещались лавки, где можно было купить любой товар. В городе был ипподром и два цирка для римских игр. В театральных пьесах преобладал грубый солдатский юмор.

Трудно было представить более разительный контраст между вольной, праздной и роскошной жизнью в

Риме и строгой жизнью в Палестине, где мельчайшая деталь ежедневного существования регламентировалась законом суровой религии. Это словно два разных мира. И все же, Христос пришел на землю, чтобы спасти и тех и других. И оба этих мира объединились, чтобы вынести самый драматический смертный приговор в истории человечества.

ПОВЕСТВОВАНИЕ 7 АПРЕЛЯ 30 ГОДА Н. Э.

6 часов

Иуда, не желая отстать от Человека, Которого он предал, следовал за отрядом до самых ворот храма, а там, смешавшись с богомольцами, проник внутрь никем не замеченный. Его охватила паника. Если бы он только мог схватить Иисуса за руку и убежать! Если бы то только мог вернуться к Каиафе и сказать!.. Чувство страха, сменившее холодок внутри, было вызвано не верой в Иисуса и даже не дружбой с Ним, ибо предатель не способен на дружеские чувства. Что не давало покоя Иуде, так это воспоминания о нежности и доброте этого Человека даже к тем, кто причинил Ему много вреда. Иуда не мог предвидеть издевательств над Иисусом, а сейчас изменить что-то было уже слишком поздно.

В юго-западной части храма по соседству с самым большим двором в помещении из белого и черного мрамора собирались члены большого Синедриона. С двух сторон этого просторного зала полукругом были расставлены три ряда стульев.

Иисуса препроводили туда и поставили посреди зала. Всего в полсотне шагов отсюда народ непрестанно молился Его Отцу. А в тридцати шагах на царском портике верившие в Иисуса евреи спрашивали друг друга, не придет ли в такое благословенное утро Иисус Христос, чтобы проповедовать и исцелять. Здесь же, где Он стоял, Его считали опасным существом, которое должно быть уничтожено быстро и тихо, дабы сделать эту землю безопасной ради Отца. Его вид вызывал кривые усмешки на надменных лицах. Мышцы Его ног сводило в судорогах, язык облизывал пересохшие губы, жаждавшие влаги. Попросить пить было бы неразумно, ибо это представило бы страже еще одну возможность для жестокой игры. И Он сохранял спокойствие, моля Отца дать Ему еще силы.

Когда Иисус увидел старейшин, которые входили в зал медленно и торжественно, мельком оглядывая Его и рассаживаясь по рядам, Он выпрямился и устремил взор поверх голов судей на стену. Вошли остальные и заняли места с противоположной стороны. Затем появился Каиафа и сразу начал разбирать показания. Он не стал терять времени на Подсудимого, не домогался от Него показаний и не упрекал Его. Каиафа добивался более важной для него цели смерти Иисуса. И поэтому его речь была адресована тем семидесяти присутствующим, кто слушал итоги дела. Они же поглаживали бороды и покачивали головами в знак одобрения, плотно сжимая губы и прищуривая глаза, будто бы в мудрых раздумьях.

Первосвященник напомнил, что суд уже присудил стоящего перед ними Человека к смерти по обвинению в богохульстве, и что зачитывание показаний и признание вины подсудимым не имело никакого значения. Сейчас они должны проголосовать формально, поименно, чтобы утвердить этот приговор. Конечно, сказал он не без удовольствия, следовало бы все взвесить до следующего дня, как того требует закон, но кто станет обдумывать все это в субботу, которая вступит в свои права чрез несколько часов.

Каиафа напомнил им, что Подсудимый неоднократно осквернял субботу, занимаясь исцелением мнимых больных и слепых, а также выводил своих сообщников из оцепенения, похожего на смерть. И все это по субботам. И если закон гласит, что тот, кто живет мечом, от меча погибнет, что может быть справедливее, чем убить богохульника прежде, чем заходящее солнце возвестит о начале особо святой субботы?

"Он богохульствует!" - восклицал Каиафа. Писцы приступили к поименному голосованию, начав с самых молодых членов совета. Они вставали и один за другим говорили: "Он виновен! Смерть Ему!" Когда опрос был окончен без единого голоса против, писец записал имя Осужденного, обвинение, факт виновности и приговор.

Это вместе с Осужденным будет направлено римскому прокуратору для утверждения приговора.

Два места в большом Синедрионе пустовали. Это были места друзей обвиняемого - Никодима и Иосифа Аримафейского. Число лиц, в чьих руках была жизнь Иисуса, исключая Каиафу, было не более шестидесяти

восьми, по два на каждый год Его жизни.

Первосвященник сошел с возвышения и направился в дальний угол зала. Там он снял золотой обруч со своей митры, на котором была надпись "Святость Ягве". По древней легенде, когда наступит последний день искупления, Бог прочитает эти слова, смягчится и простит всех богохульников.

На время краткого судебного слушания на Подсудимом ослабили веревки, и Он потирал онемевшие запястья. Каиафа шепотом советовался с книжниками. Теперь предстояло отвести Иисуса к Понтию Пилату. Во всей процедуре задержания Преступника, суда и приговора Каиафа больше всего опасался этого последнего шага. Этот сдержанный человек мог снисходительно относиться к иронии Пилата, его поддельному смущению перед иудейскими законами, к его нескрываемому презрению ко всем евреям. Но если прокуратор не согласится с тем, что преступление заслуживает вынесения смертного приговора, тогда любые обращения к логике и юрисдикции будут тщетными. Иисуса освободят, и Его глас станет еще громче, чем ранее. Придется закрывать храм.

Один из книжников сообщил, что несколько дней назад он видел, как Иисус осмотрел монету и сказал, что по справедливости Кесарево должно быть Кесаревым. Совещавшиеся согласились, что изречение можно использовать против Иисуса, и долго обсуждали эту идею. То, что заявил Галилеянин, могло только удовлетворить Пилата, потому что эта краткая фраза одобряла справедливые налоги и тем самым монету. Но если это заявление немного изменить и сказать прокуратору, что этот негодяй призывал народ против Цезаря, подстрекал на восстание против римского правления, тогда Пилат независимо от его осведомленности в истинном положении вещей не осмелится освободить этого Иисуса. Если бы легату в Сирии или Тиберию в Риме стало известно, что Пилат взял на себя смелость выпустить на свободу того, кто призывал к свержению Цезаря, под вопросом оказалась бы свобода самого Пилата.

Первосвященник сказал, что обдумает это предложение. Всего два года назад Каиафа сразился с Пилатом для пробы сил. Прокуратору сказали, что легионеры не должны ввозить в Иерусалим щиты с изображением Цезаря, иначе иудеи могут взбунтоваться. Однако Пилат приказал укрепить на стене крепости Антонии сотни щитов изображением к храму. Народ роптал, и Каиафа с Анной, посоветовавшись, доложили об этом прямо Тиберию. Император направил Пилату приказ немедленно убрать щиты и отвезти их в храм Августа в Кесарии.

Каиафа устроил так, что когда щиты снимали со стены, на паперти язычников было полно людей, которые насмеялись и злословили. Пилат был унижен, иудеи взяли верх. Они еще не забыли, как Пилат заставил храм дать деньги на строительство виадука.

Первосвященник предчувствовал, что Пилат превратит дело Иисуса в очередную пробу сил. И не потому, что так беспокоился об этом Осужденном. Жизнь или смерть Иисуса не имела для прокуратора никакого значения. И хотя Каиафе удалось привлечь римлян к аресту Иисуса, ему не давала покоя мысль, что Пилат сделает все возможное, чтобы досадить Каиафе и его тестю, как бы законно ни было обставлено дело.

Однако презренный язычник не должен был бы вмешиваться в дело, касающееся внутренних вопросов Палестины. Пилат утверждал смертные приговоры иудеев, не вдаваясь в суть дела. В последние дни было совершено несколько распятий на трех деревянных крестах, вкопанных на холме Голгофе. Римляне тоже пользовались ими для наказания своих преступников и евреев, совершавших преступление против государства. Только вчера большой Синедрион осудил двоих преступников, и оба иудея томились в темнице Антонии в ожидании распятия. И Понтий Пилат утвердил смертные приговоры без малейшего колебания.

Кто знает, может и сегодня утром он не будет сомневаться. Возможно, Каиафа и его саддукейское окружение беспокоятся напрасно. Они были мудры и знали, что залог успеха был в уменьшении религиозных факторов в деле Иисуса. Его надо было представить мелким, дешевым религиозным жуликом из Галилеи. Если Пилат установит, что у этого Человека масса последователей - все будет потеряно, ибо прокуратор сразу же начнет свою игру, натравливая одну группу иудеев на другую. Если бы ему удалось расколоть Палестину, то это была бы идеальная ситуация с точки зрения угнетателя.

Каиафе не давала покоя мысль, что любой промах в этом деле со стороны священников мог настроить людей против храма. В этой борьбе большинство людей перейдет на сторону шарлатана, так как Он мог творить чудеса, а священники нет. Со временем священный храм может превратиться в подобие египетских пирамид - в огромную гробницу.

Один из старейшин предложил, что было бы неплохо собрать толпу, ропшущую против Иисуса в присутствии Пилата. Небольшая группа заговорщиков умилилась простоте этого замысла. Но кого же согнать? Придется прибегнуть к услугам стражников храма и сил "полиции". Те, кто зарабатывает на жизнь в храме, должны поработать ради его сохранения. И не важно, во что они верили, впечатляла их или нет эта дикая история с Лазарем, восставшим из гроба - они будут делать то, что им прикажут.

Было решено собрать служащих храма под надзором нескольких священников. В переходе к Антонии через весь город эти люди тесным кольцом окружают Иисуса, чтобы к Нему не могли пробиться Его ученики, и чтобы Пленника было трудно разглядеть. А в Антонии служащие по приказу священников станут протестовать под сводами крепости.

У Каиафы отлегло от сердца. Он велел подготовить Осужденного к шествию, которое начнется, как только из храма придут священники и служащие.

Иисус ожидал стоя.

* * *

Священники отдали распоряжение гонцам и стражникам, и те, выслушав, что от них требовалось, поспешили во все концы храма, расталкивая молящихся, которые поражались такому поведению в храме Господнем. В это ясное, свежее утро на территории храма было около тридцати тысяч верующих. К полудню, когда придут запоздалые караваны из диаспоры, их число заметно возрастет. У всех ворот и на лестницах началась давка, родителям приходилось поднимать детей над головой и пробиваться таким способом в безопасное место.

Многие, кто прибыл из дальних земель и видел храм впервые, не мог оторвать глаз от красоты его, вызывавшей слезы восхищения. Иные молились громким речитативом, другие лежали ниц, припав горячим лицом к прохладе мрамора; многие стояли на коленях и усердно шептали обращения к Богу. Были и такие, кто просто любовался великолепием храма, забыв от нахлынувших чувств о молитве.

Иуда, стоя на краю портика, видел все это. Он боялся спросить, что решил высший совет. Не мог и не спросить. Гонцы удалились и вернулись в считанные минуты. Священники возбужденно перешептывались и грубо отмахивались от вопросов проходящих паломников. Иуда стоял, опершись на перила. Часть его потемневшего лица была освещена утренним солнцем. Несколько раз он порывался спросить, что произошло внутри зала, но сдерживался, чувствуя, что подвергнет себя опасности. Его могли заподозрить в намерениях освободить Иисуса, а только Каиафа и несколько других знали, что если бы не Иуда, высший совет не содержал бы сейчас Иисуса под стражей.

Иуда стоял в страшном напряжении. Казалось, он постарел. Солнце безжалостно жгло его запавшие щеки и мешки под глазами. Он должен спросить. Он должен узнать. Почему он не остался в родном Кариоте, где жизнь так безмятежна? Ну зачем он вызвался нанести удар Ягве? Его мозг не находил покоя, и конца этому не будет.

Ему надо как-то убедить священников, что они заблуждаются. Иисус не совершил никакого преступления. Он никому не причинил зла. Он был так же невиновен, как и агнец, принесенный в жертву на заре. Иуда полагал, что если бы он только мог сообщить это Каиафе, все было бы в порядке, ибо Каиафа был справедливым человеком, законодателем. Иуда все более нервничал. Его кожа неприятно зудела. Люди стали обращать внимание на дикий блеск в его глазах, на судорожные некоординированные подергивания его рук.

Некоторые останавливались и с улыбкой смотрели на него, а он глядел на них. Вдруг он заметил, что у него грязные руки, и проворно спрятал их в складках одежды. Руки наткнулись на старый кожаный пояс, в котором он хранил деньги.

Иуда тупо глядел на лица вокруг него. Некоторые из них были похожи на Иисуса. Иуда испугался мысли, что он начинает сходить с ума. Обхватив голову, он ринулся сквозь толпу, он едва не столкнулся с одним из гонцов и не дыша спросил, что решил высший совет. Гонец ответил, что ему не до вопросов. Иуда стал умолять его, убеждая, что он должен знать, что случилось с Пророком из Галилеи. "А, с этим, - смилостивился гонец, - сегодня утром Его вздернут на дереве".

7 часов

Иуда вцепился с одеждоу гонца и сказал, что ему нужно немедленно увидеть первосвященника. Гонец с силой оттолкнул его и крикнул, что первосвященник слишком занят. Краем глаза Иуда заметил, что вокруг

собирается толпа.

Он сглотнул и решил сменить тон. Но то, что он хотел им сообщить, утонуло в нечленораздельных звуках и всхлипываниях. Он бил себя в грудь, и голос его стал столь глухим и дрожащим, что никто не мог разобрать слов, и люди подняли его на смех. Гонец тоже захохотал и, пробившись сквозь кольцо зевак, побежал с донесением к первосвященнику. Иуда сиплым шепотом умолял остановиться и выслушать его, а затем пригрозил ему вслед, что вернет тридцать серебрянников, и тогда первосвященник по справедливости должен будет отдать Пленника. Это, бормотал он себе, было бы справедливым.

Люди перед его глазами приобрели неясные формы и растворились в белизне мраморных колонн. Он снова остался один. Затем ринулся в толпу. Иуда бежал к паперти священников, с удивительной ловкостью лавируя среди идущих навстречу.

Достигнув паперти, он устремился в зал пожертвований. Там держала совет группа священников. Эти люди знали Иуду, ибо они расплачивались с ним. При виде Иуды воцарилось молчание, а он стал приближаться к ним, непрерывно кланяясь и потирая руки. Он пришел с просьбой и не хотел настроить их против себя, поэтому старался не замечать их отчужденности.

Иуда облизал губы. Он решил говорить спокойно и, откашлявшись, обратился к ним с неестественной сладостью в голосе: "Я был не прав, предав невинную кровь".

Священники переглянулись и с удивлением уставились на Иуду. Он не вызывал у них ни малейшего сочувствия. Первосвященник договорился о выдаче опасного глупца и заплатил за это. Дело было сделано. Священники даже не знали о дальнейшей судьбе Иисуса и несколько не интересовались этим. Им приказали выплатить этому апостолу из казны тридцать серебрянников, и они это сделали. Они были лишь свидетелями этой сделки. Чего он еще хочет? "Что нам до этого?" - сказал старший из них. - "Это твое дело".

Иуда открыл рот, но не мог выдать ни звука. Он был в шоке. Неужели они не понимают? Вся сделка была ошибкой. Он снова пытался заговорить с ними, но они уже о чем-то оживленно спорили, а в дверь заглядывали грешники со своими жертвоприношениями. Иуда хотел заплакать, но слезы раскаяния не приходили.

Он стоял с открытым ртом, ошалело глядя на священников. Мысли в помутившемся мозгу предателя мчались по замкнутому кругу. И только сейчас он твердо осознал - ему дали понять, что все это дело было вне компетенции священников. Они ничего не предприняли для спасения Иисуса, и если Иуда, как он сам заявил, предал невинную кровь, то это преступление было на его совести, а не на их.

Иуда постоял в нерешительности какое-то время. Затем к нему пришло решение. Он предотвратит убийство, вернув деньги. Если бы он не принял денег за предательство, то этого злодеяния не случилось бы. Должно быть так. Закон гласил, что никакая сделка не считалась совершившейся до тех пор, пока каждая из торгующихся сторон не вступит в полное владение товаром. У Каиафы был Иисус. Но Иуда вернет ему деньги и этим расторгнет соглашение.

Он нащупал в своих одеждах и отвязал длинные кожаные шнурки кошны, и вытащил ее. Священники прервали разговор и наблюдали, как он нервно отсчитал тридцать серебряных монет. Затем, не будучи уверенным, что отсчитал тридцать, а не тридцать одну, он пересчитал снова. Их было тридцать; он сжимал их в правой руке, а затем с проклятием швырнул на пол.

Монеты со звоном раскатились, подпрыгивая и вращаясь. Иуда повернулся и, как был с кошельком в руке, убежал прочь.

Один из левитов помоложе принялся собирать монеты, хотя у него было ощущение, что прикасаясь к ним, он оскверняет себя. Другие священники тоже испытывали отвращение. Все как один согласились, что эти грязные деньги не могут быть возвращены в казну. Жертвоприношение никогда не осквернялось деньгами, внесенными не от чистого сердца, от тех, кто делал это не из любви к Ягве. Они все еще обсуждали этот вопрос, когда левит принес собранные сверкающие монеты.

Никто не желал прикасаться к ним. Наконец, один из старейшин заметил, что закон не запрещает использовать деньги, даже грязные, для помощи бедным. Кто-то посетовал, что для храма уже стала бедствием смерть многих паломников, которых приходилось погребать за счет храма. Священники закивали головой в знак согласия и припомнили, что один горшечник предлагал свою землю для погребения неизвестных на противоположной стороне Хинномской долины.

Решили купить это поле горшечника, которое стало впоследствии называться "землею крови".

Иуда бежал из храма без оглядки, приподняв полу плаща одной рукой, а второй размахивая кожаным фартуком. Он бежал как ошалелый, сам не зная куда, натываясь на прохожих. Наконец, он оказался в западной части Тиропенской долины.

Его легкие горели, им не хватало воздуха, но он не останавливался. Он миновал зажиточное поселение горожан, удивляя прохожих своим безумным видом. Некоторые окликали его, но он ничего не слышал. Короткие ноги несли его дальше.

Достигнув широкой римской лестницы, он пробежал по ней, перескакивая через ступени, а затем замелькал меж высоких кипарисов, похожих на восклицательные знаки на фоне неба.

Хрипя, он уперся в стену и, подобно животному, стал метаться в поисках выхода. Иуда побежал направо и вскоре оказался у ворот, ведущих в Вифлеем, через которые двигался встречный людской поток. Иуда окунулся в него, молотя руками и лягаясь, но все же ему удалось пробиться, и он побежал дальше по узкой тропинке на краю Хинномской долины. Небольшое поле, которое вскоре будет куплено с его помощью, лежало перед ним, но Иуда не мог знать этого. Он перешел на шаг, потому что тропа вплотную подошла к стене, а с другой ее стороны зияла пропасть. Внизу виднелись острые осколки камней, оставшихся после возведения стены.

Иуда шел осторожно, пока не достиг одиноко стоявшего фигового дерева. Оно росло прямо на пути, широко раскинув зеленые ветви. Апостол уперся ногой в ствол и с силой толкнул его. Дерево не шелохнулось. Иуда задыхался, ему было больно дышать. Он огляделся в поисках чего-то, но так и не смог найти. А когда его взгляд остановился на поясе с мощной, который он все еще сжимал в руке, Иуда полез по стволу дерева. Он достиг прочной ветви и ступил на нее, чтобы убедиться в ее прочности. Ветвь слегка покачнулась.

Иуда сел верхом на ветвь и привязал к ней кожаный ремень фартука, а шнурок обвил вокруг шеи и завязал несколькими узлами за ухом. После этого он стал осторожно сползать с ветви. Маленький человек какое-то время висел, уцепившись руками за дерево. Его глаза были устремлены прямо к солнцу, и он захныкал как ребенок, который боится боли.

Потом он отпустил одну руку, за ней вторую. Пролетев вниз локоть или два, он стал медленно раскачиваться подобно маятнику. Ветвь при этом словно от боли скрипела. Спустя несколько мгновений, Иуда вздернул руки вверх, пытаясь уцепиться за ремень и поднять себя. Его перекошенный рот открылся, но не издал ни звука, ноги дергались, колени согнулись почти до груди.

Он сделал еще одно усилие подтянуться, и потом его руки бессильно повисли вдоль тела, которое раскачивалось по широкой дуге. Неожиданно раздался громкий треск, и ветвь сломалась. Она отделилась от ствола и полетела вместе с Иудой и его кожаным фартуком вниз, в Хинномскую долину. Зрелище напоминало куклу на палочке. На земле тело Иуды уже не двигалось. Он умер первым из двенадцати и умер раньше Мессии, Которого он предал.

Священники первыми покинули зал. За ними вышли стражники, окружив Иисуса со всех сторон, потом левиты и прочие прислужники храма, составлявшие внушительную толпу. Они, уже переоделись, чтобы никто не смог узнать в них служащих храма.

Они могли повести Иисуса на север прямо через храм в Антонию, но действовать надо было скрытно, и поэтому Христа вывели через западные ворота на дорогу и уже там свернули на север. Толпа не помещалась на дороге, но Иисуса вели посреди нее. Случайные прохожие не могли даже определить, вели ли куда-то пленника или это группа священников и левитов направлялась на какую-то торжественную церемонию.

Первосвященник уже поджидал у ворот крепости. Войти в крепость значило осквернить себя, поэтому он остановился под аркой ворот и отправил гонца язычника внутрь с вестью, что большой Синедрион своей мудростью признал виновным в богохульстве некоего Иисуса из Назарета, введившего народ в заблуждение и объявившего себя Царем Иудейским. Этого Иисуса взяли под стражу и судили по закону, приговорив к смерти. И если прокуратор его императорского величества Тиберия не возражает, высший совет просит его, Понтия Пилата, утвердить приговор и привести его в исполнение в этот день до начала субботнего дня.

Римляне, как и иудеи, поднимались рано, а в провинциях день государственной службы римских служащих начинался с шести часов утра и продолжался до полудня. Гонец от Каиафы прошел через двор и поднялся наверх по каскаду лестниц к покоям прокуратора. Послание Каиафы было прочтено без

комментариев, и гонцу велели передать Каиафе, чтобы он подождал.

Первый ход Пилата был нарочито грубым, и Каиафа предчувствовал это. Он стоял под аркой в окружении старейшин и наблюдал, как часовые-язычники ходят взад и вперед на своих постах. Даст Бог, Священный город когда-нибудь очистится от них. Он хорошо знал историю и мощь крепости, историю и силу саддукейской общины. Четыре башни крепости были задуманы так, что даже если бы иудеи захватили крепость со всеми плацами и подземными помещениями, римские лучники смогли бы нанести им поражение с этих башен. И что еще хуже, под обстрелом лучников находилась вся северная часть храма, располагавшегося прямо под башнями. К тому же Каиафа было известно, что подкрепление могло свободно войти в крепость, минуя все ворота в городской стене. В смутные времена Каиафа видел, как римские солдаты высыпали на территорию храма через подземные ходы крепости. Каиафа знал, что многотысячный двенадцатый легион нес службу в двух местах - на восточной границе Палестины и в Кесарии. И все же, Пилат ухитрялся держать внушительный гарнизон и в Антонии, на случай если первосвященнику вздумается затеять что-то против крепости. Этого было достаточно, чтобы охладить амбициозный пыл первосвященника.

Каиафа вздохнул. Один из священников, стоявших снаружи, сообщил, что по улице приближается шествие с Иисусом. В тот же момент на балконе появился Пилат со своей свитой.

8 часов

Священники приказали толпе расступиться и пропустить Иисуса и его стражников. Они вошли под арку ворот и остановились чуть впереди того места, где стоял первосвященник. Во дворе находились сирийские солдаты в римской форме, они не сводили глаз с балкона, где стоял прокуратор в окружении своей свиты. Стоило ему подать малейший знак, и сирийцы тотчас изрубили бы стоявших под аркой иудеев. Они вопросительно поглядывали на балкон, но прокуратор только указал перстом на толпу и что-то шепнул помощникам.

Вынесли кресло для прокуратора, и он, спустился по ближайшей к храму лестнице, расположился в нем посреди каменной площадки. Иисус взглянул на него из-под распухших век воспаленными глазами. Сейчас у него были связаны только руки за спиной. Он стоял один впереди толпы, и Понтий Пилат впервые увидел Его. Иисус тоже впервые встретился с прокуратором Цезаря.

То, что увидел каждый из них, едва ли представляло величественное зрелище. Иисус видел перед собою невысокого человека лет пятидесяти, который заметно нервничал. Его волосы тронула седина, а глаза бегали по сторонам, останавливаясь на всем, что двигалось. На нем была дорогая тога и позолоченные сандалии. Рядом находилась его личная охрана, состоящая из двух солдат, одетых в короткие туники. Широко расставив ноги, они опирались на сверкающие копья.

Прокуратор видел перед собой довольно высокого иудея с распухшими губами и бледными щеками. Одежда Иисуса была испачкана, на ней виднелись пятна крови. Позади Него Пилат заметил Каиафу и высокопоставленных священников, державшихся почтительно и смущенно. А за ними арки, переполненные людьми; некоторые, уцепившись за петли факелов, даже повисли на стенах.

Прокуратор приподнял правую руку, и шум толпы тотчас утих. Из глубины двора, чеканя шаг, вышел центурион Абенадар в сопровождении четырех легионеров. Он встал рядом с Иисусом, а стражники храма удалились. С этого момента дело Иисуса перешло в распоряжение Рима.

"В чем вы обвиняете Человека сего?" - громко спросил Пилат, указывая на Иисуса.

Этот вопрос ошеломил священников. Пройшей ночью Каиафа был здесь и рассказал прокуратору о том, что Иисус поправил еврейские законы. К тому же священники не сомневались, что трибун, возглавлявший ночью отряд, конечно же, все доложил Пилату. Зачем же притворяться, что он ничего не знает об Иисусе?

Священники тревожно переглядывались. Это могло означать, что жестокий правитель приступает к собственному суду над Иисусом - и в этом случае он может снять обвинения из-за недостаточности улик. Вопрос Пилата повторяли в толпе, поднявшей такой шум, что Каиафе пришлось подождать, пока он утихнет, прежде чем ответить прокуратору.

"Если бы Он не был злодей, - ответил Каиафа, указывая в спину Иисуса, мы не предали бы Его тебе". Эти слова не отвечали на вопрос прокуратора о характере обвинения, но Каиафа от имени храма как бы выставлял себя блюстителем закона, который никогда не предаст человека властям, если тот не совершал преступления.

Пилат скрыл свое удивление ответом Каиафы. Он прекрасно разбирался в деле и понимал, что

Синедрион вынес смертный приговор из-за страха перед Иисусом.

Прокуратор знал силу, исходящую от смиренных слов и взглядов Иисуса, которая угрожала благополучию хозяев храма. Эта осведомленность была неофициальной, и как наместник Цезаря он был вправе начать слушание с вопроса о сути обвинения.

"Тогда возьмите Его вы, - резко сказал Пилат, поднимаясь, чтобы уйти, и по закону вашему судите Его".

Ему, конечно, было известно, что большой Синедрион уже судил этого богохульника и приговорил Его к смерти, но прокуратор был преисполнен решимости нанести ответный удар в этой словесной дуэли. Чтобы поставить первосвященника на колени, Пилату нужно было всего-навсего представить дело неуклюже состряпанным и уйти со сцены.

Священники наперебой закричали в ответ: "Нам не позволено предавать смерти никого!"

Они не сказали, что им не было позволено осудить на смерть, но лишь что они не могли привести в исполнение свой приговор. Богохульство было внутренним преступлением, и Палестина имела власть судить таких злодеев. И Пилат, и Каиафа знали это.

Пилат ничего не ответил и, повернувшись спиной к священникам, стал подниматься по ступеням. Обвинители переполошились, так как было похоже, что на этом слушание и закончится. Толпа слуг храма была ошеломлена. Один из высокопоставленных священников в отчаянии крикнул: "Мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает платить подать кесарю, называя себя Христом - Царем".

Прокуратор остановился на полпути к своим покоям и обернулся. Он, придерживая тогу, раздумывал над услышанными словами. Он знал, что если Каиафа сию минуту не опровергнет сказанного, то это в корне меняет обвинение Иисуса.

Богохульство - это одно. Любой не вполне нормальный человек может вообразить себя Богом. И любой обманщик, не будучи сумасшедшим, может притвориться Мессией ради наживы. Но когда группа ответственных граждан произносит такие слова как "подать", "Цезарь", то тем самым она обвиняет пленника в тяжком преступлении против Тиберия и империи.

Пилат изучающе посмотрел на группу почтенных священнослужителей и не смог сдержать улыбки восхищения. Они избавились от Иисуса как от местной болячки, бросив Его Пилату как угрозу империи. Прокуратору было трудно представить себя на месте защищающегося Иисуса, но, это ему было и не нужно. Он был верховным судьей и высшим администратором страны. И все же еще оставалась возможность маневрировать. Небольшая. Совсем малая.

В личных покоях Пилата шумом толпы была разбужена Клавдия Прокула. Жена прокуратора лежала на огромной бронзовой кровати, глядя в потолок сквозь белый полог. Шум толпы доносился сквозь открытое окно и напоминал морской прибой. Клавдия позвала рабыню и спросила, чем было вызвано возмущение толпы.

Служанка ответила, что наступил уже третий час утренней стражи (8 часов) и что прокуратор был во дворе и занимался иском, предъявленным иудеями Человеку по имени Иисус. Клавдия Прокула поднялась с постели. Она вспомнила, что прошлой ночью приходил Каиафа по срочному делу к ее супругу, а когда хитроумный священник удалился, Пилат перед сном рассказал ей о деле Иисуса.

Она была истинной римлянкой, верила во многих богов и всячески старалась избежать их гнева. От приближенных мужа она уже ранее слышала об этом Иисусе и чудесах, которые Он творил среди иудеев. И сейчас она сильно обеспокоилась, ибо не желала, чтобы судьба этого Человека была в руках Пилата.

Она вполне допускала, что Иисус мог быть Богом, сошедшим на землю, дабы испытать веру и праведность этого неугомонного народа. Если это так, Он может прогневаться на любого римлянина, относящегося к Нему со злобой. Даже не причесав свои тяжелые длинные волосы, Клавдия Прокула велела принести пергамент и гусиное перо. Слуга тотчас же исполнил приказ, и госпожа продиктовала ему, что во сне ей явился Иисус, и ее супруг ничем не должен обидеть Его. Она приписала: "Не вмешивайся в дело этого праведного Человека", и послала записку Пилату.

Ему вручили ее перед тем, как он отвернулся от толпы у ворот. Пилат нахмурился и скомкал клочок пергамента в руке. Глаза Иисуса жгли его. Прокуратор, не теряя величественности, удалился в свои покои.

Только там, присев на ложе, он сбросил маску судейского безразличия, и его лицо выразило крайнюю обеспокоенность. Он не сомневался, что когда для Каиафы и Анны наступит время выступить против Иисуса, он, как прокуратор, без особого труда расстроит их планы, не найдя вины этого провинциального "Мессии" и

отпустив Его на свободу. Если это совершить принародно, это обернет иудеев против иудеев и ослабит власть лукавого старца, заправлявшего внутренними делами провинции через своего зятя.

Что же ему делать? Ведь возникла новая трудность - старейшины обставили все дело так, что он, Пилат, вроде бы поддерживал радикала, возмущающего народ против Цезаря. Пилат нервно постукивал кулаком по подлокотнику, и взгляд его упал на записку супруги. Он развернул ее, прочитал еще раз и отбросил в сторону. Ее религиозные предрассудки всегда раздражали его. Прокуратор, в отличие от супруги, не верил ни во что. Он был светским человеком. В юности, надеясь на лучшую судьбу, он молился всем богам, даже Цезарю Августу, но это ничего ему не принесло, как и подсказывал его здравый смысл. Он понял, что богов не существует, что они были выдуманы человеком, чтобы избавить темных людей от страхов, и в то же время удерживать верующих от проступков. Не мудрствуя лукаво, Пилат перестал выпрашивать у богов удачи и женился на Клавдии Прокуле, что немедленно обеспечило ему успех в жизни.

Пилат велел слуге передать центуриону Абенадару приказ привести к нему Иисуса. Одновременно он послал адъютанта в покои жены, чтобы передать ей, что не собирается утверждать смертный приговор, и тем самым успокоить ее.

Ввели Иисуса и оставили в центре комнаты. Римляне и сирийцы впервые разглядели Его. Они выискивали в Нем величие, которое так страшило священников храма, но ничего не увидели, кроме беззащитного страдающего человека. Пилат взглянул на своих людей. Они лишь пожимали плечами.

Прокуратор подошел к Иисусу и встал рядом.

"Ты Царь Иудейский?" - спросил он.

Разбитые губы пошевелились: "От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе обо Мне?" Пилату был недоступен истинный смысл этих слов: ты как римский правитель сам заметил, что Я выступал Царем иудейским, или другие сказали тебе о Моем духовном владычестве?

Пилат не понял этого вопроса и спросил: "Разве я иудей?" Это вызвало ухмылки присутствующих язычников. "Твой народ и первосвященники предали Тебя мне. Что Ты сделал?"

Сейчас тон прокуратора был мягким и сочувствующим. Понтий Пилат с надеждой смотрел на Иисуса. Он знал, что Иисус не претендовал на роль временного царя иудеев и не стремился к этому. Помнил он и историю с монетой и Цезарем, ибо везде имел своих шпионов. Пилат не сомневался, что самосохранение присуще всем человеческим существам, и сейчас он давал шанс Иисусу сохранить Свою жизнь.

Тихо и медленно, как будто тщательно подбирая слова, Иисус промолвил: "Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои вступились бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям, но ныне Царство Мое не отсюда".

Пилата раздражала глупость этого религиозного мошенника. "Итак, Ты Царь?" - сухо спросил он и беспомощно оглянулся на своих приближенных. Чем объяснить это фанатичное упрямство иудеев!

"Ты говоришь, что Я - Царь, - Иисус еще больше сбивал с толку прокуратора, - Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, слушает голоса Моего".

Пилат распрямылся и презрительно перекосив рот, оборвал Его: "Что есть истина?"

Он дал знак солдатам вывести Иисуса во двор и со своей свитой вышел вслед. Толпа напряженно смотрела, как прокуратор спустился по ступеням, пересек двор Лифостротон и приблизился к первосвященнику. Слуга поднес курульное синее кресло, прокуратор сел в него, будучи готовым объявить свое решение.

Люди следили за ним, затаив дыхание. Христос стоял справа от Пилата, а между толпой и креслом стояло несколько солдат с обнаженными мечами. Прокуратор не стал терять времени.

"Я никакой вины не нахожу в Нем", - объявил Пилат. На несколько мгновений воцарилась тишина, а затем в толпе поднялся ропот. Солдаты повернулись к толпе, а священники стали бить себя по лбу и тоже повернулись к народу с немым воззванием. Гул недовольных голосов нарастал. Свободные от дежурства солдаты побежали в казарму и, захватив свои панцири и мечи, заняли боевую позицию.

Пилат все еще сидел. Он слегка улыбался, глядя на обезумевшие лица. Каиафа и люди из Синедриона прекрасно понимали, что Пилат освобождал этого Человека не ради соблюдения законности, но чтобы досадить им. Иисус взглянул на сотни лиц под арками и встретил горящие ненавистью глаза. Он почувствовал Свое полное одиночество. Солдаты стали угрожающе жестикулировать, и толпа притихла.

Священники подступили к Пилату и, учтиво кланяясь, заявили: "Он возмущает народ своими проповедями по всей иудейской земле. Он начал в Галилее и закончил здесь".

Слушавший все это с чувством досады прокуратор вдруг крепко сжал подлокотники и выпрямился. Галилея? Он позабыл, что пленник был выходцем из глуши. Понтий Пилат не мог скрыть удовлетворения.

"Разве он галилеянин?" - удивленно спросил Пилат, на что священники утвердительно закивали головами. Каждому было известно, что этот богохульник происходил из маленького города Назарета. И даже имя Его было Иисус Назорей, сын плотника Иосифа.

"Ну тогда, - сказал прокуратор, - это дело совсем не относится ко мне. Оно должно быть под юрисдикцией Ирода, тетрарха Галилеи. Отведите его к Ироду".

9 часов

Священники не поверили своим ушам. Пилату было известно об этом смутьяне и Его происхождении, и если все упиралось в юрисдикцию, он мог сказать Каиафе еще вчера, что подсудимым должен заниматься Ирод, прибывший в Иерусалим на Пасху. Вмешательство Ирода во внутренние дела Палестины было уже опасным. Лжемессия был евреем и обвинялся в религиозных преступлениях в Иерусалиме, и к этому прибавилось Его преступление против империи. Как можно было передать это дело Ироду, чья юрисдикция распространялась лишь на Галилею?

Кроме того, и это беспокоило Каиафу больше всего, неумолимо надвигалась суббота, а Пилат знал, что фактор времени сейчас - важнее всего. Если Иисуса не предать смерти в ближайшие часы, наступит суббота, которую нельзя осквернить смертью. Пилат оттягивал время. Он делал это умышленно, чтобы в этот день ничего не случилось. Если казнь не состоится в субботу, ее придется перенести затем еще на восемь дней до окончания пасхального праздника, а за это время сторонники Иисуса тысячами выступят против властей храма, что приведет к кровопролитию и расколу в стране.

Пилат встал. Он даже не позволит обсуждать этот вопрос. Сначала он снял обвинение с Иисуса, затем изменил свое решение и приказал отправить Его к Ироду. Прокуратор кивнул солдатам, чтобы те немедленно препроводили Иисуса к царю Ироду. Сладостное чувство удовольствия растянуло губы Пилата в улыбку, когда он шествовал через двор к своим покоям.

Он думал, что совершил блестящий трюк. Между ним и Иродом не было никаких контактов с тех пор, как легионеры Пилата по ошибке убили подданных Ирода на территории храма. Сейчас римлянин прибег к жесту дружбы и уважения. Ирод не может расценить это иначе. Пилат с почтением отнесся к иудейскому тетрарху, и Ироду придется по обычаю ответить взаимностью. Итак, согласие между ними будет восстановлено благодаря никчемному делу Галилеянина. Более того, этот жест вынудит Ирода принять участие в суде над Иисусом. И что бы ни случилось, царь вряд ли станет писать Тиберию лживое, язвительное письмо о Пилате, когда так легко можно будет доказать, что дело было передано в полное распоряжение Ироду.

Одним умным решением Пилат вывел себя из весьма щекотливого дела, с почтительным жестом впутал в него Ирода, и поставил Анну и Каиафу в опасную, почти несостоятельную позицию.

Прокуратор очень довольный вернулся в свои покои.

У ворот Антонии священники спорили о том, что следовало бы сказать Пилату и что было сказано. За воротами собралось много людей, которые не состояли на службе в храме, а были привлечены необычным скоплением иудеев у крепости язычников. Среди них были и последователи Иисуса. Священники тревожились, ведь всего несколько часов назад это было небольшое тайное дело, а сейчас оно грозило перерасти в смуту; кроме того, они не могли допустить, чтобы народ вмешивался в дело Иисуса. Пусть они рассуждают после Его смерти, поговорят день-два, и на этом все закончится. К тому же, если Иисуса предадут смерти, это заставит помалкивать Его учеников. Как можно будет утверждать, что Иисус - Бог, если Он погиб от руки человека?

Каиафе ничего не оставалось, как послать к Ироду гонца, чтобы ознакомить четверовластника и предупредить его, что Осужденный и священники придут с минуты на минуту. Римляне под командованием центуриона Абенадара окружили Иисуса со всех сторон, и сборище, зажатое в улочках разрастающейся толпой, двинулось через ворота вниз по склону холма. В Тиропенской долине процессия проходила мимо рынка, и тысячи людей обратили взоры к шествию. Слышались вопросы: "Кто это?", "Что он сделал?", "Почему в толпе первосвященник?", "Не прибыл ли с визитом какой-то царь?" На вопросы не отвечали, ибо солдатам было приказано не привлекать людей и не называть имени Пленника.

Дойдя до западной стены города, шествие свернуло налево ко дворцу Ирода. Они прошли мимо ворот, ведущих на Голгофу - место, где римляне распинали осужденных. Людям уже прескучило собираться за городскими стенами и наблюдать драму мучеников, потому что распятые умирали очень медленно. В Сирии легат Вар однажды распял две тысячи иудеев за призыв к восстанию, и прошло более двух дней, прежде чем умер последний мученик.

Ирод со своей дворцовой свитой прибыли из Галилеи три дня назад, чтобы совершить жертвоприношения. Наезжая в Иерусалим, он неизменно останавливался в Хасмонейском дворце.

Услышав сообщение гонца, Ирод пришел в восторг и решил покончить с раздором. Он усмотрел тонкую дипломатичность в том, что прокуратор посылает Галилеянина к царю Галилеи. К тому же, он был рад случаю увидеть Человека, отозвавшегося о нем когда-то, как о хитрой лисе.

Ирод отправился в зал и стал ждать гостей, распорядившись, чтобы привратник немедленно провел к нему первосвященника и Осужденного. Тем временем он собрал своих советников, чтобы обсудить это дело, о котором знал довольно много, и потому сразу заявил, что если никто не выдвинет веских оснований, почему именно он должен судить это дело, он намерен просто взглянуть на Иисуса и отправить Его назад к Пилату для окончательного решения. Аргументы Ирода были кратки и разумны: у Иисуса было много последователей в родной Галилее. Зачем настраивать против себя этот народ? Пусть бремя этой смерти ляжет на священников Иерусалима и самого Пилата.

Никто из царской свиты не возразил ему. Обвинения против Иисуса, как и показания очевидцев, была даны в Иерусалиме. Пусть Обвиняемого доставили к царю, что является знаком уважения со стороны римлян, но затем пусть отправят Его обратно к Пилату.

"Лиса" - это была весьма подходящая характеристика Ирода. Он был искусным интриганом. Царь был не столь жесток, как Пилат, и не столь корыстен, как Анна, но, возможно, у него была нарушена психика. Тяжелым потрясением для него было убийство его отцом матери. После этого ужасного злодеяния отец в течение нескольких недель громко звал ее в анфиладах дворца. Предки Ирода были крайне честолюбивы и завистливы, что сочеталось у них с манией преследования. Политическая преданность Иродов была подобна флюгеру, который поворачивался в ту сторону, куда дул ветер. Они были ненадежными союзниками.

Ирод был среднего роста, с брюхом и квадратной бородкой. Он почти никогда не расставался с символами своей власти - короной и скипетром. И если его отца преследовал призрак убитой им жены, то у Антипы был свой призрак, от которого он никак не мог избавиться. Это был обезглавленный им пророк Иоанн Креститель, чьей смерти попросила его дочь Саломея. Царю очень не хотелось делать это, но он пообещал Саломее все, что было в его власти, а она пожелала голову Крестителя. Голова была преподнесена ей на блюде, и с тех пор эта сцена всегда стояла перед его глазами.

А сейчас Ироду Антипе предстояло встретиться лицом к лицу с Тем, Кто в его глазах многим походил на Иоанна Крестителя. Ирод считал, что он мог частично искупить свою вину за содеянное с Крестителем, пощадив жизнь этому Человеку. Ему так же не терпелось увидеть Иисуса, как ребенку - глотателя огня.

* * *

Вскоре к воротам дворца Ирода прибыла большая толпа, и слуги передали священникам, чтобы народ остался снаружи. Во дворец пропустили лишь священников, Иисуса и стражников-римлян. Христос впервые видел этот дворец так близко. Его красота у многих захватывала дух, он был похож на белого орла с расправленными крыльями.

Дворец был построен из белоснежного мрамора, без единого темного пятнышка. От главных ворот ко двору нужно было подниматься вверх, и взору пришельца на фоне кобальтового неба открывались два крыла дворца с огромным залом посередине. Перед перилами возвышалась колоннада из мрамора редких цветов.

Дворец не мог понравиться Иисусу. В Его сознании запечатлелись злодеяния Антипы. Царь был убийцей двоюродного брата Назаретянина - Иоанна. Царь был труслив и коварен. Царь был похотлив, он отнял жену у своего брата. Царь пальцем о палец не ударит в Его деле, а если и сделает что-то, то лишь затем, чтобы показать свою власть.

Группа прошла во дворец, и Ирод обращался с Пленником, как с гостем. Всем были предложены стулья, но Иисус стоял. Священники были возбуждены и тоже не стали садиться, считая это излишней тратой времени. Они никак не могли доказать богохульства Иисуса в Галилее и надеялись только на возмущение

Ирода с тем, чтобы поспешить обратно к Пилату и объявить, что Иисус богохульствовал и в земле Ирода.

Царь сел. Он был в добродушном настроении и признал, что слышал об Иисусе довольно много. Иисус хранил молчание. Едва взглянув на царя, Он устремил Свой взгляд на стену и плотно сомкнул уста.

Царю это не понравилось, и он попытался разговорить Иисуса дальнейшими расспросами о Мессии. Если Иисус был послан Богом, он, Ирод, был бы счастлив увидеть хотя бы простые проявления Его силы. Не возражает ли Иисус сотворить что-нибудь? Ответа не последовало. Какое-нибудь волшебство? Небольшое чудо? Может ли Он сделать так, чтобы со стен побежала вода или прогремел гром?

Молчание. Четверовластник сказал, что оно лишь вредит делу Иисуса. Заговорили священники, рассказывая обо всех "преступлениях", которые совершил Иисус. Ирод нахмурился и жестом потребовал тишины. Какое ему дело до обвинений и формальностей закона? Он собрал в этом зале друзей и свиту, пообещав, что этот Галилеянин покажет то, чего они раньше никогда не видели. А Он не только отказывается выполнить волю царя, но имеет наглость не отвечать тому, кто имеет власть приказывать.

Ирод сделал еще одну попытку, но Иисус по-прежнему не смотрел на него. На Его челе глубже обозначилась усталость. Слова Ирода были сладки и дружественны; Иисус не отвечал. Царь подождал, а затем спросил, слышит ли Он его. Молчание.

Ирод испытывал досаду. Поведение Иисуса было вызовом его царскому достоинству, и это лишь подлило масла в огонь - священники принялись наперебой перечислять факты нарушения Иисусом субботних предписаний, Его высказывания о Своем мессианском назначении. Ирод стал пунцовым от гнева и закричал, чтобы все замолчали. Он пообещал приятелям чудесное зрелище, а волшебник не только разочаровал, но и унизил его.

Ирод вскочил на ноги и осыпал Иисуса бранью, извлекая из глубины своей памяти эпитеты, которые приходили ему на ум лишь в сильном гневе. Он насмеялся и говорил колкости, обозвал несчастного царем без царства и монархом без подданных. Четверовластник обошел вокруг Иисуса и язвительно отозвался о Его жалком виде, грязной одежде, невымытых ногах и распухшем от побоев лице. Тоже мне Царь! Царь чего?

Антипе пришла в голову мысль. Он подозвал одного из слуг и прошептал ему что-то на ухо, при этом подмигнув священникам. Все молча ждали, что будет. Через несколько минут слуга вернулся, держа в руках красивую накидку. Красного цвета одеяние, какое носили вожди кочевых племен, было скорее театральным, нежели царственным. Ирод взял накидку в руки и вытряхнул из нее пыль. Затем с издевательской улыбкой он набросил ее на плечи Иисуса и завязал красные шнуры на шее.

Это выглядело комически, и даже священники не могли удержаться от смеха. Иисус стал самым жалким и смешным из вождей.

Царь Ирод приказал отвести Его к Пилату. Иисус пошатывался от слабости, ведь Он провел на ногах много часов.

* * *

Юный апостол Иоанн сделал доброе дело. Он решил, что лучше всего распространить трагическую весть, если сбегать в несколько важных мест и попросить там передать новость дальше. Сначала он зашел в дом отца Марка, потом повстречал Петра и других апостолов и сообщил им, что Христа осудили на смерть и, насколько ему известно, римляне содержат Иисуса в претории. После этого Иоанн побежал в Вифанию, чтобы оповестить Лазаря, Марфу и Марию, и что важнее всего, осторожно сказать о случившемся матери Иисуса.

Он понимал, что Мария слышала из уст Сына, что произойдет с Ним, но Иоанн знал, что даже предупреждения Самого Христа не смягчат горя матери. Задыхаясь и останавливаясь, чтобы перевести дух, он подробно рассказал всем о последних событиях в жизни Иисуса, о Тайной вечере, и даже повторил молитвы Иисуса в Гефсиманском саду. Он поведал о нападении на Учителя, Его аресте и приговоре.

Слушающие тихо плакали, никто не стал громко причитать. Они скорбно внимали, утирая слезы, и склоняли головы перед волей Отца. Мария была преисполнена решимости не причинять боли Сыну проявлением своих чувств. Когда Иоанн все рассказал и ответил на все вопросы, Мария сказала, что пойдет с ним в Иерусалим.

Молодой человек запротестовал. Он не хотел, чтобы хрупкая женщина, которую он любил не меньше, чем Иисуса, увидела жестокое обращение со своим Сыном. Иоанн просил ее остаться с Марией и Марфой и пообещал вернуться прежде, чем займется субботняя заря, чтобы рассказать все.

Мария покачала головой. Она пойдет в ним. Если Иисус умрет в Священном городе, как Он предрекал, то она хотела быть рядом с Ним. Иоанн с мольбой посмотрел на Лазаря, но тот отвел глаза. Сейчас не помогут никакие аргументы. Мария была с Сыном, когда Он появился на свет - она будет с Ним, когда Он сделает свой последний вздох.

10 часов

Солнце поднялось уже довольно высоко, и теплый южный ветер очистил небо. В городе словно разливалась бодрость и жизнерадостность, запоздавшие караваны богомольцев из Галилеи и Иоппы входили в город с песнопениями.

Торговцы с порога лавок зазывали прохожих поспешить с покупками, так как скоро все закроется на празднование субботы. По улицам города бежали веселые дети с букетами полевых цветов, чтобы первыми принести их в храм. По двору храма ходили белобородые длинноволосые старики, обменивались семейными новостями, радуясь предстоящему урожаю и ругая молодое поколение.

На дальнем склоне горы Елеонской слышался звук пастушьей дудочки. Овцы, не поднимая головы от свежей весенней зелени, следовали за пастухом. По Вифлеемской дороге к городу шли семейства из Александрии, и когда их взору открывался Иерусалим, они останавливались, чтобы полюбоваться сверкающими шпилями храма. Сердце находило утешение здесь, это было их духовное пристанище.

В это время Иисуса вели назад в крепость Антония. Стражники видели, как он устал. Иисус шел медленно, тяжело дыша открытым ртом. Лицо выражало невыносимую боль.

Священники оказались перед дилеммой, и их утешало лишь то, что для прокуратора она была еще серьезней. Он отказался заниматься этим делом и передал его царю галилеян. Теперь дело возвращалось к его порогу, и так или иначе ему придется быть судьей. Дилемма священников была в том, что начав заговор против Иисуса, они должны были успешно довести его до конца. Дело, которое началось с богохульства, по их мнению, все время усложнялось, и к этому часу стало угрозой для всей нации.

Если бы Пилат, оказавший содействие в аресте Иисуса, выслушал обвинение и последовал римскому обычаю, позволявшему местным властям судить за местные правонарушения, он должен был бы согласиться с их решением и приказать священникам избить осужденного камнями по их законам или распять Иисуса по римскому закону. Но так как Анна и Каиафа досаждали прокуратору, он решил притвориться несведущим.

На обратном пути саддукеи единодушно решили, что поскольку никакое красноречие с их стороны не заставит Пилата утвердить приговор, то его может убедить лишь бурное проявление общественного мнения. Если Пилат полагал, что, преувеличивая это дело, он тем самым смущал священников, то они в свою очередь раздуют это дело значительно больше, подговорив толпу неистово требовать крови Иисуса. Пилат снова окажется перед дилеммой, так как он вряд ли осмелится пренебречь общественным мнением по делу, которое по сути было незначительным. Из уст в уста передавали указание ждать от священников сигнала, по которому следовало во весь голос требовать смерти Осужденного.

Группа прибыла к воротам, и в крепость сообщили, что Ирод допросил Осужденного и не увидел в Его деяниях никаких преступлений против Галилеи. Вскоре появился Пилат со своей свитой и снова уселся в курульное кресло на Лифостротоне. Когда участники этих событий занимали свои места, он едва заметно улыбнулся, полагая, что уже победил. Он уже не признал за Иисусом никакой вины. Ирод пришел к такому же заключению.

Толпа затихла. Пилат собрался говорить, и тут он увидел Иисуса в красной накидке. Он сразу понял, что Ирод, насмехаясь над Пленником, сделал из Христа шутовского царя.

"Вы привели этого Человека на мой суд, - громко возвестил Пилат, обвиняя Его в подстрекательстве народа к мятежу. И вот результат: я лично провел слушание в вашем присутствии, но не нашел никакой вины из тех обвинений, которые вы предпочли выдвинуть против Него". Народ внимал, но в толпе слышался тихий ропот. "Не нашел вины и Ирод! - крикнул прокуратор и добавил спокойнее: - И потому передал дело обратно нам. Посему приговор: Он не сотворил ничего, чтобы заслужить смертную кару". И тут по сигналу священников толпа взревела, требуя возмездия. "И поэтому, - старался перекрыть толпу Пилат, - я проучу Его, а затем отпущу".

Возгласив второй вердикт, Пилат встал. Но злоба толпы была столь ощутимой, что на какой-то миг Пилат потерял самообладание и повернулся, чтобы взглянуть на людей. И в этот миг в его глазах был испуг. Из

общего рева толпы Пилат различал обрывки слов и фраз, из которых понял, что некоторые требуют пасхального помилования осужденному по имени Варрава.

Существовал обычай ежегодно, накануне пасхального праздника, миловать одного преступника. Пилат забыл об этом. Те, кто требовал освобождения Варравы, не были людьми священников. Это были единомышленники томящегося в темнице Антонии бунтаря, призывавшего к мятежу и в последовавшей затем драке убившего человека. Он подлежал казни вместе с двумя ворами.

Пилат решил воспользоваться пасхальным помилованием, чтобы покончить с делом Иисуса. Он даст народу возможность выбрать Варраву или Иисуса, и сравнивая отъявленного убийцу с явно достойным человеком, Пилат был уверен, что люди предпочтут освободить Иисуса.

Все это утро прокуратор совершал ошибку за ошибкой. Сначала он признал осужденного невиновным, сидя в этом курульном кресле, это делало заявление официальным, а затем, поддавшись возмущению священников и народа, он отправил Иисуса к иудейскому царю. Это по сути отменяло первый приговор, по крайней мере, ставило его под сомнение. Узнав, что царь Ирод отпустил Иисуса как недостойного внимания шута, Понтий Пилат был готов повторить свое решение и, делая уступку членам Синедриона, как-то наказать Иисуса. Толпа требовала освобождения Варравы, но прокуратор предложил им выбор.

Призвав к вниманию, римлянин обратился к народу с плохо продуманным вопросом: "Кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варраву или Иисуса, называемого Христом?" Толпа состояла из тех, кто служил в храме и входил в заговор против Иисуса, и тех, кто прибыл сюда в последний час, чтобы добиться освобождения Варравы. К тому же Пилат назвал Иисуса Христом, а это еще более озлобило людей храма.

"Варраву!" - закричала толпа. В этот раз священникам не надо было и подсказывать.

Пилат был потрясен. "Что я сделаю Иисусу, называемому Христом?" спросил он упавшим голосом.

"Распни Его!" - ревела толпа.

"Какое же зло сделал Он?" - не сдавался Пилат.

Но они еще неистовее кричали: "Распни Его!"

Каиафа не мог скрыть удовольствия. Они еще раз проучили упрямого язычника и проучили основательно. Пилат должным образом оценил настроение толпы, выходящей из-под контроля. Не хватало еще мятежа у самых ворот Антонии, причиной которого мог оказаться он сам! Стараясь не терять своего достоинства, он приказал центуриону немедленно освободить Варраву и приступить к бичеванию Иисуса.

Все это время Галилеянин стоял перед прокуратором в смешном одеянии, спиной к толпе. Один из солдат взял Его под руку и провел через Лифостротон в прилегающей закрытый двор. На стенах висели орудия пыток, а посреди двора стояли три невысокие каменные тумбы, в которые были вмурованы большие железные кольца. Иисуса подвели к ближайшей тумбе и, сняв с Него одежду, привязали руки к кольцам. По периметру двора расположилась когорта дежурных солдат, человек четыреста.

Иудеи называли бичевание "полусмертью", хотя оно было менее жестоким, чем у римлян. Наемный палач гибкой тростью ударял осужденного тридцать раз по каждой лопатке, а затем тридцать раз по бедрам. Несчастный оставался жив, и со временем шрамы исчезали, но стыд и унижение - никогда.

Бичевание у римлян было крайне жестоким. Для этого применялся бич из кожаных полос, к концам которых были пришиты осколки костей или звенья цепи.

Иисус стоял согбенным над тумбой, а в это время трибун докладывал когорте, что преступление этого Осужденного состояло в том, что Он считал Себя царем иудейским. Это вызвало смех, ибо солдаты-сирийцы знали, что царем иудейским был не кто иной, как Тиберий, и только глупец мог претендовать на этот пост. Обычно в таких наказаниях солдатам позволяли поглумиться над осужденным при условии, что он не умрет. Кому-то пришла в голову потешная мысль, и трибун разрешил ему отлучиться.

Свежий утренний ветер охлаждал спину Иисуса, и Его ноги непроизвольно подрагивали. Солдат, совершавший бичевание в иерусалимском гарнизоне, подошел к своей жертве и из любопытства заглянул ей в лицо, а затем отступил назад, широко расставив ноги. Бич взметнулся и со свистом впился в спину Христа, издав тупой барабанный звук. Кожаные ремни обвили правую часть груди, а от костяных и железных наконечников остались кровавые следы.

Из уст Иисуса вырвался стон, и Он едва не упал. Собрав силы, Он выпрямил согнувшиеся в коленях ноги. Солдаты одобрили начало, ибо видели многих, кто терял сознание еще в самом начале. Бич щелкнул снова, на

этот раз ниже, оставив глубокий след. Губы Иисуса двигались как в молитве. Удары стали размеренными, и под этот размеренный ритм наблюдавшие острили по поводу слабости иудеев и неприглядного вида этого "царя". Трибун тоже видел это зрелище, но у него была своя задача. Он должен был остановить бичевание перед тем, как, по его мнению, виновный лишится чувств. Он подал знак палачу и подошел, чтобы осмотреть Иисуса.

Трибун не прикоснулся к Нему, а, наклонившись, посмотрел сколько сил еще оставалось в несчастном. Это трудно было увидеть по изуродованному и распухшему лицу, и трибуну не оставалось иного, как определить это по движению грудной клетки. Дыхание было учащенным и неглубоким, поэтому Он велел палачу прекратить бичевание.

Эта попытка продолжалась не более трех минут. Трибун послал двух солдат за одеждой Пленника и водой, а палач, испытывая не больше сострадания, чем священник к жертвенному агнцу, развязал веревки на Его запястьях, и Иисус тотчас же рухнул на землю. Он был без сознания.

Омовение Его тела вряд ли было актом милосердия, ибо оно вернуло Осужденному все мучения. Трибун приказал поднять Иисуса на ноги, но Он не мог стоять без поддержки. Его поддерживали с двух сторон до тех пор, пока силы частично не вернулись к Нему. После этого Христу позволили сесть на тумбу. Постепенно все Его тело захлестнула волна нарастающей боли, сначала пульсирующей тупо и вяло, а затем пронзительной и всеокрушающей.

К этому времени появилось еще несколько солдат. Они с ухмылками поглядывали на Иисуса. С собой они принесли старый шерстяной плащ красного цвета, тяжелую трость и терновый венец. Трибун, с улыбкой поглаживая подбородок, понял их замысел. Иисус претендовал на роль царя, и солдаты нарядят Его царем, шутовским царем. Что-то вроде Иродовой шутки. Пока они готовились, их Пленник в конвульсиях содрогался на камне, от нестерпимой боли у Него стучали даже зубы. Затем Иисусу стало легче, и Он посмотрел на солнце. Его снова охватила дрожь. Солдат накинул красный плащ на Его обнаженную спину, а затем поставил на ноги, чтобы надеть плащ как следует. А тот, кто нес венец, осматривал свои израненными шипами пальцы. Он искусно потрудился над этой "коронай", благо материал для ее изготовления в избытке лежал у каждой подворотни - терновник использовали для разжигания огня.

Терновый венец надели на голову Иисуса, и солдаты отступили на шаг, чтобы посмотреть, как Он выглядит. В руки Христа сунули тростниковый "скипетр". Солдаты, потешаясь, опустились перед Ним на одно колено и, склонив головы, воскликнули: "Да здравствует царь Иудейский!" Они оказывали Ему насмешливые почести, а затем подходили и плевали в лицо. Многие ударяли Его по лицу, но Он все переносил молча.

Одному из мучителей показалось, что в этой игре более почестей, нежели наказания, и выхватив тяжелую трость у Иисуса, он со всей силы ударил Его. Священники, наблюдавшие все со стороны, ждали конца этих развлечений, ибо солнце неумолимо поднималось к зениту. А некоторым происходящее уже казалось отвратительным.

Но вот солдатам тоже надоело. Они помогли Иисусу встать и обернули Его бедра повязкой. Этим Ему дали понять, что они считают в необычайной скромностью иудеев и проявляют присущую римлянам терпимость к подобным мелочам. Иисус за все это время не проронил ни слова. Очевидно, испытав такие пытки и мучения, Он был в состоянии шока.

11 часов

Толпа у ворот Антонии поредела. Даже для наймитов храма этот день был слишком свят и прекрасен, чтобы проводить его столь убого. Ожидание наскучило им, к тому же у них были неотложные дела в храме. Убийца Варрава удалился вместе с торжествующими дружками. А священники стояли перед аркой. Высокие колпаки, торжественные одеяния, сложенные впереди руки - зрелище было внушительным.

Они шепотом переговаривались, будучи уверенными, что когда Пилат закончит бичевание, он сообщит им, что этого наказания было вполне достаточно. Несомненно, он попытается освободить Иисуса под предлогом, что Тот был уже полумертвым. Каиафа не мог избавиться от подобных подозрений. Он недоумевал, почему прокуратор никак не может понять, что пока Иисус жив, Он будет опасной угрозой и светской и религиозной власти.

Людей у арки было еще достаточно много, чтобы поднять шум, к тому же их подговорили требовать крови Иисуса независимо от того, что скажет Пилат. В толпе уже готовились к этому, когда в сопровождении

Абенадара и отряда легионеров на ступенях в третий раз появился Пилат. Приглушенный шум в толпе тотчас прекратился.

Прокуратор, как и раньше, сел в кресло. В этот раз он проявлял явные признаки беспокойства. Он гневно посмотрел на толпу, и, подняв правую руку, сказал: "Послушайте! Вот я Его привел к вам и вы должны понять, что я не нахожу за Ним никакой вины".

Послышался недовольный ропот толпы. Каиафа испытующе глядел на своего противника, зная, что его поражение уже близко. Еще один взрыв негодования толпы, и Пилат покинет поле боя побежденным. Он взглянул через Лифостротон и увидел солдат, ведущих Иисуса. Пленника не было видно, ибо Его заслоняли солдаты, но медленное продвижение шествия говорило о Его состоянии.

Когда отряд поравнялся с прокуратором, солдаты удалились, остались лишь двое, поддерживающие Иисуса, чтобы Он мог стоять.

У толпы перехватило дыхание от того, что они увидели. Волосы под терновым венцом были мокры и потеряли цвет. Черты лица были почти неузнаваемы от ссадин. Одежда под багрянницей была в пятнах крови. Пленник медленно клонился назад, и солдатам пришлось стать плотнее, чтобы удержать Его на ногах.

Пилат взглянул на Осужденного, а затем на толпу и увидел естественную человеческую жалость к страждущему. В глазах многих людей отражался ужас, и некоторые отвели взгляд. Римлянин решил воспользоваться этой жалостью и смятением людей. Он встал, подошел к Иисусу и взял Его за руку. А затем поднял руку и крикнул толпе: "Взгляните на этого Человека!"

Священники вместе с толпой закричали: "На крест! Распни Его!"

Пилат опустил руку Иисуса в отчаянии. Он не мог поверить, что под руководством Каиафы толпа может быть столь бессердечной при виде того, что случилось с этим Человеком.

Пилат нервничал, он не мог понять, отчего он предчувствовал недоброе. Неужели им не ясно, что одним щелчком пальца он мог отпустить Пленника на все четыре стороны в любой момент? Почему же они настаивают на распятии при всей очевидности, что судья не расположен выносить высшую меру наказания по этому делу? Неужели до них не доходит, что он может издать приказ о немедленном аресте их всех? Он понял, но слишком поздно, что ему не следовало по этому делу вступать в разглагольствования ни со священником, ни с народом, а было бы лучше, если бы в самом начале он применил свою власть прокуратора и велел освободить Иисуса за недостаточностью улик.

Пилат глядел на толпу и несколько раз порывался что-то сказать. Наконец, он с горечью произнес: "Возьмите Его вы и распните, ибо я не нахожу за Ним вины". Каиафа знал, как знал это и Пилат, и все, кто был здесь, что иудеи не имели власти предавать распятию. "Мы имеем закон, - последовал ответ одного из старейшин, - и по закону нашему Он должен умереть, потому что Он называл Себя Сыном Божьим".

Прокуратор не знал, как поступить. Он все время полагал, что Иисус выставлял Себя чем-то вроде еврейского пророка, но о том, что Тот считает Себя Богом, прокуратор раньше не слышал. Это встревожило Пилата,

и он снова припомнил, что Прокула умоляла его не причинять зла этому Человеку - что она видела о Нем страшный сон. Пилат не верил - ни в божественность, ни в сны, но он был странно встревожен. Он повернулся на своих золоченых сандалиях и направился назад в преторию, приказав Абенадару доставить Пленника к нему.

Внутри своих покоев Пилат почувствовал себя совсем разбитым. Первоначально он помышлял освободить Иисуса, чтобы расстроить планы Каиафы и Анны, а сейчас его охватил необъяснимый страх. Он внимательно разглядывал израненного Человека, а затем мягко спросил: "Откуда Ты?"

Он не имел в виду узнать, где Иисус родился или жил. "Откуда Ты?" более глубокий вопрос... Казалось, Иисус обрел немного силы и мог стоять Сам. Он бегло взглянул на римлянина и склонил голову, не ответив на его вопрос.

Пилат униженно оглянулся на окружающих. За три часа этого прекрасного утра он снизошел от приказов к просьбе. Он пытался спасти Человека, Который не был заинтересован в Своем спасении.

"Не знаешь ли, - процедил Пилат сквозь зубы, - что я имею власть распять Тебя или власть имею отпустить Тебя?"

Сухие, потрескавшиеся губы шевельнулись и послышался хриплый голос: "Ты не имел бы надо Мною

никакой власти, если бы не было дано тебе свыше... посему более греха на том, кто предал Меня тебе". Эти слова имели важный смысл: если Бог-Отец не желает смерти Иисуса, никто, даже Понтий не имеет власти причинить вред Христу.

Прокуратор снова велел вывести Иисуса к ожидавшей толпе. В очередной раз Пилат сел в свое кресло. Послышались возгласы: "Если отпустишь Его, ты не друг кесарю! Всякий, делающий себя царем, противен кесарю!"

Это было неприкрытой угрозой Пилату, хорошо знавшему подозрительность Тиберия, который внимал любым доносам иудеев, особенно, если это были "ответственные" лица типа Каиафы.

Прокуратор поднял руку, и шум затих. "Се Царь вам!" - голос Пилата был полон сарказма. Толпа тотчас взревела: "Возьми! Возьми! Распни Его!"

Прокуратор притворно удивился: "Царя ли вашего распну?"

Священники взбесились от этих слов, и в хаосе голосов Пилат разобрал слова: "Нет у нас царя, кроме кесаря!"

Получался парадокс - горстка палестинцев оказалась более лояльной Тиберию Цезарю, чем назначенный им прокуратор. Это и заставило Пилата сдаться. Он велел принести большую чашу с водой и, умыв свои руки, сказал Каиафе: "Невиновен я в крови Праведника сего. Смотрите вы".

Этот жест не был оригинальным, к нему нередко прибегали в иудейской практике, когда судьи отказывались оспаривать контраргументы и отдавали все на откуп противной стороне. Из толпы слышались возгласы: "Кровь Его на нас и на наших детях!"

Каиафа одержал великую победу над римлянином и промолчал, дабы Пилат не передумал. Иисус должен умереть.

Абенадар приказал снять с Иисуса "царский" плащ. Пилат медленно удалился в преторию. Если он и оглянулся, то лишь затем, чтобы еще раз взглянуть на этого чудака, за Которого он сражался так упорно и так неумело. А когда Клавдия Прокула спросит его, Пилат честно ответит: "Я не хотел осудить Его. Его преступление было религиозным, и я уступил Его Каиафе".

Вспомнив о чем-то, прокуратор подозвал Абенадара и приказал приколоть на вершине креста надпись, гласящую о преступлении Иисуса. Надпись должна быть на трех языках: иврите, латинском и арамейском - именно в таком порядке.

Целью смертной казни было стремление удержать народ от попыток повторения преступлений, и ее осуществляли публично, чтобы все видели. Поэтому народ должен знать характер преступления жертвы. Пилат продиктовал надпись: "Иисус Назорей, Царь Иудейский". В этом и заключалась вина Пленника.

Абенадар спросил, как должен быть одет Христос, зная, что когда казнили иудеев, Пилат позволял прикрывать тело осужденного. Прокуратор приказал не отступать от традиции и обернуть бедра Распинаемого лоскутом ткани.

Казнить ли и тех двоих осужденных, разбойников, в то же время?

Пилат утвердительно кивнул, напомнив солдатам сделать все необходимое, не забыть о надписях и казнить всех троих вместе.

Есть ли какие-нибудь особые распоряжения его превосходительства?

Никаких. Приступить и покончить со всем этим.

Пилат по ступеням поднялся в крепость. Толпа успокоилась, сделав свое дело, сыграв роль многоголосого рупора священников. Сделали свое дело и Пилат, и Каиафа. А работа Абенадара только начиналась. По его разумению, это задание было не из приятных, но куда лучше, чем с коротким мечом нести службу на границе. А там, как на войне, кто-то должен погибать.

Были наспех изготовлены доски с надписями, и когда священники увидели надпись для Иисуса со словами "Царь Иудейский", они пришли в негодование и потребовали немедленной аудиенции у Понтия Пилата.

Когда их приняли, они попросили о последней любезности - изменении надписи. Не нравилось им, что Иисуса публично провозглашали Царем иудеев. Он не был Царем и не притязал на это. Но они не осмеливались прямо сказать об этом. Они могли бы указать, что Иисуса осудили за богохульство, и что надпись должна гласить: "Иисус Назорей, богохульник". Но священники проявляли осторожность, зная, что если они

выдвинут этот новый аргумент, Понтий Пилат может приказать пересмотреть дело в связи с тем, что он якобы будет считать Иисуса претендентом на трон, пытавшимся вбить клин между народом и царем.

Поэтому они кратко и очень вежливо попросили, "Не пиши "Царь Иудейский", но что Он говорил: "Я Царь Иудейский". На это, хмуро улыбнувшись, прокуратор ответил: "Что я написал, то написал".

За сегодняшний день это было самое твердое заявление прокуратора и первое, в котором он проявил железную волю. Этот человек был жестоким и неудачливым, он был третьим звеном в цепи из трех, поднявших Иисуса на Крест. Иуда предал Его за деньги, Каиафа привлек Его к суду отчасти, чтобы угодить своему тестю, Пилат пытался вести с первосвященником политическую игру, но его король получил мат в три хода.

Надпись была сделана так, как сказал Пилат. Плотник сколотил ее из трех сосновых дощечек, выкрасил в белый цвет и вывел буквы черной краской. Теперь ее можно было вешать на шею Осужденному или, как в этом случае, нести впереди Него. На месте казни надпись будет прибита в верхней части креста.

Абенадар был исполнительным и надежным солдатом. Он заранее обдумал задание и предусмотрел все, что нужно - начиная с солдат и седел и кончая надписями. Он приказал привести из темницы двух разбойников и поставить их позади Иисуса. Во главе процессии должен ехать всадник, и с боков и сзади выстроились вооруженные копьями легионеры. Перед каждым осужденным встали по три стражника, которые будут нести надписи, извещающие о содеянном преступлении.

Центурион приказал принести "деревья", и три солдата покинули строй. Оба разбойника просяще поглядывали на болтающих солдат, которые утоляли жажду вином или водой. Осужденным ничего не предлагали. Один из них попросил пить, но ему отказали. Абенадара можно было видеть в разных концах двора. Он перебросился несколькими словами с палачом, прошедшим обучение своему ремеслу в Риме и досконально знавшим весь ритуал казни. После этого центурион получил пищу для трех солдат, которые останутся на страже у крестов.

Когда все было готово, "деревья" возложили на правое плечо каждого из преступников. Это были всего лишь перекладины креста, а вертикальная часть всегда стояла на месте казни и использовалась неоднократно. Перекладины изготавливались из кипарисового бруса длиной около трех шагов и весили не менее пуда. Палач грубо обтесал перекладины и вырезал пазы для соединения с вертикальной частью. На соединении будет прибита надпись, которая прочно прикрепит обе части креста.

Ритуал предписывал, чтобы осужденный сам нес свой крест. Руки жертвы связывали, но не слишком туго, оставив для свободы движений около четверти верви. И если силы осужденного иссякали и руки опускали брус, короткая вервь между руками удерживала его на плече.

Центурион был озабочен только из-за Иисуса. Разбойников не бичевали, и они были крепки, а Иисус едва держался на ногах даже без тяжелой ноши.

Когда колонна сформировалась, центурион прошелся вдоль нее и остался доволен. Он отдал приказ, и колонна тронулась из крепости. Священники расступились, пропуская шествие. Они видели, что Иисус пошатывался под своей ношей и не отрывал глаз от спины идущего впереди солдата. Их дело было сделано, но тревожило, какое воздействие на простых людей окажет надпись. Несколько старейшин решили сопровождать шествие, и если надпись вызовет у населения ненужные толки, они осмеют ее и объяснят всем, что прокуратор "пошутил".

Ученые старцы шли впереди печального шествия и все еще обсуждали недостойное, по их мнению, поведение Пилата, вызвавшее недоумение у всех присутствующих. А чего стоила заключительная сцена умывания рук? Ведь этот иудейский символ, а не римский. Он был введен еще Моисеем и первоначально относился к ритуальным действиям при загадочном убийстве. Старейшины ближайшего к месту преступления города убивали телку и умывали над ней руки со словами: "Наши руки не проливали эту кровь, глаза наши ее не видели". Священники остались довольны тем, что народ ответил Пилату: "Кровь Его будет на нас и наших детях". Это был надлежащий ответ на ложное обвинение. Когда не чувствуешь вины, можно взять на себя всю ответственность!

Путь от крепости до Голгофы составлял тысячу шагов, сначала по узкой дороге, затем вверх по склону холма и круто вниз - в долину. Дорога проходила между домами и лавками. Солнце уже поднялось довольно высоко и стало припекать, но на всем пути на крыши высыпали люди, чтобы увидеть эту невеселую

процессию, лица осужденных и узнать об их преступлениях. Колонна продвигалась медленно, так как Иисус не мог идти быстрее. Вдоль улиц к стенам прижимались паломники, громко обсуждая вину смертников. Легионеры оттесняли толпу, кое-где даже копьями, а всадник впереди процессии громко требовал уступить дорогу солдатам Рима.

При обычных обстоятельствах Абенадар провел бы пленников через главную часть города, чтобы показать преступников горожанам в назидание. Но быстро приближалась суббота, и как распорядился легат Сирии, во внутренних делах Пилат должен был избегать нарушения религиозных традиций этого народа. Поэтому шествие направлялось на Голгофу кратчайшим путем, и вскоре Иисус, пошатываясь под Своей ношей, начал спуск по крутому склону холма. Наблюдавшие из лавок и домов люди проникались жалостью к Нему, и все чаще слышались возгласы: "Нет! Нет!" Женщины закрывали лица руками и отворачивались от этого вызывающего содрогание зрелища.

У подножия холма Абенадар направил шествие налево. В этом месте раскинулся огромный базар, и при виде солдат и верхушек трех "деревьев" в окружении копий народ устремился к колонне. Иисус следовал за идущими впереди, но был настолько обессилен, что Абенадар несколько раз возвращался и заставлял Его сделать следующий шаг.

Наконец Иисус остановился, не в силах двигаться дальше. Тело Его кренилось вперед. Брус начал раскачиваться, но Абенадар побуждал Иисуса двигаться дальше. Христос сделал неуверенное движение вперед. Он чувствовал, что падает, но не мог освободить связанных рук и через миг рухнул наземь. Передний конец бруса, скользя по правой части Его лица, ударился о землю. Иисус упал на правое колено и локти, а через долю секунды упала и перекладина.

Центурион был недоволен заминкой, но беглый взгляд на грязное лицо Осужденного и свежие струйки крови от терний на правом виске подсказали ему, что на глазах у толпы бесполезно приказывать этому Человеку подняться и снова взвалить на плечо Свою ношу.

Абенадар нашел выход. Подбоченясь, он нетерпеливо выискивал в толпе здоровяка, который сможет пройти с крестом остаток пути. Его взгляд остановился на мускулистом крестьянине с крутым лбом и черной бородой. Абенадар поманил его к себе и велел поднять перекладину.

Крестьянин проклинал свое любопытство, за которое приходилось расплачиваться, ведь он так спешил из своей деревни в город. Звали его Симоном Киринаеяни-ном. Этот зажиточный крестьянин не был иудеем, он и не мыслил быть причастным к проблемам римлян или иудеев.

Однако Симон повиновался. С недовольным видом он одной рукой поднял перекладину из пыли и вскинул ее на плечо, а второй - подобрал подол одежды. Он был готов. Но Иисус продолжал лежать на правом боку, тяжело дыша. Абенадар нагнулся и, подняв Христа за руку, с раздражением сказал, что теперь Тому не придется нести "дерево", что это сделает за Него сильный крестьянин.

Всадник снова продолжил путь самым медленным шагом. Киринаеянин шел позади Иисуса и видел, что Этот, истекающий кровью, Человек был на грани полного изнеможения. Печальное шествие двигалось к Ген-нафским воротам в городской стене, проделав чуть более полпути к Кресту. Зевак стало меньше. Люди читали надписи и спрашивали: "Зачем вы это сделали?" Иисус не отвечал. Не отвечали и разбойники.

Закон позволял проявлять милосердие к обвиняемым, но по отношению к осужденным это строго возбранялось. В Иерусалиме было общество милосердных жен, которое помогало деньгами, добрым словом и сочувствием бедным семьям, когда к ним приходило горе. Иисус еле волочил ноги, Его боль была столь невыносима, что в толпе слышали Его стоны. Слышали их и добрые женщины. И когда одна из них заплакала, рыдать начали многие. Некоторые не могли более смотреть на Христа.

Иисус, тяжело дыша, остановился. Он медленно переводил взгляд от одной женщины к другой, пока не увидел их всех и не почувствовал искренность их слез - слез первых скорбящих, оплакивающих Его смерть. Он сложил руки, и какое-то время казалось, что Он заплачет вместе с ними. Но голос Его окреп, и Он, обращаясь к ним, произнес пророчество о грядущем грабеже их города.

"Дочери иерусалимские, - молвил Он медленно, - не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших. Ибо приходят дни, в которые скажут: "Блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие". Тогда начнут говорить горам: "Падите на нас!" и холмам: "Покройте нас!" Иисус пророчествовал в последний раз. Его последние предупреждения предназначались для женщин с добрым сердцем, пожалевших измученного

Странника.

Покачивая головой, Он продолжал: "Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?"

Подбежал Абенадар и поторопил шествие колонны. Женщины глядели на Иисуса, слышали Его слова, но не понимали их смысла. Колонна тронулась. Иисус медленно передвигал ноги. За всадником Он увидел Геннафские ворота. Центурион опередил колонну и на наружной стороне ворот прикрепил извещение о том, кто будет казнен в этот день по воле Цезаря и за какие преступления.

Для Галилеянина это был долгий и трудный путь, и Он почти с успокоением осознал, что предстоящие пятьдесят шагов вознесут Его к вершине Его обещания - умереть за всех.

Полдень

Через Геннафские ворота в город вливался людской поток. Всадник остановил лошадь под аркой ворот и велел людям расступиться. Паломники недовольно ворчали, ведь многим из них пришлось проделать немалый путь, двигаясь даже ночью, чтобы прибыть в Священный город до наступления Субботы, и любая задержка раздражала. Их путешествие было радостным, и вид римлян, готовящихся передать смерти иудеев, сразу испортил им настроение.

Люди расступились, а дети засыпали их вопросами о трех мужчинах, несущих какие-то колоды. Они хотели знать, что сделали эти трое, чтобы заслужить смерть, и что такое смерть, и больно ли это. Даже маленькие дети были глубоко потрясены, увидев кровь на Христе. Они крепче прижимались к отцам и спрашивали, что мог сделать этот Человек, чтобы быть так окровавленным. Отцы читали надпись и не отвечали.

За воротами небольшая процессия проделала еще несколько десятков шагов и по команде центуриона остановилась у Голгофы. Это был небольшой каменный холм на пересечении двух дорог. На откосе за холмом находился небольшой сад, в это время года полыхающий красным и розовым цветом, а немного к северу склеп, недавно вырубленный в скале Иосифом Аримафейским.

Любой странник безошибочно определит, что этот холм - место казни, потому что на фоне неба четко вырисовывались три колоды крестов. Иногда их было и больше, но всегда - не менее трех. Это были обычные стволы кипарисов, оструганные лишь в верхней части, где был вырублен паз для поперечины. Иисус устало посмотрел на столбы, а затем на небо над ними, такое прекрасное и ясное. Ему сразу стало легче.

Вокруг собралась толпа, в передних рядах которой Иисус увидел церемониальные колпаки священников. Солдаты расположились по периметру, и когда они пропустили к Голгофе небольшую группу людей, на лице Иисуса можно было увидеть улыбку, ведь среди них Он увидел мать.

Христос говорил ей много раз, что умрет от рук человеческих, но Он не хотел, чтобы она присутствовала при этом. Но Он к этому моменту сумел укрепить ее, обратив естественный материнский страх в понимание, что смерть Его будет не поражением, а вечной славой. Она протиснулась к Нему, а за ней Мария - мать младшего Иакова, Саломея, жена Зеведеева, Мария Магдалина и любимый ученик Иоанн. Мать Христа пыталась заговорить, но лицо ее исказилось, и покатались слезы. Она безмолвно протянула к Нему руки.

Иисус хотел прижать ее к Себе, но Его одежда была окровавленной. Другие женщины, увидев слезы Марии, начали рыдать. Христос увещевал их, что Он пришел на землю ради Искупления, что на то была воля Отца. Они понимали это и помнили о Его обещании вернуться к ним через три дня, но были не в силах смотреть без сердечной боли на избитого Человека, в руки и ноги Которого вскоре загонят железные гвозди.

Христос обратился к Иоанну, чтобы тот утешил женщин, и был тронут до глубины души, когда увидел, что этот юноша тоже вытирает слезы. Иисус был готов к предстоящим мукам, но горе тех, кого Он любил, усугубляло Его страдания. Он отвернулся и, помолчав, стал увещевать их не горевать. А Его красноречивый взгляд, обращенный к Иоанну, словно просил апостола оградить Мать насколько возможно от того ужасного, что предстояло. Иоанн ответил понимающим взглядом. Мария хотела остаться со своим единственным Сыном, но Иоанн с остальными отвел ее в сторону. В оставшиеся три часа жизни Иисуса, Иоанн, как мог, пытался оградить Марию от ужасного зрелища смерти ее Божественного Сына.

Посоветовавшись с палачом, центурион приказал первым распять Иисуса. Один из разбойников громко доказывал, что он не вор, а политик. Солдаты засмеялись и посоветовали ему обсудить это с Иисусом, ведь Он был Царем. Другой разбойник был охвачен страхом. У него не было здесь никого, ни друзей, ни родственников.

Абенадар велел Симону Кириянину поставить поперечину позади Иисуса. Язычник с состраданием посмотрел на Галилеянина и хотел было сказать Ему что-то утешительное, но передумал и, покачав головой, смешался в толпе. Центурион приказал трем солдатам, которые несли надписи, помочь палачу, а затем нести караул под крестами. Сам он тоже останется с ними.

Первыми изобрели распятие финикийцы. Они перепробовали различные способы умерщвления - кололи копьем, варили в масле, забивали камнями, душили, топили, сжигали - но при всем этом смерть наступала слишком быстро. Им нужен был медленный и жестокий способ казни преступников, поэтому был придуман крест. Эту казнь они считали почти идеальной, ибо она была медленной и мучительной (нередко распятые оставались живы под палящим солнцем два-три дня), к тому же осужденный был доступен взору людей.

Другим "преимуществом" казни на кресте была постыдная для осужденного нагота, кроме того делающая его беззащитным перед насекомыми. Смерти распятого ждали стервятники.

Римляне заимствовали у финикийцев казнь на кресте как надежное средство устрашения народа, предупреждающее совершение преступлений. Солдаты империи не испытывали недостатка в практике в этом способе казни. После подавления восстания Спартака в один день было распято шесть тысяч человек. Кресты стояли вдоль дороги от Капуи до Рима. Первоначально клиньями прибавляли лишь ноги жертвы, а руки привязывали к поперечию, но оказалось, что силы покидают распятого слишком медленно, и караул должен был стоять у крестов несколько дней. Впоследствии от клиньев отказались и стали забивать гвозди в кисти и ступни ног, и если жертва не отличалась недюжинной силой, она выпускала дух через несколько часов. Этого времени было вполне достаточно, потому что интерес зевак постепенно падал, и толпа расходилась по домам.

* * *

Толпа замерла. К каждой жертве Абенадар поставил по четыре солдата, и они ждали сигнала. Любопытные проталкивались вперед. Реплики в толпе, крики солдат, призывающих людей отступить назад, плач женщин - все это создавало значительный шум. Затем через кордон стражников прошли милосердные жены Иерусалима с кувшином и губками. Они приносили вино, смешанное со снадобьями для тех, кто будет распят. Римляне не запрещали этого акта милосердия. Абенадар терпеливо ждал, когда они закончат. Женщины приблизились к разбойнику, промолчавшему весь путь, и налили в кубок вина. В вино бросили несколько зерен фимиама, который, как полагали, притуплял чувства.

Фимиам не оказывал, конечно, никакого воздействия, но если жертва верила в его силу, ей казалось, что страдания немного облегчаются. Угрюмый вор пил вино, глядел на плачущих женщин и был в недоумении: он, кого сейчас лишат жизни, смотрел на них сухими глазами, а они, кто останется жить, плакали по человеку, которого ранее никогда не знали.

Женщины перешли к Иисусу и наполнили вином чистый кубок. Он посмотрел на вино, затем на женщин и покачал головой. Он не станет пить. Он должен до дна испить чашу страданий.

Третий осужденный выпил вино залпом и начал громко возмущаться тем, что его предадут распятию за политические убеждения, что его оговорили свидетели. Он-де был противником властей Иерусалима, а если и украл, то из политических, а не личных соображений.

Абенадар подал сигнал. Четверо солдат обступили осужденных и начали снимать с них одежду. По толпе пронесся приглушенный шепот. Распятие началось.

Обнаженные бедра жертв обернули кусками ткани, концы которых заткнули за повязки сзади, предварительно пропустив между ног. Одежду и сандалии свалили в кучу перед каждым из трех.

Уже перевалило за полдень. Где-то рядом на легком ветру шумели листья масличных деревьев и покачивались дикие цветы. Когда пришли люди, стайки мелких птиц с щебетом перелетели с холма в сад. Из толпы вырвался приглушенный вздох, смолкли и птицы.

Палач положил поперечину позади Иисуса и, схватив Его за руку, свалил на землю. Когда Христос упал, палач пододвинул поперечину под шею, а двое солдат наступили коленями Ему на руки у локтей. Иисус не сопротивлялся и ничего не говорил, а только глухо застонал, потому что, когда Он упал затылком оземь, тернии глубоко вонзились в кожу.

Палач делал свое дело быстро и умело. На нем был передник с карманами, откуда он достал два пятидюймовых гвоздя и зажал их зубами. Взяв молоток, он присел у правой руки Иисуса, которую солдат прижал к перекладине. Правой рукой палач ощупал запястье Иисуса, ища впадину, а затем взял квадратный

гвоздь и приложил его к впадине, как раз в той точке, где кончается линия жизни. Затем он взмахнул молотком и с силой ударил по шляпке гвоздя.

У подножия холма Иоанн прижал голову Марии к своей груди, чтобы утешить ее и не дать ей видеть ужасного зрелища. Когда застучал молоток, в толпе тоже многие отвернулись. Кто-то заплакал, кто-то вслух молился, а некоторые стали уходить в сторону Геннафских ворот.

Палач переступил через Иисуса к другой руке...

Когда он убедился, что Распятый не сможет в агонии расшатать гвозди и упасть с креста, он быстро поднял обе руки. Это был сигнал поднимать поперечину.

Солдаты схватили концы поперечины и подняли ее, при этом они подтягивали Иисуса за запястья. Он стонал при каждом выдохе. Вчетвером дотащив несчастного до вкопанной в землю колоды, они начали поднимать поперечину по стволу. Ноги Иисуса оторвались от земли, и тело стало корчиться от боли.

Наблюдавшие за этим двое разбойников в тот миг отвернулись. Молчавший обрел голос и забормотал молитвы, а второй плакал и взывал к окружавшим его четверым солдатам, доказывая, что в отношении него была совершена ошибка. Один из священников с издевкой сказал, чтобы все слышали, что этот Мессия слишком жалок и что в свое время он видел мессий и попримичнее.

Когда поперечина была укреплена в пазу, палач пригвоздил надпись с именем преступника и его обвинением, а затем опустился на колени пред крестом. Солдаты поспешили к нему на помощь и схватили Иисуса за икры обеих ног. По ритуалу должно было прибить ступни одним гвоздем, накрыв левую правой, и это была самая трудная часть работы. Если ноги слишком оттянуть и прибить внизу креста, распятый умрет быстро. С годами римляне стали прибивать ноги выше, чтобы жертва могла распрямлять ноги и поднимать свое тело, на короткое время облегчая свои страдания и тем самым продлевая жизнь.

Иисус был распят. Он был в последний раз обращен лицом к Священному городу.

Палачи приступили к другим и совершили то же самое.

Собравшаяся толпа наблюдала медленную смерть. Четыре раны сами по себе не были смертельны, но постоянная боль вызывала агонию у распятых.

Люди не отрывали глаз от Иисуса, потому что священники усердно внушали толпе, что никакой Он не Мессия. Действительно, Иисус выглядел так же, как любой другой преступник при распятии. Он ничем от них не отличался, в Нем не было ничего необычного.

Как и у других, Его голова временами опускалась, касаясь подбородком груди. Или вдруг от внезапных спазмов голова вскидывалась с одного плеча на другое, а глаза смотрели прямо на солнце. Когда тело в изнеможении обвисало, весь его вес приходился на прибитые гвоздями руки, а ноги сгибались в коленях.

Иисус ощущал невыносимую боль в кистях, предплечья и плечи пронизывали судороги. Мгновенные параличи грудных мышц вызвали у Него невольную панику, ибо Он обнаружил, что будучи в состоянии делать вдох, он не мог выдохнуть.

Иисус сразу поднял тело на кровоточащих ногах. Вес переместился на ступни, и единственный гвоздь больно давил в верхней части раны. Иисус медленно выпрямился, Его голова закрыла надпись о преступлении. Когда плечи достигли уровня рук, дышать стало легче. Подобно двум другим, Он преодолевал боль в ступнях, чтобы отдышаться.

Потом, не в силах терпеть боль в пригвожденных ногах, боль вызывающую судороги и стоны у самых крепких, Он опускал торс ниже, выгибая колени вперед, до тех пор пока с глубоким вздохом не чувствовал, что висит на одних руках. Затем весь этот процесс повторялся по многу раз.

Старейшины, презирая Его боль, не могли удержаться от издевательских реплик: "Разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси Себя Самого! Если Ты Сын Божий, сойди с креста!"

С креста не было ответа. Каиафа насмешливо выкрикнул: "Других спасал, а Себя Самого не может спасти!" К нему присоединились и другие избранные: "Если Он царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него!" "Уповал на Бога, пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему, ибо Он сказал: "Я Сын Божий".

К этим глумлениям присоединился один из солдат. Он встал перед крестом и, глядя в искаженное от боли лицо Иисуса, сказал: "Если Ты Царь иудейский, спаси Себя Самого!"

В это время одна из женщин пожаловалась мужу, что стало плохо видно происходящее. Тот взглянул на

небо, за ним и другие. Облаков не было, но небо потемнело, меняя нежно-голубой цвет на темно-синий. Это происходило не внезапно, а постепенно. На какое-то время люди забыли о трех мучениках на крестах, удивляясь небу. Иные полагали, что надвигается гроза. Толпа стала расходиться, многие поспешили к воротам. Женщины покрывали головы шальями и, прихватив детей, бежали в поисках укрытия.

Грома не было слышно, не сверкали молнии, не было и туч. Небо до такой степени потемнело, что на солнце можно было смотреть открыто. На все опустилась сумеречная тьма.

Людей охватил ужас, и они в панике спрашивали друг друга, что происходит. Некоторые предполагали, что это могла быть гигантская пыльная буря, поднявшая тонны песка между солнцем и землей. С ними не соглашались, ибо самые древние старики не видели пыльной бури, которая закрывала бы весь Иерусалим.

Тьма стояла до конца дня.

(Эта тьма, оказывается, охватила и другие части мира. Флегон писал, что в четвертом году двести второй Олимпиады над Европой нависла невиданная ранее тьма. В полдень на небе были видны звезды. Тертуллиан позже писал, что в римских хрониках он обнаружил запись о тьме, охватившей весь мир, объяснения которой государственные мужи империи найти не могли).

1 час

Движение на двух дорогах спало. С севера прошло еще несколько караванов, и паломники останавливались, чтобы спросить о трех распятых. Из города никто не уходил, если не считать купцов - язычников, спешивших на запад в надежде попасть на корабль из Иоппы. На верблюде, несмотря на дурную погоду, выехал перс, бросив презрительный взгляд на несчастных мучеников.

В Палестине привыкли к смерти. Она посещала все дома, ее не приходилось долго ждать. Редко кто-либо останавливался, видя мертвого у дороги. Дети были подвержены множеству болезней и недугов, и не часто счастливая мать могла похвастаться, что без потерь вырастила четырех малышей.

Спустя час уже мало кто интересовался судьбой Иисуса. На Голгофе осталось лишь несколько священников, остальные поспешили в храм. Ушли и зеваки, испугавшись полуденной тьмы. Не слышно было пения птиц. Масличные деревья и дикие цветы застыли в неподвижности.

Тишину нарушали лишь мучительные стоны умирающих. Каждый из них прошел долгий путь страданий, каждому был уготован свой путь в грядущее. Время от времени любопытные указывали то на одного, то на другого со словами: "Этот уже умер. Он не двигается".

Вероятно, распятые на какое-то время теряли сознание. Это случалось не надолго, ибо когда блаженство обморока охватывало их, дыхание приостанавливалось. И если в это время смерть не наступала, чувство обретения реальности было куда мучительнее, чем какой-то миг назад при потере сознания, когда зеваки на иерусалимской стене начинали расплываться у них перед глазами.

А за крестами громкая ругань солдат, игравших в кости. По закону имущество осужденных конфисковывалось государством, а тем, кто осуществлял казнь, доставалась одежда осужденных.

Одним из четырех римлян у креста Иисуса был Абенадар. Он велел солдатам, рвущимся к дележу добычи, прекратить беспорядок и приказал раздать им пищу. Свой обед римляне запивали дешевым вином и развлекались. Среди прочих был тост за Иисуса, и, подняв кубки, солдаты, насмехаясь, обратились к Нему за ответным тостом. Они спрашивали о Его здоровье, спрашивали, не больно ли Ему.

Изрядно напившись, они вернулись к своей игре, а Абенадар обошел вокруг креста и поднял одежду Иисуса. Затем он швырнул одному из солдат изношенные сандалии Иисуса, другому окровавленный плащ, третьему белый лоскут, которым Иисус покрывал голову. А себе Абенадар оставил пояс. После этого он позволил другим солдатам разделить одежды разбойников. Они вскочили и устроили свалку из-за жалких "трофеев".

После дележа одежды Иисуса осталась еще одна вещь. Это был хитон нижняя одежда наподобие длинной рубахи. На ней тоже были пятна крови Христа, но она привлекла внимание Абенадара тем, что была без швов. Он стоял на камне и осматривал прорезь для головы, поворачивая хитон и пытаясь найти шов. Шва не было.

Центурион хотел заполучить эту вещь, если ее постирать, она будет дороже всего остального, но Абенадар был справедлив и велел налить всем еще вина и разыграть хитон в кости. Солдаты с любопытством рассматривали тунику, тщетно пытаясь обнаружить шов.

Когда они начали играть на хитон, Иисус поднял глаза к небу и громко сказал: "Отче, прости им, ибо не

ведают, что творят!" Это было столь неожиданно, что солдаты сразу прекратили игру - даже в их полупьяном состоянии эти необычные слова вызвали удивление. Плачущая Мария отстранилась от Иоанна, чтобы посмотреть на Сына.

Слова Иисуса были молитвой. Он просил прощения тем, кто так бессердечно распял Его и делил между собою Его одежды. Слово "им" относилось не только к солдатам. Мольба о прощении распространялась и на священников, на фарисеев и саддукеев, на народ, на весь мир.

Любовь. Вот что значила Его любовь.

Все трое казнимых заметно теряли силы. Солдаты поглядывали на небо, недоумевая, почему так долго не начинается гроза. Некоторые, напившись вина, сняли шлемы и уснули на камнях.

С каждой минутой боль распятых нарастала, но смерть еще не приходила. Руки, ноги, все тело словно кричало от боли. Нервы - как натянутые струны, и концы их затягивались все туже и туже.

"Политик", распятый слева от Иисуса, сердито глядел на Иисуса через правое плечо, как будто у него была тайная обида на страдающего рядом незнакомца. Наконец, он, сверкнув глазами, злобно прохрипел: "Если Ты Христос, спаси Себя и нас!" Иисус посмотрел на умирающего в муках человека, но не сказал ни слова. "Молчаливый" - другой разбойник - поднялся на своих кровоточащих ногах и через Иисуса с укоризной посмотрел на товарища: "Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал". Ответа не последовало - "политик" обмяк и повис на руках, стелая от боли. "Молчаливый" сделал глубокий вдох перед тем, как повиснуть на руках и в краткой мольбе сказал Иисусу: "Помяни меня, Господи, когда придешь в Царство Твое!"

Христос подтянулся, тяжело дыша, и промолвил: "Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю".

Христос, умирающий как человек, испытывающий великие муки, чувствовал, что задыхается, как будто две руки сжимали Его горло.

Потеря крови была смертельной, ибо гвозди не задели артерий, хотя немало ее пролилось от побоев и из ран, оставленных терниями. Причиной смерти распятых редко была потеря крови, смерть обычно наступала от удушья.

Разбойники тоже ослабли, в этом и была идея распятия - прогрессирующая слабость при все усиливающейся боли. Но они были не столь слабы, как Иисус, ибо Его избивали и не давали есть с прошлого вечера - почти четырнадцать часов. У распятых пересохло во рту, и чем более нарастал шок, тем больше терялось влаги; она выступала на коже.

Иисус был ближе к смерти, чем другие.

2 часа

Наступил последний час страданий Иисуса на кресте. Движение через Геннафские ворота иссякло. Разморенные солдаты дремали на камнях. На Голгофе остались лишь единицы из тех, кто любил Иисуса и столько же - кто ненавидел Его. Небо по-прежнему было темным, и некоторые предполагали, что это было затмение солнца, но им возражали образованные, ибо солнце было уже в западной половине неба, а луна появится на востоке на закате.

Но и в сумраке в городе царил праздничное настроение, даже толкотня верующих в храме не вызывала раздражение. Во всех дворах храма с чувством всеобщей радости собрались тысячи людей, ждущих призыва к дневному жертвоприношению.

Мало кто из них знал о судьбе Иисуса. О местонахождении апостолов, кроме Иоанна и Иуды, ничего не известно. Они были посрамлены и где-то пребывали в душевных муках. Священники не стали разглашать новость о распятии Иисуса, не желая возмущать многих последователей Христа. Однако некоторые заметили Его отсутствие и спрашивали: "А где же Иисус, Который учит во имя Бога?", "Где Галилеянин, воскрешающий мертвых и исцеляющий слепых?"

Те, кто видел Его на кресте и узнал Его по надписи над головой, не стали распространять новость, дабы не омрачать радость праздника, ведь всегда неприятно узнавать о соотечественнике, распятом на римском дереве. К тому же было неловко признавать, что Тот, Кого считали Мессией, умирал как простой раб за стеной Священного города. Если бы тысячи уверовавших в Иисуса увидели Его жалкое состояние! в этот час, они бы гневно осудили заговор Иуды и Каиафы против Него, но, поразмыслив, они бы решили, что увиденное на

Голгофе не совпадает с их образом Мессии.

Как никто другой Иисус знал о неизбежности смерти. Он мог бы умереть по Своей воле в любой час, но Он хотел показать Свою любовь к человечеству, испытав все муки сполна. Требовалась неслгибаемая воля, чтобы в жестоких и неослабеающих страданиях оттянуть смерть.

Иисус посмотрел на горстку любимых Им людей, стоявших всего в нескольких шагах. Юный Иоанн поддерживал Его Мать. Христос кивнул Иоанну, но тот не знал, подойти ли ему самому или подвести Мать. Посоветовавшись с женщинами, он сделал с Марией шаг к Кресту.

Увидев это, двое солдат поднялись со своими копьями, но центурион велел им не вмешиваться, и они снова уселись на теплый камень, не сводя глаз с убитых горем людей. Мария и Иоанн медленно взошли на камни и остановились перед Иисусом, всего на голову ниже Его глаз. От увиденного Мария разрыдалась и опустила голову.

Иисус не хотел разжалобить их, Он желал дать напутствие обоим. Его приемный отец давно умер, а теперь, когда умирал Он, единственный Сын, не оставалось никого, кто бы позаботился о Марии. Многочисленная родня не позволит Марии бедствовать, но Иисусу не хотелось, чтобы она искала пристанища то у одного родственника, то у другого, как бы хорошо они к ней не относились.

Он подтянулся на кресте, готовясь говорить. Сжав зубы, он медленно распрямил колени, и дышать стало легче. Затем, экономя слова, сказал Матери: "Се сын твой". Переводя взгляд на Иоанна, Он твердо сказал: "Се мать твоя". Иоанн крепче прижал к себе Марию. Он посмотрел в глаза Христу и понимающе кивнул.

Это был трагический момент для Сына Человеческого. Он смотрел вслед уходящей матери, ее обнимал Иоанн, а не Он, Иисус, и Его глаза затуманились. На миг физическая боль уступила место другой, более тяжелой.

Прощание оказалось коротким. Он мог бы сказать о Своей сыновней преданности, Он мог бы сказать, как Он любит ее, что значила для Него ее забота, как глубоко Он понимал все ее страдания в те годы, когда Он взял на Себя трудную миссию, какие терзания Он испытывал от страданий ее сердца в этот ужасный момент. Но Он ничего этого не сказал.

Иисус хорошо знал, что такие слова не уменьшили бы ее скорби. Лучше сказать лишь несколько значимых слов. Но за своим горем она чувствовала конечную победу Сына.

Медленно тянулись минуты. Священники беспокоились, ведь на водяных часах истекал уже девятый час, а распятые все еще боролись со смертью. Эту затянувшуюся процедуру надо было как-то кончать, но им было безразлично, что о них подумают люди, и, посоветовавшись, они отправили гонца к Понтию Пилату, чтобы он распорядился предать распятых смерти и совершить погребение до захода солнца.

Галилеянин был близок к смерти. Он неподвижно висел на кресте, и в Его глазах стали меркнуть очертания любимых Им людей, города и группы священников. Темнота сгустилась, и Иисус почувствовал холодное прикосновение смерти. Он силился сделать еще один вздох, подняться на руках, чтобы увидеть ускользающий мир. Прерывисто дыша, Он еще раз взглянул на мир, людей перед Собой и прокричал: "Или! Или! лама савахфани?" (Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?). Голос был столь громким, что некоторые вздрогнули. Многим показалось, что Он зовет пророка Илию. "Илию зовет Он, - послышалось в толпе. - Постой, посмотрим придет ли Илия спасти Его".

Но Иисус не призывал пророка. Он взывал к Отцу. В этой агонии, еще не достигшей точки, когда нервная система человека теряет чувствительность и наступает беспамятство, Он изрек эти слова из псалмов.

Сознание вернулось к Нему, Он огляделся. Он видел ясно страдания друзей и триумф священников, рассуждавших, что истинный Сын Божий не стал бы звать на помощь всего-навсего пророка.

"Пить!" - простонал Иисус. Это вызвало насмешливый шепот в толпе: "Он здесь, чтобы умереть, а не пить". Мышцы Его рук задергались в судорогах, Он все еще силился держаться повыше на кресте. Слышавший Его просьбу солдат взял копьё и насадил на него губку, которую окунул в посуду. Это был обычный напиток легионеров из воды, укуса и взбитых яиц.

Затем он поднес пропитанную влагой губку на кончике копья к устам Христа. Иисус возопил громким голосом, и не стал пить. Укусная смесь с потрескавшихся губ стекала по бороде. Солдат пожал плечами, сбросил губку с копья и снова уселся за крестом.

3 часа

Иисус в последний раз подтянулся к вершине креста и сказал громким голосом: "Отче! В Твои руки предаю дух Мой". Солдаты подняли головы, и в это время вырвался последний крик Христа: "Свершилось!" Его тело обвисло, Иисус испустил дух, и в этот момент загудела земля, как будто по ней неслось стадо диких животных. Земля вздрогнула, и с запада на восток образовалась в ней трещина. Она расколола камни Голгофы, прошла через дорогу и городские ворота, через храм, где сверху донизу разорвалась завеса, и далее через весь город и кладбище, поток Кедрон и далее к Мертвому морю, оставляя след в земле, скалах, в горах. Центурион и солдаты в страхе вскочили на ноги. Они подбежали к кресту и увидели Его лицо, потемневшее небо и трещину в скале. Центурион склонил голову: "Истинно, Человек сей был Сын Божий". Он не находил себе покоя и обернулся к друзьям Иисуса, возможно с каким-то вопросом, но увидел, что они уводили мать Христа в сторону ворот. Центурион обратил внимание на человека в богатой одежде, быстро следовавшего за ними. Абенадар не знал его, но запомнил, что в течение последнего часа он стоял отдельно от других, с состраданием глядя на Христа. Это был Иосиф Аримафейский. Не ускользнуло от глаз центуриона и то, что со священниками о чем-то говорили двое из стражников Пилата. Возвращаясь на свой пост, Абенадар ломал голову, о чем они могли сейчас говорить. Его любопытство тут же было удовлетворено, так как стражники сразу же подошли к нему и поведали о распоряжении Пилата. Священники, которые были у Пилата, выразили опасение, что если распятые будут висеть на крестах после захода солнца, Голгофа будет осквернена, и ни один иудей впредь не ступит туда ногой. Пилату и самому хотелось поскорее разделаться с этим делом Иисуса, и поэтому со священниками он послал на Голгофу своих стражников, чтобы те без промедления умертвили распятых, перебив их голени.

Абенадар кивком головы велел стражникам приступить к делу. У одного стражника было копьё, а у другого крепкий кол. Посоветавшись они решили начать с молчавшего разбойника. Он видел, что к нему идут и знал зачем...

Когда его тело обмякло, и больше не было судорожных попыток подтянуться, стражники перешли к Иисусу; тот, что был с копьём, сказал, что Иисус мертв. Он отступил на шаг, и прицелившись в правую часть груди, вогнал копьё между пятым и шестым ребром. Так он хотел убедиться, что Распятый не притворяется мертвым.

Копьё вошло сквозь плевру, легкое и остановилось в предсердечной сумке. У мертвых обычно нет кровотечения, но после смерти в правом предсердии остается кровь, а в наружном мешочке - сыворотка. Когда стражник вытащил копьё, из раны потекла кровь вперемешку с водянистой жидкостью.

Двое подошли к последнему кресту. Разбойник, протестовавший в начале казни, мог только с неммым ужасом смотреть на остановившегося у его ног человека с увесистым колом...

Стражники еще раз оглядели кресты, высматривая признаки жизни. Убедившись, что все три жертвы неподвижно обвисли на руках, они получили разрешение у центуриона отбыть в крепость.

Требовалось немалое мужество, чтобы совершить то, что сделал в тот день Иосиф Аримафейский. Он поспешно направился в Антонию, где получил аудиенцию у Понтия Пилата, во время которой он попросил прокуратора разрешить ему похоронить Иисуса Назорея.

Пилат вздрогнул от этих слов. Он не мог поверить, что Иисус уже мертв, но Иосиф утверждал, что видел своими собственными глазами, как умирал Иисус. Чтобы развеять сомнения, Пилат отправил всадника на Голгофу, чтобы получить донесение от Абенадара. Иосифу пришлось ждать. Для него этот разговор с Пилатом был неловким, ибо испрашивая тело Иисуса для погребения, он открывал прокуратору, что он, член большого Синедриона, глава известного саддукейского рода, был тайным учеником Иисуса.

Иначе зачем ему выпрашивать покойника? Зачем унижать себя этим приходом в Антонию, если в этот час он должен, как и тысячи других, стоять на паперти храма с молодым агнцем в ожидании троекратного призыва к жертвоприношению? Он, должно быть, предполагал, что языческому прокуратору будет приятнее узнать, что тайные последователи Галилеянина были даже в Синедрионе.

Вскоре была получена весть, что Иисус умер первым, как раз перед тем, как стража с колами приступила к своей работе. Пилат пожал плечами и, учтиво поклонившись Иосифу, разрешил снять тело с креста и по иудейскому обычаю похоронить его до наступления субботы.

Сенатор-иудей поблагодарил Пилата и устремился в город. Там он случайно встретил фарисея Никодима, знавшего и любившего Иисуса, и поведал ему, что сейчас собирается похоронить тело Иисуса в склепе,

который он соорудил недавно в роще близ Голгофы. Никодим сказал ему, что слова и деяния этого Человека запали ему в душу, и без малейших колебаний предложил свою помощь, дабы Иисус был погребен достойно.

По иронии судьбы Его погребение устраивали не Петр или Иоанн, или те, кто только вчера вечером били себя в грудь, клянясь, что любят Его больше других, а саддукей, фарисей и язычник. Римляне обычно оставляли распятых до тех пор, пока вороны, мелкие хищники и насекомые не оставляли на крестах одни кости. Этот обычай отменил Август Цезарь и позволил снимать мертвых с креста и погребать их до субботы.

Иосиф и Никодим знали, что когда они придут на Голгофу, там будет несколько священников, которые возмутятся тому, что два весьма уважаемых в стране человека на виду у всех будут погребать богохульника, Этим, несмотря на то, что они всю жизнь скрывали свою преданность Христу, после Его смерти они обрекут себя на порицание от себе подобных до конца своих дней. Иерусалимская знать никогда не простит им содействия преступнику, который закончил жизнь на кресте.

Никодим отправил слугу домой за благовониями, смесью мирра и алоэ, которые применялись для помазания тела покойника, а Иосиф купил тончайшего белого полотна на саван. Он не забыл о различных мазях и пушистом перышке, необходимых для совершения обряда погребения.

Прибыв на Голгофу, Иосиф и Никодим подошли к друзьям Иисуса и сообщили Иоанну, что римляне разрешили захоронить тело Христа. Иоанн был тронут до слез преданностью Иосифа. Они решили не терять времени, дабы не осквернить субботы, Иосиф указал, где расположена высеченная в скале по его заказу гробница.

Иоанн вызвался помочь в снятии Иисуса с креста, но Иосиф сказал апостолу, что тот не должен отходить от матери Распятого, а ему поможет Никодим, ведь римляне уже ушли. К ним приблизилась группа священников, чтобы лучше слышать разговор, и когда они увидели двух важных иудейских служителей храма с родственниками богохульника, они онемели от удивления. А когда им стало ясно, что Иисуса захоронят в собственном склепе Иосифа, они поспешили в Иерусалим, чтобы доложить об этом Анне.

Иоанн настаивал на том, что он должен исполнить свой последний долг перед Христом, участвуя в погребении, а Марию будут опекать женщины. Ему было стыдно, что других апостолов здесь нет. Как и предупреждал Учитель, они разбежались, словно овцы, когда на их пастуха напали. Иоанну было больно сознавать, что о любимом им Иисусе в эти последние часы будут заботиться руки чужих людей. Кому же прикасаться к телу Христа, как не тому, кому Он доверил попечение о Своей матери?

Кроме женщин, у ворот больше никого не осталось. Три Марии хотели послать кого-нибудь в город, чтобы купить редкие благовония и бальзам. Бальзамированием обычно занимались женщины. Но для похорон оставалось совсем мало времени. Тем более, что Никодим уже принес благовония. Женщин это сообщение не утешило, а вызвало лишь слезы: они ведь тоже хотели быть причастными к последним почестям Умершему. Иоанн предложил им пройти сюда с бальзамом завтра или в воскресенье, но это их не успокоило. Тогда Иосиф Аримафейский попросил их тоже участвовать в приготовлениях к погребению и проследить за пропиткой савана пряностями, и это немного воодушевило их. Иосиф был уже пожилым человеком и понимал женщин лучше, чем молодой человек.

Мужчины подступили к кресту...

Задача оказалась непростой, но они смогли освободить тело и перенести его на плоскую скалу для омовения.

Они увидели, что к ним стали приближаться женщины. Мария Алфеева и Мария Магдалина удерживали рвущуюся вперед и рыдающую Мать Иисуса. Ее невозможно было уговорить остаться на месте. Иисус лежал на камне в той же позе, что и на кресте. Иосиф стоял на камнях у Его изголовья и осторожно отирал лицо Христа влажной тканью. Он закрыл Ему веки, а когда омыл шею и плечи, туго подвязал Его подбородок лоскутом льна, чтобы уста оставались сжатыми.

Мария сидела рядом с Сыном, и мужчины то и дело сочувственно поглядывали на нее. Им хотелось, чтобы она ушла, ведь ее рыдания лишь усугубляли и без того тяжелое занятие. Мужчины быстро, но старательно омыли тело; двоим из них пришлось держать тело на боку, пока третий омыл спину и окровавленную голову.

Никодим развернул ткань и разложил ее на скале, затем втроем они подняли тело и положили на ткань. После того, как тело умастили благовониями, следовало уложить руки Усопшего вдоль туловища и распрямить

Ему ноги, но ученики не хотели делать этого в присутствии матери.

Выход нашел Иоанн. Он предложил перенести тело в гробницу и там закончить погребальный обряд. Мужчины приподняли тело на холсте и осторожно перенесли его шагов на сорок в низкорослую рощу. В предпоее гробницы тело было уложено на каменной плите. Затем Иоанн отнес саван к женщинам и попросил их пропитать ткань благовониями. Они с благодарностью выполнили эту просьбу, чуть облегчив свою скорбь этой службой Спасителю.

Гробница была изысканно украшена, хотя по меркам тех, кто мог позволить себе иметь гробницы, она была обычной. Это была пещера, высеченная в склоне невысокого холма и обращенная к Геннафским воротам. В поперечнике она имела шагов восемь, а в высоту была достаточной для самого высокого человека. Иосиф приготовил гробницу для себя с замыслом расширить ее, если кто-то из детей или внуков пожелает впоследствии быть здесь захороненными.

У входа был открытый дворик, а сам вход был не более полутора метров в высоту и закрывался огромным каменным жерновом такого же размера. Одному человеку было не под силу сдвинуть его с места. Жернов стоял в выдолбленной канавке, и чтобы откатить его от входа, требовались усилия двух человек, в то время как третий подкладывал крупный камень снизу, чтобы жернов не откатился назад. Канавка была полукруглой, и жернов откатывался в свое изначальное положение, закрывающее отверстие в скале.

За камнем открывалось грубо высеченное в известняке переднее помещение высотой не менее двух метров. Дверь в усыпальницу была очень низкой и входящим приходилось нагибаться.

В правой части переднего помещения стояла каменная плита, на которой посетители могли посидеть. На этой плите в тесном помещении мужчины поспешно готовили к погребению тело Иисуса. Были зажжены тонкие восковые свечи. Когда тело Иисуса было уложено, Никодим положил легкое пушистое перышко под носом Усопшего. Оно должно было лежать там не менее четверти часа, и если за это время перо не шевельнулось, значит душа покинула тело.

Перо не шевельнулось.

Вокруг храма зажгли тысячи светильников в преддверии Великой субботы, от которой отделяло всего два часа. Обряд последнего жертвоприношения дня близился к концу, и поток людей с агнцами на руках, нисходящий по мраморным ступеням, напоминал медленный водопад.

А в глубине храма священники рассказывали Анне о кончине Иисуса. Мудрый старец внимал преисполненным негодованием голосам высокопоставленных священников, когда они перешли к рассказу о поступке Иосифа и Никодима. Лукавца это ничуть не тронуло. За свою долгую жизнь он знал о ереси не одного члена большого Синедриона. Он был свидетелем появления новых раввинских учений, их расцвета и падения. Он видел, как толпа устремлялась к новым религиозным философам, преклоняясь перед ними как перед Самим Богом.

Сейчас это не имело никакого значения. Никодим и Иосиф вскоре вернутся в храм кающимися. Если нет, то их можно призвать на формальное заседание Синедриона и обвинить в поддержке еретического учения. Они могут либо признать это, и тогда им придется покинуть лоно храма, либо отречься, оставшись в среде почтенных мужей.

Анну беспокоило другое - заявление Иисуса, что Он воскреснет через три дня. Теперь, когда Он был уже мертв, надо было сделать еще одно пустячное дело. Утром священники пойдут к Понтию Пилату с прошением выставить стражу у гробницы Иосифа Аримафейского, дабы злоумышленники из числа учеников Иисуса не выкрали Его тело с тем, чтобы заявить впоследствии, что Он восстал из мертвых.

Когда зять и иже с ним закончили рассказ о бесчестии, Анна облизнул свои старческие губы и посоветовал всем не сбрасывать со счетов обещания Иисуса о воскресении. Ранее священники не придавали этому значения, и сейчас начали живо обсуждать вопрос. Анна утихомирил их и подсказал направить делегацию к этому язычнику в Антонии и попросить поставить у гробницы римского часового на несколько дней.

Это предложение преследовало две цели. Во-первых, римляне сыграют ту же роль, что и в налете в Гефсиманском саду - участвуя в этом деле, они будут защищать свои интересы и не позволят никому выкрасть тело. Во-вторых, сейчас слово римлян будет иметь большой вес для иерусалимлян. Если скажут священники, что Иисус не восстал из гроба, тысячи последователей Галилеянина станут твердить, что священники лгут,

чтобы прикрыть свое грязное дело в распятии, а если это скажут римляне, люди поверят им, зная, что у язычников в этом деле не может быть никаких интересов. Каиафа воздал хвалу своему мудрому тестю.

4 часа

... Пушинка не шелохнулась, и ее сняли с лица Иисуса. Иоанн вышел к женщинам и взял полотно, которое они натерли бальзамирующими веществами. Их было два - экстракты из агавы и сокотрийского алоэ, имевшего запах бальзама, - что-то среднее между миррой и шафраном. Мужчины работали быстро и бесшумно. Один смазывал тело бальзамовым маслом, втирая его большим пальцем, другой разрывал полотно на полосы, третий завертывал этими полосами ноги и руки.

Тело покрыли большим куском полотна и отрезали спускавшийся на четверть ниже ног остаток, который порезали на узкие повязки. Большое полотно перевязали повязками вокруг шеи, талии и щиколоток. Верхняя часть полотна закрывала лицо, но повязка вокруг шеи давала возможность откинуть это покрывало и увидеть Покойника. Повязка на талии удерживала руки вдоль тела, а третья не позволяла ногам расходиться.

Когда все это было сделано, мужчины внесли тело Иисуса в склеп, с трудом протиснувшись сквозь низкий проход, и уложили его на каменной лавке справа, лицом к Иерусалиму. Лавка была высечена из цельного камня, и имела невысокий подголовник. Тело поправили, чтобы оно было в надлежащем покое, и с лица откинули покрывало. Закрытую гробницу заполнил запах бальзама.

Иоанн вышел, чтобы позвать трех Марий. Он сказал им, что в такой спешке тело было помазано недостаточно, что Мария Магдалина и Мария Алфеева могут прийти утром или в воскресенье с бальзамом и благовониями и отдать должное Господу.

Внутри было темно, в свете догорающих свечей едва различались стены и фигуры людей. Гробница была тесной, и мужчинам пришлось выйти, чтобы женщины смогли войти. Первой, согнувшись, вошла Мария. Ее тень упала на тело Божественного Сына, и она обнаружила, что слез у нее уже нет. За ней стояли две Марии, памятуя, что это было то, чего Он желал.

Спустя несколько минут, готовясь уйти, они шепотом договорились вернуться сюда еще и воздать должное Христу. Мария Магдалина хотела пойти и купить благовония прямо сейчас, но Никодим убедил ее, что уже наступает суббота. Это не поздно сделать и утром.

Иоанн вернулся в гробницу и одну за другой погасил свечи. Постепенно белые погребальные пелены Иисуса слились с фиолетовой темнотой. Выйдя наружу, Иоанн хотел поблагодарить Иосифа и Никодима, но они отказались принять его благодарность.

Все трое дружно налегли на круглый камень и сдвинули его назад, чтобы вынуть подложенный булыжник. А затем, придерживая, они отпускали жернов, пока он не занял своего места перед входом.

Никодим подобрал пустые коробки из-под бальзама и благовоний и остатки повязок. Он взглянул на лицо матери Иисуса и, не попрощавшись, ушел. Иосиф низко поклонился женщинам и пошел за ним. Иоанн беспомощно посмотрел на огромный жернов и сказал Марии, что уже время идти "домой". Она едва заметно улыбнулась новому сыну. Он взял ее под руку, и они пошли через рошу к скале, где возвышались три креста, а затем через ворота в Священный город.

Мария Алфеева не хотела уходить. Она села, прислонившись спиной к бурой поверхности жернова. Мария Магдалина села рядом.

День был долгим. Очень долгим. Было что запомнить, и запомнят этот день по-разному. Много творилось в тайне, хотя казнь была принародной. Пройдут недели, прежде чем весть дойдет до маленьких городов Галилеи и поселений к востоку от Иерихона.

Скорбь последователей Иисуса будет глубокой, но скоро она перегорит и превратится в радость. Они не понимали этого, по крайней мере сейчас. По их разумению, случившееся было трагическим поражением. Но это не так.

То была победа, которую трудно было представить. Он пришел в этот мир, чтобы умереть, и умер. Он пришел сказать человеку, что путь к жизни вечной это любовь, любовь каждого к другому, к Нему, Его любовь ко всем. И Он доказал это, положив Свою жизнь в муках за людей.

Он умер не только за евреев или за язычников. Он умер за человека, за все человечество. Он пришел в Палестину, чтобы положить начало Новому Завету. Отец заключил соглашение с евреями через Моисея. Но правители Иудеи на протяжении столетий извращали это соглашение, пока поклонение Богу стало лишь

внешним и было лишено внутреннего содержания. И поэтому Новый Завет должен быть появиться именно в Иудее.

Потому Иисусу Христу предназначено было умереть в Палестине, а из всех городов Палестины - именно в Священном городе, избранном городе Его Отца. Священники отвергли Его, устроили заговор и убили. А народ искал и страстно, ждал Мессию. И хотя Иисус не соответствовал их представлению о чудесном Мессии, облеченном славой, они охотно слушали Его. И не только слушали, но и последовали за Ним.

Два года и четыре месяца Иисус проповедовал, творил чудеса, исцелял И Своими муками, крестной смертью и Воскресением Он указал путь ищущим истину.

... Две Марии все еще сидели, прислонившись к камню Они любили Иисуса

Они даже не заметили, что уже ярко светит солнце.